23/I-14

Дорогие читатели!

ВЫ МОЖЕТЕ ПОДПИСАТЬСЯ НА ЖУРНАЛ "РОДИНА" С ЛЮБОГО ПОСЛЕДУЮЩЕГО МЕСЯЦА ЭТОГО ГОДА НА ЛЮБОЙ СРОК

Цена одного номера по подписке: 1 р. 25 коп.

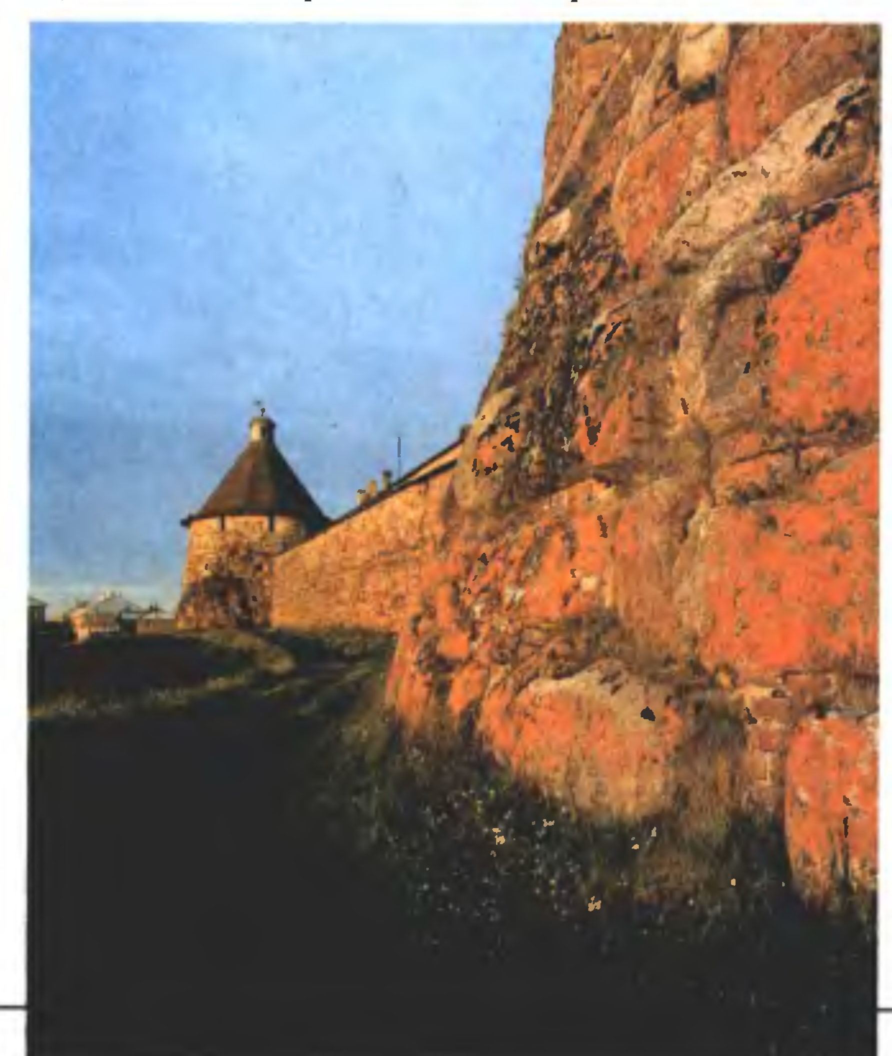

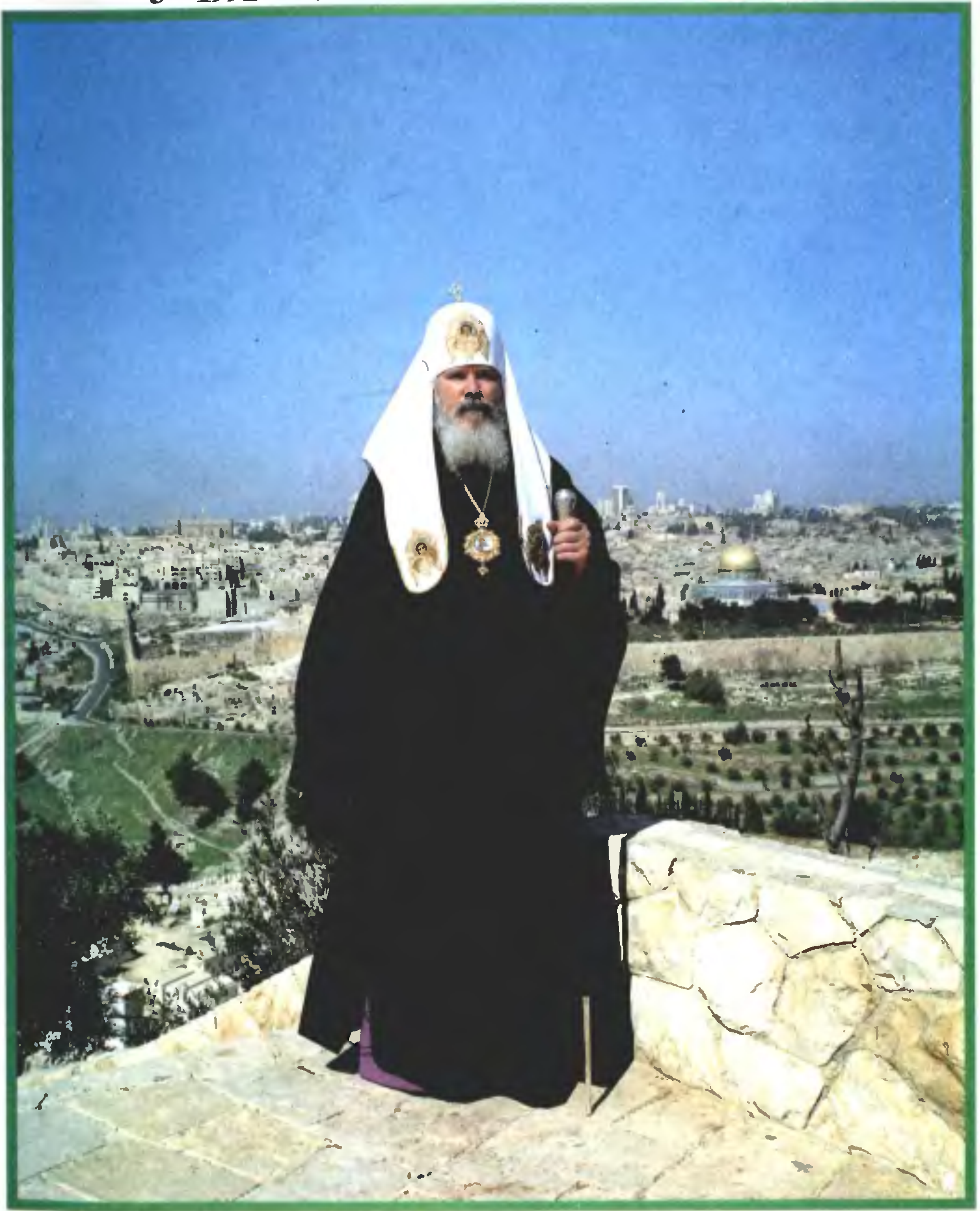
Фото Виктора Корнюшина

Индекс 73325
1 руб. 50 коп.

РОДИНА

3—1991

ISSN 0235—7089

Святейший Патриарх Московский и всея Руси Алексий II в Святом Граде

Услышать друг друга...

Фото Юрия Козырева

На внеочередном съезде народных депутатов РСФСР и возле него.

РОДИНА

ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ НАУЧНО-ПОПУЛЯРНЫЙ ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ ЖУРНАЛ
УЧРЕДИТЕЛЬ: ВЕРХОВНЫЙ СОВЕТ РСФСР

3—1991

Выходит с января 1989 г.

Издательство «СОВЕТСКАЯ РОССИЯ»

СТАРОЕ

16

Брестский мир, заключенный Лениным с Германией на варварских для России условиях, — один из трагических и не разгаданных до конца вопросов отечественной истории. Мир, которого не было,— так оценивает русско-немецкий сговор собкор «Родины» в США Юрий Фельштинский.

43

«А дальше за стеной что? Свобода? А может быть, другая, еще более высокая каменная стена»,— писал в тюрьме знаменитый оппонент Сталина М. Рютин. Его письма родным, написанные в неволе более полувека назад, только сейчас увидели свет.

67

«Смута» — рассказ о прошлом, в котором явственно угадываются черты сегодняшних коллизий.

НОВОЕ

10

В Мюнхен журналист Ф. Медведев приехал не в служебную командировку, а по приглашению радиостанции «Свобода». Вот что говорит он об итогах поездки: «Работа на «РС» — это действительно ра-бо-та. Я все делал сам: от поиска и обработки материала до его «выброса» в эфир. В Мюнхене я еще раз понял, что свобода — осознанная необходимость. В том числе и с кавычками в слове «свобода».

74

Очерк о партийном работнике публицист Б. Миронова написал на основе личных встреч и дневниковых записей.

ВЕЧНОЕ

Соловецкие острова — Москва — Ленинград — Петроводск — Кижи — Ярославль — Кострома — Нижний Новгород — Казань — Куйбышев — Саратов — Волгоград — Ростов-на-Дону — Одесса — Салоники — Пирей — Афины — Каттанья — Неаполь — Чевитавеккья — Рим — Ватикан — Марсель — Ла-Валетта — Александрия — Каир — Хайфа — Тель-Авив — Иерусалим — Назарет — Вифлеем... — такой маршрут миссии, организованной благотворительным обществом «Личность». Мы предлагаем своего рода путевой дневник, который вел фотокорреспондент В. Корнюшин.

СОДЕРЖАНИЕ

В. АКСЮЧИЦ. *К себе — к отцам!* 7
Ф. МЕДВЕДЕВ. *У «Свободы» все впереди* . . 10
П. СПИВАК. *Разговор в сумерках демократии* 14
Ю. ФЕЛЬШТИНСКИЙ. *Мир, которого не было* . . 16
А. КЛЯМКИН. *Не забыть бы про овраги*.... 22
В. АФАНАСЬЕВ. *Человек и власть* 23
Ф. ЛУРЬЕ. *Провокаторы* 26
О. ЩЕРБИНИНА. *Топало притопало в рабочих сапогах* 33
Ю. КАШКАРОВ. *«Новый Журнал»* 35
И. НОВОСИЛЬЦЕВ. *Андрей Андреевич Власов* . 36
М. БЫЧКОВА. *Древо познания* 39
В. ПОНСОВ. *Сабуровы* 41
Л. САВЕЛОВ. *Лекции по русской генеалогии читаны в Московском археологическом институте* 41
Ю. ЖУКОВСКАЯ. *Прозрение* 43
В. КРУПИН. *Крест и пропасть* 48
Н. БУГАЙ. *Облагодетельствовал* . . . 63
А. ТОЛСТОЙ. *Как я был большевиком* . . 65
Е. ПУЧКОВА. *Как славно быть банкротом* 66
В. КОБРИН. *Смута* 67
Б. МИРОНОВ. *Свежий кавалер* 74
В. ГОЛУБЕВ. *В пользу бедных* 79
ГРАЖДАНСКАЯ ИНИЦИАТИВА 81
С. ВОЛОВЕЦ. *Выбираем судьбу по карману* 83
Ф. ЧУЕВ. *Сто сорок бесед с Молотовым* 84
В. НИКИТИН. *Коми-ижемцы* 93

ВИКТОР АКСЮЧИЦ,
народный депутат РСФСР, сопредседатель Думы РХДД

К СЕБЕ — К ОТЦАМ!

Обострение национальных конфликтов в СССР гибельно не только для нашей страны. Полемика по национальному вопросу ведется на всех уровнях и всеми средствами, но ей менее всего достает трезвого анализа взрывоопасных проблем. В этом больном вопросе иногда недостойно проявляют себя даже те, кто во всех других отношениях отличается терпимостью и здравым смыслом.

Царящая взаимная распря особенно болезненно отзывается на «русском вопросе». События в Прибалтике показали, что русскую проблему проигнорировать уже невозможно, как недопустимо и ее агрессивное решение. Там руководители демократических народных фронтов, видимо, начинают понимать, что они проигрывают борьбу за русскоязычное население, толкая его к радикальным мерам собственным радикализмом. Так или иначе, но национальные проблемы придется решать всем вместе, и единственный путь здесь — бороться за демократизацию сознания русскоязычного населения так же, как и латышского, литовского, эстонского.

Тем более все это относится к России, где большинство все-таки русские. Преступно слепыми выглядят русофобские лозунги кавказских, украинских или прибалтийских националистов. Мне часто приходилось слышать, что русские специально организовали голод на Украине, что Русская православная церковь вызвала репрессии против украинского духовенства после второй мировой войны, что ленивые «русские свиньи» не хотят работать и потому бросают среднюю полосу России, чтобы переселяться в более обеспеченную Прибалтику... Однако говорящие это забывают о том, что голод в Поволжье тоже был инспирирован, что русское крестьянство разгромлено коллективизацией более, чем в любой другой республике, что русское православное духовенство было тотально репрессировано (в 30-е годы на свободе оставались три епископа)... И не хотят замечать совершенно очевидный факт, что виновником всего этого является единая интернациональная коммунистическая сила, а не русский народ.

Помимо того, что шовинизм малого народа ничем не лучше, чем шовинизм большого, здесь, в России, антирусские настроения только стимулируют рост русского национализма и способствуют укреплению такого уродливого явления, как «советский патриотизм». И самое главное, русофобия подменяет образ реального врага всех народов — денационализированного люмпена — образом мифических «русских оккупантов».

Националистические предрассудки не позволяют обнаружить здоровые силы в русском патриотическом возрождении.

С удивительным единодушием и советские, и западные средства массовой информации муссируют тему «Памяти», делая тем самым рекламу радикальным группам, которых хватает во всяком общественном движении в любой стране. И вместе с тем и те, и другие упорно игнорируют конструктивные идеи в российском общественном движении.

Для многих уже очевидно, что единственной альтернативой коммунистическому тоталитаризму в странах Восточной Европы, в Прибалтике, на Кавказе или Украине может быть только религиозно-национальное возрождение. Ибо благое будущее невозможно построить без опоры на благое прошлое, то есть без восстановления национальной культурной традиции. Только этот путь позволит освободиться от губительных утопических экспериментов, основанных на заимствовании чуждых идеологий.

Но этот универсальный закон почему-то не распространяют на русских. Тогда как и для России спасение возможно только через религиозно-национальное возрождение, воссоздание органичного для этого народа культурного, экономического и социально-политического уклада. Эта проблема и является водоразделом между позициями «западников» и «почвенников». В данном случае я оставляю в стороне радикальные крайности, но попытаюсь сосредоточить внимание на более умеренном центре, для которого еще остается возможность диалога.

Прежде всего о полемике между «западниками» и «почвенниками» в официальных советских журналах.

Те, кого у нас принято считать «западниками», по установке своего сознания склонны отрешиться от органичной русской культуры и ориентироваться на западные образцы, которые им представляются общечеловеческими. Им чужды многие ценности русской культуры и истории. Даже начетнические знания некоторых из них не гарантируют от невежественных суждений о русской истории и культуре. Все органично русское для «западнического» сознания имеет только отрицательное значение. И нередко из уст интеллигентного человека можно услышать: «Россия — проклятое место», «в этой... (здесь обыкновенно какой-нибудь грязный эпитет) стране никогда не было и не может быть ничего хорошего». Положительным у нас признается только то, что отражает западные образцы.

Я приведу циркулирующие в советской прессе цитаты из во многом интересного романа Гроссмана с тем, чтобы читатели попробовали вместо слова «Россия» подставить какое-нибудь другое, ну, например, «Эстония», «Армения», и обдумать полученный эффект. Итак: «Девятьсот лет просторы России, порождавшие в поверхностном восприятии ощущение душевного размаха, удали и воли, были немой ретортой рабства»; «Развитие Запада оплодотворялось ростом свободы, а развитие России оплодотворялось ростом рабства»; «Пора понять отгадчикам России, что одно лишь тысячелетнее рабство создало мистику русской души»; «русская душа — тысячелетняя раба». Совершенно очевидно, что подобные высказывания в отношении к любой другой нации квалифицировались бы как духовный геноцид.

«Западническое» сознание не способно признать, что для России, как и для любой другой страны, гибельны искусственные заимствования и насильственные утопические внедрения. Катастрофические итоги февраля 1917 года должны были бы убедить всех, что одного — «европейского» — пути для всех народов нет и быть не может. Что западные формы вполне органичны только для Запада. Что общечеловеческое означает прежде всего многообразие индивидуальных национальных форм и путей. И только это создает условия для плодотворного взаимовлияния и заимствования.

Таким образом, общечеловеческая истина о суверенности каждой национальной культуры «западниками» признается, но только не в отношении к России. Так, никого не удивляет, что польский парламент называется сеймом, а нарождающееся народовластие в Прибалтике — думой; что депутаты Съезда Советов из национальных республик говорят о нуждах своих народов и отстаивают их духовное возрождение (ибо для всех очевидно, что

суверенитет Армении или Эстонии означает их национальную самобытность). То, что само собой разумеется для всякого другого народа, на русских в сознании «западников» как-то не распространяется. Также для всех само собой разумеется, что группа московских либеральных депутатов ни слова не говорит о нуждах русского народа, о необходимости его национального возрождения. Если бы мы прочитали в прибалтийской прессе призыв к «возрождению традиционных духовно-нравственных заветов», то отнеслись бы к этому как к трезвой, плодотворной позиции. Но вот что пишут отдельные представители нашей либеральной интеллигенции об этих же ценностях в отношении к России: «Какие-то отвлеченности, вроде того, что спасение России — в возрождении ее «традиционных духовно-нравственных заветов».

В общем, то, что свойственно для всякой другой страны, чуждо России. Россия в глазах «западников» имеет право развиваться по какому-то другому, но только не своему образцу, в данном случае — по западноевропейскому. Хотя этот «образец» — очередная утопия, ибо Запад — это сообщество неповторимых национальных организмов.

Но поскольку наши «западники» все же не европейцы, то их требования к России вновь и вновь повторяют старые заблуждения русской интеллигенции: они видят на Западе не столько его великие достижения, сколько периферийные явления; ценят не столько доблести, сколько слабости и даже пороки. Наши либералы способны воспринять только вырождающиеся формы либерализма: западный индивидуализм и экономический эгоизм. Все, что они хотели бы заимствовать, сводится к массовой культуре и материальной пресыщенности, которые, как это уже очевидно для чутких людей на Западе, несут цивилизации перспективы самоистребления.

Секуляризованное «западническое» сознание не может разглядеть глубинных христианских корней в западной цивилизации. Запад-то и держится еще наследием христианских ценностей, духовных традиций, незримо пронизывающих все сферы. И понять европейскую культуру вне христианства просто невозможно. Западноевропейский либерализм мог возникнуть только в лоне христианства, утверждающего богоподобность человеческой личности, равенство всех людей перед Богом.

Таким образом, отвернувшись от России во имя «общечеловеческих» идеалов, наши «западники» видят в Европе традиционно интеллигентскую иллюзию «русского Запада». Для многих Запад притягателен как оплот свободы. Действительно, западный мир сейчас наиболее свободный. Но у него был свой достаточно кровавый путь к этой свободе. Свобода — это не западная ценность, а надчеловеческая, вечная. Но данность свободы «от века» только предоставляет человеку возможность свободно устраивать свое бытие. А какими быть, в каких формах жить в свободе — это еще только предстоит определить творчески, то есть не заимствуя чужого. Очевидно, каждая нация должна найти индивидуальный путь к свободе и взрастить ее органичные институты. И трезвый взгляд историка обнаружит, что Россия шла именно этим путем. То же, что случилось в 1917 году,— следствие общемировой трагедии.

Естественно, что утопическая платформа «западничества» не дает адекватных ориентиров в реальности и потому обречена в России на историческое бесплодие. Если, конечно, утопия очередной раз не оседлает реальность.

Перспективы в возрождении России, по сути вещей, должна была бы иметь «почвенническая» ориентация, учитывающая историческую национальную органику и предназначенная воплощать общечеловеческие ценности не в утопическом вакууме, а в реальности. Но при ближайшем рассмотрении оказывается, что сознание наших «почвенников» не менее утопично, чем сознание «западников». Хотя здесь отрыв от реальности проходит по другим рубежам.

Время показывает, что «западники» быстрее и легче освобождаются от марксистско-ленинского дурмана, чем «почвенники». Это, конечно, не означает полного оздоровления «западнического» сознания, в нем остаются разнообразные идеологические заморочки. Но почему же практически все манифесты именно наших «почвенников» преисполнены симпатий к ленинским идеалам? Почему наши патриоты готовы видеть врагов России и русского народа в ком угодно, только не в лице той идеологии и той силы, которая принесла стране и народу беспримерные в истории бедствия? Причем искренней верности ленинизму гораздо больше, чем тактического заигрывания. Речь идет не о безответственно экстремистском крыле «Памяти» и не о номенклатурном советском патриотизме. Болезненная тяга к «ленинским нормам» свойственна публицистике многих наших всенародно признанных писателей и культурных деятелей, которые сами же своим художественным творчеством послужили освобождению сознания соотечественников от этих идеологических догм.

Чем объяснить болезненную привязанность «почвенников»-националистов к интернациональной идеологии, то есть к самой радикальной антинациональной силе? Уродливость этого хитросплетения производит отталкивающее впечатление, особенно в сравнении со «здравомыслием» «западников». Но, как это ни парадоксально, искаженная «почвенническая» ориентация ближе к истине, чем благопристойная «западническая». Ибо «западничество» — это принципиальная экзистенциальная позиция, а не заблуждение. «Западничество» — это окончательный выбор, духовная ориентация, которая почти не оставляет надежд на корректировку. Заигрывания же «почвенников» с ленинизмом — это болезненное искажение и искреннее заблуждение. Но болезнь возможно излечить, а человека, находящегося в заблуждении,— переубедить. В чем же причины двоемыслия и подмены «почвеннического» сознания?

Прежде всего, как это ни прискорбно, наши патриоты плохо знают историю России, ее культуру. То, чем они владеют профессионально,— фрагментарно, клочковато. Общественно-политическое сознание их идеологизировано. Вне марксистско-ленинской идеологии они, по существу, не способны ориентироваться. Им неведома политическая культура дореволюционной России, плохо известен ее социально-экономический уклад. Поэтому многие «почвенники» и хватаются за ленинизм, как за последний светлый оплот в единственно доступном им мировоззрении.

Не нужно забывать, что если сейчас разлагается система идеологического насилия, то другая основа идеологической власти — система лжи — действует еще очень эффективно. Гласность только начинает затрагивать те области, которые способны просветить не только массы, но и интеллигенцию. Люди в России не знают самых элементарных фактов собственной истории, культуры. От них еще во многом скрыта и современность. Но, кроме непросвещенности, у рассматриваемого явления есть и психологические корни.

В «почвенническом» сознании происходит следующая аберрация. Оно не способно отказаться от «завоеваний Октября» только потому, что это есть факт «нашей истории». Как бы это ни было плохо, но поскольку наше, то вроде бы уже и не может быть абсолютно противоположным нам, не может являться

однозначным злом. Понятно патриотическое стремление принять на себя ответственность за историю своей страны, но, не подкрепленное просвещенностью и самокритической аскезой, оно приводит к абсурду: любви к Отечеству и любви к людоеду Отечества — Ленину. Дальше — больше: поскольку все же кто-то виноват, то это могут быть только «не наши». Отсюда кампания раскрытия псевдонимов «ленинской гвардии».

Так стремление принять полноту истории своей страны вырождается в свою противоположность: нежелание признать историческую вину России и русских. Оправдывая же зло российское, приходится оправдывать и зло, направленное против нее. Все это происходит вследствие узости сознания наших патриотов. Как секуляризованное сознание «западников» не позволяет им сполна понять самое ценное в Западе, так и отсутствие начатков христианского просвещения закрывает от «почвенников» святая святых русской культуры — Православие. Великая русская христианская культура вызывает у наших «почвенников» в основном этнографический интерес. Храмы и иконы для них — это только памятники старины. Не обладая религиозной верой, они не ощущают христианских основ русской истории. Не ощущая христианских основ русской истории, они не способны понять ее, видят в истории России только охранительно-консервативные тенденции, им ближе Победоносцев, а не Столыпин. Оба убежденных монархиста боролись за органично российские формы, но один призывал «подморозить» Россию, другой же проводил смелые либеральные реформы. Как истинный христианин, Столыпин был озабочен тем, чтобы предоставить максимальные права богоподобной человеческой личности. Как истинный патриот, он считал, что благосостояние и мощь государства могут покоиться только на полноправном гражданине. Этих свободных и ответственных граждан он стремился воспитать в крестьянстве, выводя его из общины в индивидуальное владение. Наши «почвенники» призывают вновь «подморозить» Россию. Яростно борясь с заимствованиями, они отрицают и свободы, и права человека. Но это уже есть отрицание не «западнических», а общечеловеческих, надмирных ценностей. Да, Россия меньше шла по пути реализации общественной и политической свободы, чем Запад, но на этом пути есть свои уникальные возможности свободы и самоуправления (особенно опыт земских соборов, земского самоуправления и столыпинских реформ). Поэтому возрождение России — не в историческом консерватизме, а в историческом динамизме, не в реставрации институтов прошлого (например, сельской общины), а в творческом продолжении истинно российских традиций.

В современной жизни «почвенникам» многое тоже видится искаженно либо остается вне их поля зрения. Смешанность критериев добра и зла порождает в их сознании новые призраки и фантазмы. Безрелигиозное сознание вынуждено искать духовную опору вне себя и вместо Бога Истинного выстраивает себе кумиров («ленинские нормы», «завоевания Октября», «чистота партбилета»...). Многих «почвенников» охватывает апокалипсический ужас от молодежного рока, панков, от того, что у РСФСР не было собственного ЦК партии... Тогда как самая бесчеловечная в мировой истории идеология и система ее власти не вызывают подобных эмоций.

Понятно беспокойство наших писателей о нравственном состоянии молодежи, ибо идеологическая власть не случайно до последних дней открывала шлюзы авангарду и року, одновременно всеми силами блокируя развитие христианской культуры. Но опять же обличения «почвенников» направлены на борьбу со следствиями и судорожными акциями режима, а не на источники и причину зла.

Понятно, что многое в позиции «почвенников» — это защитная реакция на «западническую» антирусскую утопию. Но их болезненно воспаленное сознание заменяет одни фантазмы другими. Если «западники» требуют скорейшего расчленения Советского Союза (вплоть до отделения Сибири, Урала, Поволжья), лишения «русских оккупантов» в национальных республиках права голоса или даже изгнания «русских агрессоров», то «почвенники» противопоставляют этому современный вариант «единой неделимой». И очевидная утопичность этой программы «почвенникам» совершенно не очевидна. Если речь идет о восстановлении России в дореволюционных границах, то почему не возникает вопроса о финляндском и польском генерал-губернаторствах?! Если же русские патриоты ратуют за сохранение советской империи, то это означает только солидарность с самой антирусской силой! Понятно, когда «западников» по роду их установки не особенно волнует судьба русских. Но совсем уж абсурдно, когда в империалистическом раже русские патриоты как-то забывают о первейших нуждах русской нации. Неужели реальные интересы изнуренного коммунистическим гнетом русского народа в том, чтобы любой ценой сохранить единство «нашей социалистической родины»?! В том ли историческая миссия русского народа, чтобы насильственно удерживать возле себя других?!

Совершенно очевидно, что обе крайности — искусственное расчленение страны и стремление всеми силами сохранить монолит коммунистической империи — сходятся в одном: они перекрывают путь к демократическим формам национального самоопределения народов СССР. Не говоря уже о том, что обе эти тенденции, каждая по-своему, усиливают власть интернационального люмпена, поработившего все народы страны.

Все эти судороги «почвеннического» сознания не могут не вызывать отрицательного отношения со стороны трезвомыслящих людей внутри страны и тем более у западной общественности. Но, чтобы оценить явление в его полноте, необходимо понять его исторические причины и динамику.

Прежде всего надо признать, что режим интернациональной идеологии был навязан России. Все здоровые российские силы так или иначе сопротивлялись диктатуре идеологических сил. Только этим сопротивлением объясняется *беспрецедентное* в истории истребление людей. Новый режим уничтожал своих актуальных и потенциальных противников. Отметим, что основной удар пришелся на славянские народы России. Может быть, именно потому, что их духовная конституция принципиально иноприродна идеологической системе. Если бы коммунистический режим действительно был производным от «извечно рабского характера» русского народа, то к чему бы тогда этому режиму понадобился геноцид того народа, который якобы является опорой его власти?! (Для сравнения вспомним, что просвещенный немецкий народ *добровольно* проголосовал за установление власти античеловеческой идеологии другой разновидности. Именно поэтому нацистский режим не был направлен на истребление немецкой нации.)

И вот после семидесятилетнего пленения и избиения русский народ находит в себе силы разорвать идеологические путы. Но сознание и историческая память не могут оздоровиться в одночасье. Мы и переживаем сейчас процесс медленного и болезненного освобождения от идеологического помутнения. По природе вещей закономер-

но, что при этом первые проблески сознания еще чередуются с провалами памяти, а первые невнятные фразы о свободе еще несут в себе остатки бреда. Печально, но исторически неизбежно, что старшие поколения, сознание которых с детства проштамповано идеологическими догмами, не способны достаточно быстро обрести трезвое понимание реальности и открыться общечеловеческим ценностям. То, что они совершили в деле нашего освобождения, уже требовало нечеловеческих усилий и было подвигом духа. (Вспомним опять же, что немецкую нацию освободили от идеологического помутнения внешние силы. Русский же народ освобождает себя вопреки эгоистическому невмешательству свободного мира.)

В противоречивом процессе духовного оздоровления нации закономерны и националистические срывы, и даже шовинистические провалы сознания. У какого народа нет своих экстремистов? Тем более в экстремальных исторических обстоятельствах. Экстремизм нельзя оправдывать, но, чтобы плодотворно с ним бороться, необходимо опознать болезненные рецидивы и, самое главное, отсечь их от здорового процесса патриотического возрождения русского народа. Но для этого необходимо признать патриотизм русского народа как положительное явление, равно как приветствуются всеми людьми доброй воли патриотические движения Грузии, Литвы, Польши...

Русский народ спасет только здоровое патриотическое религиозное возрождение, путь «не назад, а вперед — к отцам» (Г. Флоровский), к восстановлению православной культуры, воссозданию на ее основе органичного для тысячелетней культуры общественного сознания, экономического уклада и государственности. Свободный русский народ будет способен сам найти органичные для себя формы жизни.

Итак, законы межнационального выживания едины для всех без исключения. Это как минимум уважение суверенитета, терпимость к иноприродности, а как нравственная максима — любовь через «покаяние и самоограничение». Напомним, что этот призыв прозвучал семнадцать лет назад из уст Александра Солженицына, великого русского писателя и патриота. Это тот духовный уровень, на котором выразитель современного русского патриотического сознания предлагает вести межнациональный диалог.

У «Свободы» все впереди...

С Владимиром Матусевичем, директором русской службы радио «Свобода», беседует редактор отдела русского зарубежья журнала «Родина» Феликс Медведев.

— Генри Киссинджер никогда не сможет стать президентом США, потому что он не родился в Америке, он натурализованный американец, а я родился в Америке...

— *Простите, значит...*

— Да, да, теоретически я могу стать президентом США.

В столовке «Свободы» шум и гвалт. Обеденный перерыв, и все места, их приблизительно около сотни, заняты пришедшими перекусить сотрудниками радиостанции. За обедом продолжается обсуждение эфирных новостей, сообщений с Востока. Среди обедающих знакомые московские лица: Александр Кабаков, Игорь Кохановский, Андрей Черкизов... Прямо-таки филиал Союза писателей.

Весь день у директора русской службы радио «Свобода» закручен, как мощная пружина. Ни времени расслабиться, ни возможности передохнуть. Вот и продолжили нашу беседу за обедом.

— Мой отец работал в Амторге. В сороковом семья вернулась в Россию, мне было четыре года. Отца, конечно же, сразу взяли как американского шпиона. В следующий раз я его увидел через шестнадцать лет. В общем-то чего уж там, банальная советская история.

— *Главный редактор радио «Свобода» — это головокружительная карьера. Говорят, что по ведомству ЦРУ вы явно в генеральском чине.*

— Карьера меня никогда не интересовала, и я уже отказывался в свое время от этой, как вы выразились, генеральской должности. Я люблю свое дело — журналистику. Я журналист, а не администратор.

А касательно того, что мы находимся на содержании ЦРУ, то полные данные вы можете получить, обратившись к сочинению некоего Василия Викторова, который явно обладает информацией не ниже генерала КГБ, опубликованному в журнале «Журналист» в начале 1985 года под игривым заголовком «Февральское «квадро». Мне просто нечего прибавить к байкам, помещенным в этой разухабистой повестушке о финансировании «Свободы» ЦРУ, и, кстати, к множеству других сообщений на эту тему в доперестроечной советской прессе. А если серьезно, то конгрессом США на этот финансовый год нам выделено 190 миллионов долларов.

— *Как расценивать такой факт: русский отдел «Голоса Америки» долгое время занимал первое место по аудитории в Советском Союзе. В последние же годы, когда вы уже пребывали в должности главного, аудитория «Свободы» стала в два раза больше, чем у ее заокеанских конкурентов.*

— Боже упаси, если вы подумали, что это результат моего титанического труда. Ситуация в Советском Союзе сегодня такова, что людям совершенно наплевать на события, происходящие, скажем, в Америке или в Англии. Им хочется знать и слышать только о себе. И радио «Свобода» в этом смысле вне конкуренции с другими зарубежными радиостанциями. Могу потешить себя надеждой, что есть в этом и малая толика моего журналистского труда.

— *Были ли вы готовы к отмене глушения или это событие стало для вас неожиданностью?*

— Если честно, это было неожиданно. И радостно. Думаю, что к отмене глушения СССР и США шли уже с Рейкьявика. Не знаю, известно ли вам о том, что Горбачев предложил Рейгану дать возможность московскому радио вещать средними волнами на США. Взамен он обещал остановить глушение западных станций. Так вот, переговоры и уговоры друг друга шли несколько лет.

— *Как вы расцениваете заявление Эдуарда Лимонова в советской прессе о том, что прийти на «Свободу» все равно что прийти в ЦРУ?*

— Простите меня, неужели мы всерьез будем говорить о Лимонове? У меня нет никакого желания расценивать все, что он опубликовал и в жанре публицистики, и в жанре беллетристики. Это несерьезно.

— *Я стал случайным свидетелем вашего разговора с художником Ильей Глазуновым, который, позвонив из Гамбурга, выразил недовольство тем, что вы «поливаете» его в своих комментариях. В чем тут дело? Личная неприязнь?*

— Скажу прямо, Илья Глазунов не самый любимый мой художник. Последний раз я о нем передавал в эфир, будучи лондонским корреспондентом радио «Свобода», в 86-м году. Тогда в Лондоне состоялась персональная выставка Глазунова. Я предоставил слово английским критикам, которые действительно изругали ее в пух и прах.

— *И часто ли оппоненты выражают вам недовольство? Как вы реагируете на это?*

— В Париже есть отдел изучения аудитории «Свободы». До того как советские люди стали сами приезжать к нам в студии, мы получали лишь письма с откликами — и все. Так вот, социологическая группа пригласила в парижское отделение радио «Свобода» несколько десятков советских граждан, оказавшихся по самым разным обстоятельствам в Париже. Дали им прослушать несколько программ, связанных с тем, как радио «Свобода» освещает национальные проблемы в СССР. И в этот опрос, не совсем, может быть, по адресу, попал и мой комментарий в двести секунд, посвященный открытию съезда Российской компартии. Мнения об этом комментарии резко разделились. Причем фифти-фифти. С одной стороны, информация была точной, исчерпывающей, хорошо продуманной, комментарий пробуждает интерес слушателя. Матусевич заслуживает самых высоких похвал.

А с другой — комментарий агрессивен, саркастичен, безответствен, потому что сегодня реалистические надежды на прогресс и демократию полностью зависят от Горбачева. И вообще не надо его критиковать.

И как автор, и как журналист, я удовлетворен и польщен такой реакцией. Самым страшным для меня было бы равнодушие.

А вот пример другого рода. В 1989 году во время предвыборной кампании в Верховный Совет с писателем Василием Беловым была опубликована, кажется, в «Правде», обширная беседа. Протест против рока, поп-масс-культуры, которые «уродуют общество». Особенно резко досталось Америке. Писатель обнаружил некую взаимозависимость рок-музыки и СПИДа. Даже цифру назвал зараженных СПИДом грудных детей — 100 тысяч. Я позвонил в Американский центр, собирающий медицинскую статистику, и узнал, что цифра завышена раз в тридцать — пятьдесят. Я сделал вывод, что Белов лжет. Последовательно, трезво, расчетливо. До этого прочитал его роман «Все впереди», в котором несколько раз повторяется мысль, что радио «Свобода» соблазняет русского слушателя, подбивает его на алкоголизм. Извините, но большей чуши нельзя себе представить. Об этом и рассказал в радиопередаче.

Почему я упоминаю именно об этом комментарии? Потому что он фигурирует и в статье Шафаревича, и в предшествовавшей ей статье Назарова в «Литературной России». Вообще ваши национал-патриоты постоянно выступают против меня лично и русской службы радио «Свобода» за то, что мы критикуем таких писателей, как Распутин и Белов. Дескать, раз мы не любим почвенных писателей, значит, вообще ненавидим русских. Более того — всю Россию. Абсурд! Для меня, скажем, если уж говорить о писателях — то это прежде всего Владимир Маканин, которого я считаю лучшим из живущих ныне русских писателей и в России, и за рубежом. Замечу, что и Распутин, и Белов как художники для меня не что иное, нежели общественные деятели, публицисты. Не часто, наверное, взрослый человек плачет над книгой. А я плакал. Довольно поздно набрел на «Прощание с Матерой». В Финляндии снял для отдыха лесную хибарку на берегу озера, окруженную диким лесом. И вот там в абсолютной тишине читал «Прощание с Матерой». Читал и плакал. Вот что значит для меня Распутин-писатель. И вообще все или почти все, что он написал, я ценю очень высоко.

К Василию Белову отношусь более прохладно. Но понимаю, что если его «Плотницкие рассказы» безусловно высокая литература, то роман «Все впереди» для меня хрестоматийный школьный пример того, как нравственная идеологическая озлобленность губит и душит талант. Роман этот написан другим пером, пером проскуриных и ивановых.

Разница между творческой и гражданской позицией человека бывает огромна. Я не могу, скажем, на дух принять политическую публицистику Рихарда Вагнера, зоологического антисемита, омерзительного немецкого шовиниста. Но это мой самый любимый композитор. «Кольцо нибелунга» для меня — одно дело, а писания Вагнера — другое. И я их никак не отождествляю. И когда В. Распутин — создатель и соредактор «Литературного Иркутска» — печатает анонимное обращение деятелей русской культуры к XIX партконференции, в котором имяреки требуют того, что потом спустя полтора года станет требовать Смирнов-Осташвили, а именно процентного соотношения представительства наций в учебных заведениях, в редакциях и т. д., то это для меня уже другой Распутин. Вызывающий отвращение и стыд.

— *А как на «Свободе» с плюрализмом мнений и терпимостью по отношению к разного рода выступлениям? Я, к примеру, встретил в коридорах «Свободы» литературного критика Владимира Бондаренко. Если ваши сотрудники подготовят с ним интервью, вы не станете возражать?*

— Все будет зависеть от контекста. Год тому назад у нас в парижской студии записали беседу о Солженицыне с писателем Петром Паламарчуком. В этой беседе не столько по поводу Солженицына, сколько по другим соображениям Паламарчук высказал нечто, что, прямо... Ну, понимаете, здесь дело не в моих личных вкусах. Я люблю свою работу, наслаждаюсь ею и считаю, что мои личные убеждения полностью совпадают с нашим официальным документом — кодом журналистской этики и журналистской работы сотрудника радио «Свободная Европа» и «Свобода», учрежденным Советом международного радиовещания в Вашингтоне. Код этот категорически запрещает любые материалы, которые можно интерпретировать как оскорбление людей по национальным, расовым, религиозным и прочим признакам. Мы не можем допустить шовинистических выпадов по голосу радио «Свобода».

— *Были ли случаи, когда вы, как редактор, останавливали негативную информацию о М. Горбачеве? И вообще есть ли у вас цензура?*

— Один из народных депутатов Верховного Совета выдал нам монолог, в котором Горбачев являлся чуть ли не главным мафиози в Советском Союзе, что он-де замешан в самых грязных российских и южнорусских партийно-мафиозных делах. Материал я зарубил: какое мы имеем право давать его в эфир? Ради дешевой сенсации? А где документы, где подтверждения? Это гдляновско-ивановский уровень: «У нас есть все доказательства. Они в сейфе». Но, простите, откройте ваш сейф.

— *Судились ли с вами оскорбленные оппоненты, герои ваших передач, проживающие в СССР?*

— Такого не припомню.

— *Владимир Борисович, в СССР вы были кинокритиком?*

— По профессии я был киноведом и работал в Институте истории культуры, специализировался на скандинавском кино. Писал диссертацию о драматургии Нурдаля Грига, норвежского писателя. На борту канадского бомбардировщика он погиб над Берлином, хотя летчиком не был. Работая над диссертацией, изучая творчество Грига, его

жизнь, я испытал глубочайший шок, после которого не мог продолжать работу. Дело в том, что после испанской гражданской войны, во время чисток 30-х годов он жил в Советском Союзе. Не был членом партии, но считал себя ярым коммунистом. Мне удалось найти живых свидетелей, и я узнал следующее: у Грига была любимая женщина — латышка по национальности, но советская гражданка, убежденнейшая коммунистка. Он описывает ее в романе «Мир еще должен стать молодым», романе, в котором Григ практически оправдывает ужас террора, оправдывает сталинские процессы. На русский язык роман не переводился. И вот после того как я узнал, и узнал с абсолютной степенью достоверности, что он выдал эту женщину, выдал совершенно спокойно, уверовав в то, что это предательство по отношению к ней нужно для дела, и она исчезла на Лубянке, я не мог уже всерьез заниматься творчеством этого человека. Диссертацию свою я не дописал.

— *Как вы оказались на Западе?*

— Осенью 76-го года министерство культуры Дании пригласило меня на месяц на работу в Копенгаген. Одновременно я получил приглашение от шведского киноинститута участвовать в международной конференции, посвященной молодому шведскому кино. Оттуда я вернулся другим человеком. Когда потом меня расспрашивали, почему я решил покинуть Родину, я, не кривя душой, объяснял: не приемлю систему. Но если быть абсолютно честным, то толчком к отъезду стал, в сущности, такой эпизод. В Дании на улице случайно познакомился с девушкой. Она была из тех семей, в которых один день похож на другой. Вся жизнь до гробовой доски расписана — благополучная, скучная, добропорядочная семья.

И вот она начала легкий, ни к чему не обязывающий роман. Я для нее был экзотическим русским. И меня пленила экзотика: ну как же, датчанка! И вот в один прекрасный день она повезла меня на машине по излюбленное место прогулок, такого любовного шушуканья в центре Копенгагена, у набережной Ланьетины, где знаменитая русалка. Мы сидели в машине, целовались, и вдруг я с ужасом увидел, что рядом с нами встал «Москвич», в нем два молодых человека и наружностью, и одеждой вроде бы советские. Моя подруга увидела, что я переменился в лице, побледнел, обмер, черт знает что происходило в те минуты со мной. «В чем дело, что случилось?» — недоуменно спросила она. «Знаешь, я боюсь, мне кажется, что эти двое из советского посольства». Она спокойно посмотрела на меня и сказала: «Ну и что?» И вдруг стала тихо плакать. А потом промолвила: «Владимир, я не могла помыслить, что встречу такого несчастного человека». Я сначала не понял. Это я-то несчастный?! На дворе 67-й год, я нахожусь в Дании, в Европе, без присмотра, есть какие-то деньги, у меня впереди еще целый месяц. Да кто может быть счастливее меня! И тут я посмотрел на себя ее глазами и увидел холуя, крепостного холуя, которому нежданно-негаданно с барского стола кинули блин с паюсной икрой. Именно в те минуты я стал другим, совершенно другим человеком. И понял: как же страшна моя жизнь. На Родину я вернулся. Надо было завершить сложные отношения с женой. Вскоре я развелся и стал свободным. Свободным и готовым к отъезду. Спустя семь месяцев, когда мне снова выпал случай поехать в Норвегию, я уже не колебался...

— *А как дальше складывалась ваша дорога к «Свободе»?*

— После основательной проверки мне дали политическое убежище в Дании. Зашумели газеты, и на меня посыпались предложения из самых разных учреждений и ведомств, в том числе и от «Свободы». В то время каждый новый человек из Советского Союза был на вес золота. Я любил Данию, любил Копенгаген, и мне не хотелось никуда уезжать, а на «Свободе» я мог работать скандинавским корреспондентом. Жил я там до 1973 года, пока меня не уломали все-таки переехать сюда, в Мюнхен.

— *Владимир Борисович, кто первым из советских людей не побоялся прийти на «Свободу» для интервью?*

— Могу ошибиться, но, кажется, режиссер Марк Захаров и с ним актеры Александр Абдулов и Олег Янковский.

— *Когда это было?*

— В феврале 1988 года, тогда в Мюнхене проводился фестиваль советского театра. Их пригласили наши сотрудники. А вслед за ними, уже, по-видимому, осмелев, потянулись другие. Сегодня, я думаю, нет ни одной мало-мальски популярной в Советском Союзе личности, политического ли деятеля, писателя, актера, чьи голоса не звучали в нашем эфире. Выступали министры, секретари обкомов партии, три члена Политбюро и Президентского совета.

— *Вы довольны?*

— Как ни странно, нет. Потому что звучат голоса одних и тех же людей, своеобразная обойма из тридцати — сорока человек. Надо, убеждаю своих сотрудников, искать новых людей, способных интересно мыслить, анализировать события. Убежден, таких в стране немало. К примеру, услышав в программе «Время» короткие интервью с профессором Яблоковым и академиком Емельяновым, подумал: «Вот бы пригласить их на «Свободу»!»

— *Велики ли на «Свободе» гонорары? Сколько зарабатывают ваши сотрудники?*

— Все зарабатывают очень хорошо. Жизненный уровень практически любого сотрудника выше среднего жизненного уровня среднего немца. Минута эфирного времени стоит десять — тридцать марок.

— *Многих ваших сотрудников в СССР знают миллионы. А кого вы из своих корреспондентов считаете наиболее интересными?*

— Мои критерии просты: тех, кто самостоятельно, с увлечением работает. Кто умен, интеллигентен: Сергей Юрьенен, Владимир Малинкович, Владимир Тольц, Ирина Каневская, Фатима Салказанова и Семен Мирский в Париже, Борис Парамонов, Петр Вайль в Нью-Йорке, Игорь Померанцев. Но, надо сказать, мы испытываем кадровые трудности.

— *В каком смысле?*

— Вещать 24 часа в сутки, выдавать на-гора уйму оригинального материала при штате в 95 человек, включая секретарш и машинисток,— поверьте, это безумно трудно. Но это еще не все. Многие годы принимали на работу кого угодно, выбора не было. Скопился «балласт». И уволить нельзя. Местные законы о труде таковы, что судья скажет: десять лет сотрудник был хорош и вдруг стал непрофессионален?

— *А вы можете пригласить в штат «Свободы» советского журналиста?*

— В штат брать не обязательно, особенно в нынешних условиях, но мы мечтаем открыть в Москве корпункт.

— *Выступал ли Александр Солженицын перед микрофоном «Свободы»?*

— Нет. Читались только главы из «Архипелага ГУЛАГ». Выступает он крайне редко. И по «Голосу Америки» ни разу не говорил. Пожалуй, один-единственный раз, если мне не изменяет память, он дал интервью Би-би-си. Зато почти все, о чем мы просили Александра Исаевича, он нам разрешал. Например, неоднократно мы повторяли интервью, которое он дал Никите Струве. Не могу не добавить, что отношения Солженицына со «Свободой» испортились (вернее, его отношение к «Свободе», да и к «Голосу Америки») в году 80-м. Главная претензия состояла в том, что мы, дескать, морочим голову советским слушателям всякой ерундой, тогда как советским слушателям нужны только передачи по российской истории и религиозные программы. В этом случае, считал Солженицын, все образуется, все возродится.

— *Ваше личное отношение к Александру Солженицыну? Что вы думаете о его проектах устройства России?*

— Я прочитал с большим интересом и с несомненным уважением брошюру «Как обустроить Россию?». Для себя ничего принципиально нового не нашел, что отнюдь не в укор писателю. Эта работа, скажем, менее колючая, менее гневная, чем прошлая публицистика. Но как были поданы эти тридцать миллионов копий, брошенных в страну! Как откровение пророка! Мне думается, что неистовство последнего времени вокруг имени Солженицына и его работ, когда водопад солженицынских текстов, разобранных, расхватанных по различным журналам, обрушился на читателя,— это в общем-то не в пользу писателя. Это подрывает и даже умаляет, если хотите, несомненное величие и несомненную глубину встречи русского читателя (наконец-то!) с его работами, с его творениями, с его мыслями.

— *У вас есть кумиры?*

— Должен признаться, был в моей жизни кумир. Настоящий. И я действительно отдал ему свою любовь — это Андрей Тарковский. Я знал его еще в Советском Союзе. А потом мы встречались на Западе. Расскажу о первой встрече с ним в Европе. Это было в Каннах, в 1972 году. От «Свободы» я каждый год ездил туда на международные кинофестивали. Когда приходилось встречать бывших коллег, они ускользали от меня подальше, чтобы, не дай Бог, не спровоцировал их на контакт. Так вот, проходя по набережной в Каннах перед Дворцом фестивалей, я увидел деятелей кино во главе с тогдашним председателем Госкино Романовым. Среди них и Андрей Тарковский. Я, естественно, прохожу мимо, делаю вид, что не узнаю. И вдруг громко при всей этой «шобле» раздается голос Андрея: «Володя, добрый день, что ж ты не здороваешься?» Подошел ко мне, и между нами начался нормальный разговор. В нем не было позы, не было жеста. Советская власть, как ни трудилась, не сломала его, не испортила. А вечером Тарковский, Наташа Бондарчук и я пошли в ресторан.

Кстати, долгое время мною владел и Александр Исаевич. Но, знаете ли, мои иллюзии по отношению к этому великому человеку были развеяны после публикации им в 1982 году в «Вестнике Российского христианского движения» эссе о фильме Тарковского «Андрей Рублев». Это, наверное, случайное совпадение, но несколько позже в том же духе о фильме высказался в журнале «Советский экран» Илья Глазунов, а через несколько лет и Игорь Шафаревич. Все трое в меру и силу своих литературных талантов поливали, поносили Тарковского и фильм «Андрей Рублев». За что? Да за то якобы, что он создал антирусский фильм, что его героями стали темные злые мужики, история Руси на фоне княжеских раздоров выглядит мрачно и трагично, а не славно, как в операх Римского-Корсакова. Такая точка зрения многое для меня определяет в раскладе и тогдашних, и сегодняшних споров о России, об искусстве и, если хотите, о патриотизме и национализме. Для меня истинный патриотизм — это Тарковский — человек и художник. А взгляды его оппонентов — националистические взгляды.

— *Как вы, бывший советский человек, воспринимаете будущее своей бывшей Родины?*

— Когда я пытаюсь выстроить хотя бы условно более или менее оптимистическую схему, мои собеседники из Советского Союза немедленно разбивают ее вдрызг и смотрят на дело куда более мрачно, чем я.

— *Ну, хорошо, что бы вы пожелали своей Родине? Какой предложили путь?*

— Я лично считаю, что единственно возможный путь — это модифицировать на свой российский покрой общедемократические ценности, общедемократические институты. Альтернатива единственная. Это просто наивно, бесчестно отождествлять ее с утратой России и русскими своего своеобразия, уникальности, как делают ваши патриоты. Сейчас любят ссылаться на пример Японии. Так давайте и впрямь посмотрим на Японию, которая в силу очень удачных (цинично говоря) обстоятельств ее истории — чудовищного разгрома — безоговорочно приняла готовенькое, с иголочки сшитое ей американскими портными платье: и конституцию, и политическую систему, и профсоюзную систему, и аграрную реформу... И идет себе путем либерально-демократической цивилизации западного, или, если хотите, христианского образца. Ничем при этом не поступившись, не потеряв ни свою культуру, ни традиции, ни национальные черты характера. Так почему же Россия должна утратить свое естество на этом пути? Если подходит для Японии, то подойдет и для России, которая все-таки еще и Евразия.

— *Долгие годы вы вращались в среде русской эмиграции. Вы застали и тех, кто приехал на Запад давно, сразу же после революции, и в годы войны. Что осталось в памяти от этих встреч?*

— Да, здесь, на «Свободе», я встретил людей, которые покинули Родину либо детьми, либо подростками. Они говорили удивительно чистым, свободным от советизма русским языком, поражали подлинной интеллигентностью и, я бы сказал, европейской образованностью. Я имею в виду Виктора Франка, Александра Бахраха, Гейко Газданова, Владимира Варшавского... К сожалению, я застал их уже на излете. Честно говоря, я и не подозревал о существовании таких людей, целого пласта нашей русской культуры.

— *Каким вам видится ваше личное будущее?*

— Работа, семья.

— *А поездка в Москву, вы же ни разу не были в СССР с тех пор?*

— Между прочим, Илья Сергеевич Глазунов приглашал меня от имени Российской Академии художеств посетить Петербург и Москву. Академия оплатит расходы. Спасибо, конечно, но ехать я не могу. Существует закон, по которому я, невозвращенец, совершил преступление, и на этом основании въезд в страну мне заказан. Надо изменить закон, по которому такие, как я, считаются преступниками. Я для себя считаю унизительным, даже если дали бы визу и обнадежили, что никто меня пальцем не тронет, д-да, считаю унизительным ехать на Родину по милости каких-то органов, из доброго их расположения...

— *Нет ли у вас ощущения, что радио «Свобода» вот-вот «сыграет в ящик» или перестанет быть интересным советскому слушателю?*

— Теоретически я это допускаю. Но практически? Очень трудно вообразить, что в течение ближайших пятнадцати — двадцати лет Россия достигнет, скажем, если говорить об органическом демократизме всех институтов, чешского уровня. Я действительно могу себе представить, что через пару лет чехословацкая редакция радио «Свободная Европа» станет нонсенсом. Но представить себе, что такое может случиться через пару лет и с русской редакцией радио «Свобода», невозможно.

Так что у «Свободы» все впереди.

РАЗГОВОР В СУМЕРКАХ ДЕМОКРАТИИ

С УЧЕНЫМ-ПСИХОЛОГОМ БОРИСОМ КОЧУБЕЕМ БЕСЕДУЕТ НАШ КОРРЕСПОНДЕНТ ПЕТР СПИВАК

П. С. Борис Иосифович, я начну со спорного, быть может, наблюдения: в нынешних печатных и изустных публицистических дискуссиях, как бы они ни были остры, все меньше расхождений в «описательной части», но вот оценки и выводы различаются вплоть до полной противоположности. Центр тяжести наших проблем переместился, таким образом, из плоскости констатации в плоскость оценочного суждения. Вот мне и хотелось бы поговорить с вами о том, почему люди выбирают те или иные варианты ответов на вопросы общественного и личного бытия, другими словами, о выборе ценностей.

Б. К. Что до оценочных суждений, то они существовали всегда, и в последние пять лет преобладают, конечно, суждения негативные, особенно сейчас. Разногласия начинаются с того момента, как возникает вопрос «что делать?». Мне думается, здесь могут быть всего две точки зрения, потому что все остальные, если их как следует поворошить, сводятся к одной из них. Эти две точки зрения заключаются в двух ответах на главный, по моему убеждению, вопрос — об экономической свободе личности: признаете вы эту свободу или нет? Даже политическая свобода вторична по отношению к экономической. И все выступления политических деятелей, экономистов, публицистов можно разделить по этому признаку: «за» или «против» экономической свободы.

Сложность тут в том, что сторонники экономической свободы на словах — это не всегда ее сторонники на деле. Печальный пример многих депутатов демократической ориентации показывает, что очень часто те, кто на теоретическом уровне понимает необходимость экономической свободы, на практике не находят никаких других решений, кроме административно-запретительных.

П. С. То есть возникает знакомая проблема цели и средств: можно ли добиться рыночной цели антирыночными средствами...

Б. К. Да, и в этом отношении демократические лидеры сходны с центром, хотя и искренне стремятся к радикальной рыночной реформе. Вот, например, проблема введения карточек, на которые возлагает надежды Гавриил Попов. Ведь он же сам писал в 87-м году, что опорной конструкцией в классической административно-командной системе служит подсистема страха. Чтобы ее создать, нужны внесудебные расправы — скажем, расстрел на месте за спекуляцию карточками. Вот тогда карточная система могла бы работать...

П. С. Как ни остро нуждаются наше общество, наша страна в демократии практической, сегодняшней, переход к этой демократии явно не удался. И, видимо, у тех, кто сохранит приверженность этой цели, нет иного пути, как выстроить будущую российскую демократию внутри себя. А пока мы сталкиваемся с ложным выбором, когда силовые ценности оттесняют ценность свободы.

Б. К. Вот мы сейчас подошли к выводу, к которому американские специалисты по социальной психологии пришли еще в 30-е годы: существует расхождение между декларируемыми психологическими установками личности и проявляющимися в поведении. И вторая сторона дела — соотношение между экономическими и политическими структурами. Может ли, например, сторонник экономической свободы личности выступать за ограничение свободы политической? Сложный вопрос, я не стал бы спешить с ответом. Ведь политическую свободу ограничивает политическая власть, находящаяся в руках каких-то сил. Что это за силы? Хорошо было Пиночету: он, подавляя свободу в политической жизни, мог в области экономики проводить политику либеральную, потому что в стране была буржуазия. У нас-то ее нет. Аристократии нет тоже...

П. С. Не получается ли так, что у нас на рубеже перехода к рынку нет субъекта рыночных отношений?

Б. К. Субъект, может быть, все-таки есть. Александр Янов, например, считает, что эту роль мог бы сыграть небольшой, тонкий слой предпринимателей вроде Вадима Туманова или Артема Тарасова. Янов полагает, что, как только возникнет юридическая возможность, этот слой начнет быстро расти, потому что достаточное количество людей готово воспринять предпринимательские ценности. По-моему, он слишком большой оптимист.

П. С. Рынок не может обойтись без личности, осознающей ценность свободы. Но здесь опять-таки помеха — ориентация массового сознания на совершенно искаженную иерархию ценностей. Со всех сторон только и слышны крики о необходимости порядка, и в этих криках тонут голоса тех, кто знает, что есть вещи куда более глубокие и важные. Как сказал Экзюпери в «Письме заложнику», «жизнь творит порядок, но порядок бессилен сотворить жизнь».

Б. К. Замечательно сказано... Хотя, может быть, идеал порядка в большей степени свойствен не низам общества, а верхам и той части образованного слоя, которая заинтересована в поддержании существующей системы. Вообще же если о советском менталитете 30-х, 40-х, 50-х, 60—70-х годов можно говорить с большей или меньшей определенностью, то сегодняшняя картина неясна, социологических исследований крайне мало.

В мае этого года я делал доклад в Центральном экономико-математическом институте на семинаре «Экономика и общество» и сказал: цивилизация, основанная на представлении о России не как об одном из равноправных этносов, а как о суперэтносе, соизмеримом с Европой или исламским миром, прекратила свое существование. Тот тип ментальности, который был ее движущей силой и мог заставлять людей создавать ценности этой цивилизации, вымер, выродившись в «хомо советикус». Никакая перестройка тут не поможет, надо ждать, пока на развалинах России появится совершенно новая цивилизация. Я даже думаю, что не социальные причины были первичны в этом историческом крушении, а именно человеческие: огромная катастрофа произошла с человеком еще до того, как общество создало тоталитарную систему.

В русской культуре ведь всегда была рядом с созидательной очень сильная разрушительная тенденция. Вспомните хотя бы, какие отчаянные письма писал Александру II Алексей Константинович Толстой по поводу разрушения церквей. Кто их уничтожал? Да те же священники, помещики: просто им не нравились фрески или архитектура. Так что у большевиков были серьезные предшественники...

П. С. Но в чем причина того, что с человеческим сознанием в нашей стране произошла катастрофа? Как вы ее объясняете?

Б. К. Есть у меия одна гипотеза... Дело, по-моему, в том, что в какой-то момент истории Россия, слишком привыкшая жить в несвободе, испугалась свободы, которая надвигалась неотвратимо. Ведь между 1890 и 1910 годами Россия переживала колоссальный экономический рост — темп его был вторым в мире после США,— и сковывавшие страну путы неизбежно были бы порваны. Сохранить несвободу можно было единственным образом: создать такую ситуацию, когда свобода превращается в полный разгул. Такой свободы уже легче избежать — путем установления диктатуры. Она и была установлена, когда в обществе стали действовать уже не отдельные профессиональные разрушители — революционеры, а произошло в течение 1917 года сплошное превращение народа в массу разрушителей, уничтожившую интеллигенцию и старую культуру.

Чтобы эта человеческая катастрофа произошла, необходимо, конечно, совпадение множества причин. Есть даже специальный математический аппарат, описывающий этот процесс,— теория катастроф. Важно то, что тоталитарная система возникла у нас как продукт человеческой ментальности — в отличие от Восточной Европы, где было как раз наоборот.

П. С. Поневоле задумаешься, не грозит ли нам повторение этого «бегства от свободы»...

Б. К. В последние примерно полгода, после доклада, где я говорил о смерти личности в российской цивилизации, у меня возникла какая-то надежда, основанная на социологических данных, отчасти на личных впечатлениях. В конце 50-х годов Ахматова сказала, что у нас произошло самозарождение читателя: вдруг откуда-то взялись люди с недостаточно, может быть, разработанным вкусом, но уже самостоятельные читатели стихов. Может быть, теперь происходит примерно то же самое — самозарождение новой для нас человеческой формации: в сознание множества людей удивительно легко входит понимание священности частной собственности. Я имею в виду низовой образованный слой — агрономов, врачей и другие массовые профессии.

П. С. А не означает ли эта легкость, что понятия о частной собственности и предпринимательстве усвоены неглубоко, поверхностно и, стало быть, могут быть так же легко и отброшены?

Б. К. Но сам процесс усвоения ведь должен быть как-то объяснен? Я бы согласился с вами, если бы была какая-то особая пропаганда частнособственнических начал, но ее-то как раз не было, верхи настраивали людей совершенно противоположным образом.

П. С. И все-таки не просматривается ли здесь аналогия с процессом «бегства от свободы» — в том смысле, что и сближение с частной собственностью, и отталкивание от нее происходят по одному и тому же механизму?

Б. К. Может быть... И все-таки не думаю. Ведь собственность — это уже сочетание свободы с ответственностью. Свобода сама по себе — это лишь условие существования жизни. А реальная плоть жизни, ее надежность создаются сочетанием свободы с ответственностью. Механизм отталкивания от свободы связан именно с тем, что свобода трактуется как воля, то есть в ней отсутствует элемент ответственности. Слово «воля» имеет, кроме первого значения — «свобода», еще и второе: «желание». К этому второму значению этимологически восходит слово «волость», ну а к нему — «власть». Вот мы и перешли быстренько от свободы к диктатуре...

П. С. ...так сказать, лингвистическим путем.

Б. К. В нашем обществе почти неприлично быть оптимистом, но мне сейчас кажется, что у какого-то числа людей появилось стремление быть ответственным, стремление работать, творить, лишь бы было зачем. Я думаю, здесь большую роль должно сыграть право наследования — ведь семья как социальная ценность в нашей культуре пока еще работает.

П. С. Но вы посмотрите на очереди у иностранных посольств: идет массовый выезд. Люди уже уверены, что найти здесь приложение своим силам не смогут или это не имеет смысла. Происходит размывание общественной базы перемен, субъекта перемен...

Б. К. Все-таки сейчас, в отличие от ситуации десяти-, пятнадцатилетней давности, уже нельзя с уверенностью утверждать, что уезжают из страны самые лучшие. Эмиграция вошла в моду, стала предметом салонных разговоров. («Вы когда уезжаете?» — могут вас спросить этак невзначай, как о чем-то само собой разумеющемся.)

П. С. И все же предполагается, что тот, кто решился на эмиграцию, чувствует в себе достаточно сил и способностей для вхождения в совершенно иную цивилизацию. С одними навыками «хомо советикуса» там делать нечего...

Б. К. Да, этот фактор, конечно, действует. Тем не менее на вопрос, катастрофична ли для нашей страны нынешняя волна эмиграции в том плане, о котором вы говорите, я не решился бы ответить категорически. Будущее покажет.

П. С. Кстати, раз уж снова зашла речь о катастрофе. Сейчас хорошо видно, что общественные настроения, пройдя взлет оптимизма, возвратились на круги своя: снова, как и в 70-е годы, людей охватывает подавленность, стремление отгородиться от общества, не видеть и не слышать, что вокруг происходит...

Б. К. Массовая депрессия — это участь всего постсоциалистического мира. Она наблюдается повсюду — и в Прибалтике, и в Грузии, и в Болгарии, и даже в Чехословакии. Может быть, единственное исключение — это Польша, которая в результате экономической реформы переходит в новое состояние. Общество колеблется между свободой и принуждением; это, само собой, рождает в людях тревогу и неуверенность. Когда тревога доходит до кульминационной точки, происходит срыв в апатию, в депрессию.

П. С. Борис Иосифович, депрессия депрессией, но знаете, что меня особенно раздражает? Есть такой ходовой оборот: «мы устали», «народ устал»...

Б. К. Почти «караул устал»...

П. С. Вот именно. «Устали» думать, «устали» выслушивать неприятные вещи, «устали» действовать и что-то решать... Сдается мие, что если, не дай Бог, страна наша погибнет, то вот от этой иждивенческой духовной лени и «усталости»...

Б. К. С одной стороны, конечно, можно понять уставших людей, потому что степень нестабильности нашего общества действительно превосходит все допустимые пределы. С другой стороны, надо разобраться: какой такой народ устал? Что такое вообще народ? Ведь сознание, менталитет существуют на самом деле только у отдельного человека. Черты национальные или классовые определяются необязательно простым большинством, здесь надо учитывать коэффициент активности меньшинства. Та, новая человеческая формация, на самозарождение которой я надеюсь,— это, конечно, меньшинство. Вопрос в том, насколько оно может быть активно и на каких уровнях государственной иерархии оно находится.

Надежда именно в том, что люди «неуставшие» способны проявлять свою активность. Может быть, мы сейчас даже преувеличиваем силу сопротивления, которое оказали бы «низы», если бы «верхи» пошли на радикальные реформы. Народ привык к уравниловке? Но это относится — я мог бы сослаться на данные социологов,— во-первых, в основном к людям пожилым; во-вторых, преимущественно к женщинам и, в-третьих, к людям социально опустившимся, на грани люмпен-пролетариата, которые вряд ли будут очень уж активны в своем сопротивлении. Так что куда большим препятствием переменам могут стать высшие слои общества...

Бердяев на вопрос, кто виноват в гибели России, отвечал: мы и виноваты. Потому что ие противодействовали. В каждый момент истории происходит выбор. Только эта свобода личного выбора обещает нам надежду не на доброго царя, не иа национальный дух, а единственно на себя самих.

Декабрь 1990 года

3 марта 1918 года, в 5.50 вечера, был подписан Брест-Литовский мирный договор и навсегда обречена на поражение мировая революция: Ленин ради сохранения собственной власти лишил ее жизненно важных германских территорий. А ведь в ноябре 1917-го советское руководство начинало переговоры, рассчитывая именно на скорые революционные потрясения в лагере противника...

МИР, КОТОРОГО НЕ БЫЛО

ЮРИЙ ФЕЛЬШТИНСКИЙ (США),
собственный корреспондент «Родины»

I

В этом мире прежде всего были заинтересованы Германия и Австро-Венгрия, а не советское правительство. Если бы немцы считали, что могут и дальше воевать на Восточном фронте, они бы уже в декабре 1917 года диктовали ультимативные условия, а не вели переговоры с советской стороной как с равной. Уверенность в том, что силы покидают страны Четверного союза и что единственным спасением является заключение сепаратного мира с Россией, вселилась в министра иностранных дел Астро-Венгерской империи графа О. Чернина еще в апреле 1917 года. В записке, поданной императору Карлу и предназначавшейся также для вручения германскому кайзеру, он утверждал, что «сырье для изготовления военных материалов на исходе», «человеческий материал совершенно истощен», а населением вследствие недоедания овладело отчаяние. Возможность еще одной зимней кампании Чернин совершенно исключал, считая, что в этом случае империи наступит конец.

Что же стояло за планами сепаратного мира с Россией? Прежде всего переброска войск с Восточного фронта на Западный, прорыв Западного фронта, взятие Парижа и Кале, непосредственная угроза высадки на территории Англии. *«Мы не можем получить мира,*— писал Чернин в дневнике,— *если германцы не придут в Париж»*. Но занять столицу Франции немцы смогут лишь после ликвидации Восточного фронта. Значит, перемирие с Россией есть «чисто военное мероприятие».

Начав переговоры с советским правительством, германское военное командование в спешном порядке перебросило с Востока на Запад большую часть боеспособных войск. *«Впервые за все время войны,*— писал впоследствии командующий войсками Восточного фронта генерал Гофман,— *Западный фронт имел численный перевес над противником»*. Сепаратный мир с Россией становился ключом к победе Четверного союза в мировой войне. Правда, мир предполагалось заключать с правительством, которое, кроме самих немцев, никто не признавал. *«Чем меньше времени Ленин останется у власти,*— писал Чернин,— *тем скорее надо вести переговоры, ибо никакое русское правительство, которое будет после него, не начнет войны вновь»*. В этом была своя логика.

19 ноября (2 декабря) 1917 года русская делегация, насчитывающая 28 человек, прибыла на немецкую линию фронта, а на следующий день — в Брест-Литовск, где помещалась ставка главнокомандующего германским Восточным фронтом. Место было выбрано Германией.

Ведение переговоров на оккупированной немцами территории устраивало германское и австрийское правительства, поскольку перенесение конференции в Стокгольм вылилось бы в межсоциалистическую конференцию, которая могла бы обратиться к народам «через головы правительств» и призвать, например, ко всеобщей стачке или гражданской войне.

В этом случае инициатива из рук германских и австро-венгерских дипломатов перешла бы к русским и европейским социалистам.

21 ноября (4 декабря) переговоры в Брест-Литовске начались. Глава вооруженных сил Германии генерал Людендорф сформулировал директивы:

согласие на невмешательство в российские дела; денежные компенсации германскому правительству за содержание более миллиона русских военнопленных; «присоединение Литвы и Курляндии к Германии, так как мы нуждаемся в большем количестве земли для пропитания народа»; гарантии того, что в Финляндии, Эстонии, Лифляндии и на Алландских островах не закрепится Англия; обмен военнопленными и гражданскими пленными; самоопределение Польши и ее федерация с Центральными державами; установление границы между Литвой и Польшей в соответствии с военными интересами; возврат оккупированных русских территорий при определении восточной границы Польши; отказ России от Финляндии, Эстонии, Лифляндии, Молдавии, Восточной Галиции и Армении; предложение германского посредничества при урегулировании вопроса о Дарданеллах и других спорных европейских вопросов в случае отказа России от намерений завоевать Константинополь; модернизация железнодорожной сети России с привлечением германского капитала и другие взаимовыгодные экономические соглашения; восстановление правовых взаимоотношений; нейтралитет Германии в случае нападения Японии на Россию.

Но все это были лишь директивы. На первом совместном заседании многие из этих вопросов вообще не поднимались.

Русская делегация настаивала на заключении мира без аннексий и контрибуций. Гофман как бы соглашался, но при условии присоединения к этому требованию еще и Антанты, а поскольку, как всем было ясно, советская делегация не была уполномочена Англией, Францией и США вести переговоры с Четверным союзом, вопрос о всеобщем демократическом мире повис в воздухе. К тому же делегация Центральных держав настаивала на том, что уполномочена подписывать лишь военное перемирие, а не политическое соглашение. При внешней вежливости обеих сторон общий язык найден так и не был.

Впрочем, советское руководство и не очень стремилось его найти, предпочитая затягивать переговоры в надежде на скорую революцию в Германии и Австро-Венгрии. По свидетельству военного консультанта советской делегации генерала А. С. Самойло, Троцкий, который прибыл на переговоры несколькими днями позже, «на заседаниях... выступал всегда с большой горячностью, Гофман не оставался в долгу, и полемика между ними часто принимала острый характер, а переговоры выливались главным образом в ораторские поединки. Немцам вскоре стало ясно, что самим переговорам Троцкий не придавал никакого значения, что его интересовала пропаганда большевистской программы мира, причем его тон «с каждым днем становился все агрессивнее». Этому было, разумеется, свое объяснение — все усиливающаяся (как по крайней мере казалось революционерам) волна беспорядков в Германии и особенно в Австрии, где катастрофически обстояло дело с продовольствием. Забастовочное движение, вызванное сокращением рациона муки и медленным темпом переговоров в Бресте, охватило Вену и окрестности. Австрийские власти, в полном отчаянии, обратились за помощью к Германии, прося немцев «присылкой хлеба предотвратить революцию, которая иначе неизбежна». Но Германия сама находилась уже на грани голода, и 17 января австрийская просьба была отклонена.

Правительство Австро-Венгрии было в панике...

Однако в игре стран Четверного союза неожиданно появилась крупная козырная карта: выдвинув лозунг самоопределения народов, большевики создали препятствие, о которое споткнулась столь блистательно начатая брестская политика. Этим камнем преткновения стала независимая Украина, «единственное спасение», как назвал ее Чернин.

«Украинцы сильно отличаются от русских делегатов,— записал Чернин в дневнике.— *Они гораздо меньше революционны, обнаруживают гораздо больше интереса к собственной стране и меньше интереса к социализму. Они, собственно, не заботятся о России, а исключительно об Украине»*.

Перед украинской делегацией стояли конкретные задачи. Она хотела использовать признание самостоятельности Украины немцами и австрийцами, заручиться согласием советской делегации на участие украинцев в переговорах как представителей независимого государства и после этого предъявить к обеим сторонам территориальные претензии. Германии же и Австро-Венгрии важно было вбить клин между украинской и советской делегациями и, используя противоречия двух сторон, подписать сепаратный мир хотя бы с одной Украиной. 6 января на формальном заседании представителей Украины и Четверного союза было объявлено о провозглашении Радой независимости Украины и о том, что она не признает над собою власти СНК. Вместе с тем Украина признавала лишь такой мир, под которым будет стоять подпись ее полномочных представителей (а не членов советского правительства), причем готова подписать с Четверным союзом сепаратный договор даже в том случае, если от мира откажется Россия.

9 января, констатировав, что установленный десятидневный срок для присоединения держав Антанты к мирным переговорам давно прошел, Кюльман предложил советской делегации подписать сепаратный мир. Германия и Австро-Венгрия признали самостоятельность прибывшей в Брест украинской делегации и поставили в повестку дня вопрос о независимости Украины. Троцкий присоединялся в этом к немцам и австрийцам, указав, что «при полном соблюдении принципиального признания права каждой нации на самоопределение, вплоть до полного отделения», советская делегация «не видит препятствий для участия украинской делегации в мирных переговорах».

16 января австрийцы и немцы согласились с тем, что территории восточнее Буга и южнее линии Пинск — Брест-Литовск отойдут в случае подписания сепаратного мирного договора к Украине, в Холмской губернии будет проведен референдум, а Восточная Галиция получит некий вид автономии. Украинцы победили.

18 января немцы попытались договориться с Троцким о будущей границе новой России. От бывшей Российской империи, по плану Гофмана, отторгались территории общей площадью в 150—160 тысяч кв. км, в которые входили Польша, Литва, часть Латвии и острова Балтийского моря, принадлежащие Эстонии. На отторгнутых территориях предусматривалось сохранение германских оккупационных войск. Троцкий увертывался от конкретных ответов, пробовал даже оспорить права украинской делегации (при определении новой украинской границы), называл германские предложения скрытой формой аннексии. ЦК приказал Троцкому немедленно возвращаться, чтобы обсудить создавшееся положение с членами ЦК и Совнаркома. Председателем советской делегации в отсутствие Троцкого оставался А. А. Иоффе.

Немцы были в напряжении. *«Необходимо настроить прессу и парламент на то,*— писал Кюльман,— *что отъезд Троцкого нельзя рассматривать как разрыв переговоров и предупредить возможную нервозность»*. Австрийцы теперь были готовы к еще большим уступкам украинцам, лишь бы подписать мир хотя бы с ними. *«Забастовка ширится,*— сообщал премьер-министр Австро-Венгрии фон Зидле,— *почти все магазины закрыты. Выход всех газет, за исключением рабочих, приостановлен на несколько дней... Из Будапешта сообщают о всеобщей забастовке. Во все центры беспокойства перемещаются войска... Будущее зависит от Брест-Литовска. Если соглашение удастся, то любая опасность будет устранена. Если переговоры окончатся безрезультатно, то ... удержать контроль над событиями не удастся. Австрия теперь не перенесет того, чтобы мирные переговоры окончились неудачно»*.

Германские условия, предложенные 18 января, не следует считать слишком жесткими. Западногерманский историк В. Баумгарт справедливо указывает на то, что от большинства перечисленных в ультиматуме территорий большевики отказались сами еще до брестского диктата. Так, 31 декабря 1917 года советское правительство признало независимость Финляндии. Вопрос о независимости Польши фактически был предрешен еще и тем, что с января 1918 года за нее выступала Антанта, а президент США Вильсон 13-м пунктом своей программы оговорил суверенитет этой страны. Отделение Прибалтики также казалось всем неизбежным. Позже, когда рухнул Брестский мир и Германия был продиктован Версальский договор, те же страны Антанты санкционировали отделение от России Прибалтики, Финляндии и Польши, сделав из этих государств

«санитарный кордон» против коммунизма.

По существу, немцы в начале 1918 года не шли дальше требований, реализованных затем самим ходом событий. И они вполне могли ожидать, что советское правительство согласится на выдвинутые ими условия. Разногласия между Троцким и делегациями Четверного союза возникли совсем по иной причине: большинство советского правительства категорически выступало против самого факта подписания мира с империалистической Германией, каким бы этот договор ни был.

На германские условия готов был согласиться Ленин — вечный союзник Германии в Брест-Литовске. Но здесь Ленин потерпел поражение от собственной партии, отказавшейся считать, что интересы советской власти (во главе с Лениным) превыше революционного принципа несоглашательства с капиталистическими странами.

II

Сторонники немедленной революционной войны (со временем их стали называть «левыми коммунистами») первоначально доминировали в двух столичных партийных организациях. Левым коммунистам принадлежало большинство на Втором московском областном съезде Советов, проходившем с 10 по 16 декабря 1917 года. Позже из 400 человек, членов большевистской фракции Моссовета, только 13 депутатов поддержали предложение Ленина подписать сепаратный мир с Германией. Остальные 387 голосовали за революционную войну.

Против Ленина выступили возглавлявшиеся левыми коммунистами Московский окружной и Московский городской комитеты партии, а также ряд крупнейших партийных комитетов — Урала, Украины и Сибири.

По существу, Ленин терял над партией контроль. Его авторитет стремительно падал. Вопрос о мире постепенно перерастал в вопрос о власти Ленина в партии большевиков, о его весе в правительстве советской России. И Ленин развернул отчаянную кампанию против своих оппонентов — за подписание мира, за руководство в партии, за власть.

Не приходится удивляться, что при общем революционном подъеме он оказался в меньшинстве. Большинство партийного актива выступило за непринятие германских требований, разрыв переговоров и объявление революционной войны германскому империализму с целью установления коммунистического режима в Европе. К тому же докладывавший 20 января в Совнаркоме Троцкий не оставил сомнений в том, что на мир без аннексий Германия не согласна. Свою точку зрения Ленин изложил в написанных в тот же день «Тезисах по вопросу о немедленном заключении сепаратного и аннексионистского мира» (Ленин В. И. ПСС, т. 35, с. 243—252), которые обсуждались на специальном партийном совещании 21 января 1918 года. Он убеждал слушателей в том, что без заключения немедленного мира большевистское правительство падет под нажимом крестьянской армии.

(Здесь, очевидно, не сходятся концы с концами. Если угроза большевикам исходила от крестьянской армии, то тогда ее нужно было поскорее распустить, а не оставлять под ружьем, как пытался сделать Ленин и до, и после подписания мира. Кроме того, если он боялся свержения большевиков в январе 1918 года, когда армия была так слаба, что не могла, по его же словам, хоть как-то сопротивляться Германии, то почему тогда отважился брать власть в октябре 1917-го, когда армия Временного правительства была намного сильнее нынешней, а большевистское правительство даже еще не сформировано?)

Ленин делал ставку на соглашение с Германией и готов был капитулировать перед немцами при одном условии: если они не будут требовать ухода его правительства. Троцкий же делал ставку на революции в Германии и Австро-Венгрии.

Разгон Учредительного собрания рассматривался немцами как «очевидная готовность» большевиков «к прекращению войны какой угодно ценой». Тон Кюльмана в Бресте после разгона собрания «сразу же стал наглее». Тем не менее на партийном совещании 21 января, посвященном проблеме мира с Германией, Ленин потерпел поражение. Тезисы его не были одобрены, их даже запретили печатать. При итоговом голосовании за предложение Ленина подписать сепаратный мир голосовало только 15 человек, в то время как 32 поддержали левых коммунистов, а 16 — Троцкого, впервые предложившего в тот день не подписывать формального мира и во всеуслышание заявить, что Россия не будет вести войну и демобилизует армию.

Известная как формула Троцкого «ни война, ни мир» вызвала с тех пор много споров и нареканий. Чаще всего она преподносится как что-то несуразное или демагогическое. Между тем в этой формуле был вполне конкретный практический смысл. Она, с одной стороны, исходила из того, что Германия не в состоянии вести крупные наступательные действия на русском фронте (иначе бы немцы не сели за стол переговоров), а с другой — имела то преимущество, что большевики «в моральном смысле» оставались «чисты перед рабочим классом всех стран», к тому же важно было опровергнуть и всеобщее убеждение, что большевики просто подкуплены немцами и все происходящее в Брест-Литовске — не более как хорошо разыгранная комедия, в которой уже давно распределены роли. По этим причинам Троцкий предлагал теперь прибегнуть к политической демонстрации — прекратить военные действия за невозможностью далее вести их, но мира с Четверным союзом не подписывать. Безусловным плюсом для революционеров являлось то, что формула Троцкого не связывала их в вопросе об объявлении революционной войны.

Большинство шло за Троцким. Но он был слишком увлеченным революционером и столь же негодным тактиком. Не подозревая, что создает угрозу личной власти Ленина, без труда отстояв в партии проведение своей политической линии — «ни война, ни мир», он выехал в Брест, чтобы разорвать мирные переговоры.

Вечером 10 февраля Троцкий от имени советской делегации заявил о разрыве переговоров: «Мы выходим из войны, но вынуждены отказаться от подписания мирного договора». Генерал Гофман вспоминает, что после этого заявления в зале заседаний воцарилось молчание: «Смущение было всеобщее». В тот же вечер дипломаты Германии и Австро-Венгрии заявили единогласно, что они примут декларацию Троцкого: *«Хотя декларацией мир и не заключен, но все же восстановлено состояние мира между обеими сторонами».* И австрийская делегация первой поспешила телеграфировать в Вену, что «мир с Россией уже заключен».

Тем не менее 13 февраля на состоявшемся рано утром в Гамбурге Коронном совете под председательством кайзера рейхсканцлер Германии окончательно склонился к решению продолжать военные действия против России. Было решено рассматривать заявление Троцкого как «фактический разрыв перемирия».

Людендорф предложил «нанести большевикам быстрый и решительный удар», для чего, по его мнению, не нужно было проводить «крупной военной операции». Общий план был одобрен кайзером.

Состоявшееся вечером 17 февраля заседание ЦК РСДРП(б) отвергло 6 голосами против 5 предложение Ленина о немедленном согласии подписать германские условия и большинством голосов поддержало формулу Троцкого. Обсудив германский ультиматум, ЦК решил обождать с возобновлением мирных переговоров до тех пор, пока не проявится германское наступление и не обнаружится его влияние на пролетарское движение Запада. Против немедленного возобновления переговоров даже под угрозой германского нашествия голосовали Троцкий, Бухарин, Ломов, Урицкий, Иоффе и Крестинский. За предложение Ленина — Сталин, Свердлов, Сокольников, Смилга и сам Ленин.

На заседании ЦК утром 18 февраля резолюция Ленина снова была провалена перевесом в один голос: 6 против 7. Только вечером после продолжительных споров и под воздействием германского наступления 7 голосами против 5 предложение Ленина было принято. Теперь за него голосовали Ленин, Троцкий, Сталин, Свердлов, Зиновьев, Сокольников и Смилга. Против — Урицкий, Иоффе, Ломов (Оппоков), Бухарин, Крестинский.

Германия приняла к сведению заявление русских о готовности подписать мир, но наступления не прекратила. Немцами были заняты в те дни несколько городов: 18 февраля — Двинск; 19-го — Минск; 20-го — Полоцк; 21-го — Режица и Орша; 22-го — Вольмар, Венден, Валк и Гапсаль; в ночь на 24-е — Псков и Юрьев; 25 февраля — Борисов и Ревель. Самым удивительным было то, что немцы наступали «без армии» — они действовали небольшими разрозненными отрядами в 100—200 человек, причем даже не регулярными частями, а сборными, из добровольцев. Города и станции оставлялись без боя, еще до приближения противника. Двинск, например, был взят немецким отрядом в 60—100 человек, Псков занят небольшим отрядом немцев, приехавших на мотоциклах. А в Режице германский отряд был столь малочислен, что не смог занять даже телеграф, который работал еще целые сутки. При слабости одной стороны и панике другой немцы не столько брали города, сколько объявляли занятыми оставленные поспешно отступавшей русской армией местности.

Из-за состоявшегося решения подписать мир с Германией на заседании ЦК 22 февраля произошел фактический раскол большевистской партии. Бухарин вышел из состава ЦК и сложил с себя обязанности редактора «Правды», а группа в составе Г. Ломова, М. Урицкого, А. Бубнова, С. Смирнова, Ин. Стукова, М. Бронского, В. Яковлевой, А. Спунде, М. Покровского и Г. Пятакова подала заявление о своем несогласии с решением ЦК обсуждать саму возможность подписания мира с Германией и оставила за собой право вести в партийных кругах агитацию против политики ЦК. А. Иоффе, Ф. Дзержинский и Н. Крестинский также заявили о своем несогласии с решением ЦК подписать мир, но воздержались от присоединения к группе Бухарина, так как это значило расколоть партию, на что они идти не решались.

23 февраля состоялось очередное заседание ЦК РСДРП(б), на котором обсуждался переданный советскому правительству в 10.30 утра немецкий ультиматум. Срок его истекал через 48 часов. Ультиматум огласил Свердлов. Советское правительство должно было согласиться на независимость Курляндии, Лифляндии и Эстляндии, Финляндии и Украины, с которой обязано было заключить мир; способствовать передаче Турции анатолийских провинций, признать невыгодный для России русско-германский торговый договор 1904 года, дать Германии право наибольшего благоприятствования в торговле до 1925 года, предоставить право свободного и беспошлинного вывоза в Германию руды, отказаться от всякой агитации и пропаганды против держав Четверного союза и на оккупированных ими территориях. Как писал Гофман, ультиматум содержал все требования, какие только можно было выставить. Договор должен был быть ратифицирован в течение двух недель.

Ленин потребовал немедленного согласия на германские условия и заявил, что в противном случае уйдет в отставку. И он победил: Троцкий, Дзержинский, Крестинский и Иоффе — противники Брестского мира — воздержались при голосовании. Урицкий, Бухарин, Ломов и Бубнов голосовали против. Но Стасова, Зиновьев, Сталин, Свердлов, Сокольников и Смилга поддержали Ленина. 7 голосами против 4 при 4 воздержавшихся германский ультиматум был принят. Вместе с тем ЦК единогласно принял решение «готовить немедленно революционную войну». Это была очередная словесная уступка Ленину.

В три часа утра 24 февраля в большом зале Таврического дворца открылось заседание ВЦИК. Главных фракций было пять: большевики, левые эсеры, эсеры, меньшевики и анархисты. Ранним утром приступили к поименному голосованию. Каждого из присутствовавших вызывали на трибуну, и он, повернувшись лицом к залу, должен был высказаться за мир или войну. Сцены разыгрывались самые разные.

Бухарин, несмотря на директиву большевистской фракции не голосовать против подписания мира, выступает против, «и слова его тонут в аплодисментах половины зала». Его поддерживает Рязанов. Луначарский, наоборот, до самой последней секунды не знает, что сказать: как левый коммунист, он должен быть против, как дисциплинированный большевик — за. Выйдя на трибуну, он произносит «да» и, «закрывая руками судорожно дергающееся лицо, сбегает с трибуны». Кажется, он плачет.

Большинство левых коммунистов, не желая голосовать за подписание мира, но не смея нарушить партийную дисциплину, покидают зал еще до голосования и таким образом решают исход в пользу Ленина (но не знают об этом).

У левых эсеров происходит такой же раскол, с той только разницей, что фракция в целом решает голосовать против Брестского мира и обязывает сторонников Ленина воздержаться от голосования за. Как и у большевиков, не все соглашаются соблюдать партийную дисциплину в ущерб собственным принципам. За подписание мира голосуют Спиридонова, Малкин и ряд других видных членов ЦК ПЛСР.

Ленин все-таки собрал необходимое ему большинство голосов: за его резолюцию голосовало 116 членов ВЦИК, против — 85 (эсеры, меньшевики, анархисты, левые эсеры, левые коммунисты), 26 человек воздержались. В 5.25 утра заседание закрылось.

Через полтора часа в Берлин, Вену, Софию и Константинополь передали сообщение Совнаркома о принятии германских условий и отправке в Брест-Литовск полномочной делегации. Для передачи советского согласия в письменной форме из Петрограда в Брест отправился курьер. К 10 часам вечера германское главнокомандование Восточного фронта в ответ на переданную Крыленко радиограмму о принятии германских условий мира выработало новые пункты перемирия: *«Мир должен быть подписан в течение трех дней после прибытия русских уполномоченных в Брест-Литовск. Проводимые до этого момента передвижения войск находятся в рамках германских мирных условий, направленных на защиту Финляндии, Эстляндии, Лифляндии и Украины. Они не направлены против петербургского правительства и русского народа».* Впрочем, немцы были далеки от мирных намерений и вели наступательную кампанию вплоть до подписания договора.

III

Брестский мир, заключенный 3 марта 1918 года, остался бумажной декларацией прежде всего потому, что ни одна из сторон не смотрела на него как на

деловой, выполнимый и окончательный. В случае победы Германии он должен был быть пересмотрен и конкретизирован в рамках общего европейского соглашения. В случае ее поражения договор расторгла бы Россия и не допустила бы Антанта. Неподконтрольное советской власти население аообще не признавало Брестского мира. Внутри советского лагеря и те, кто голосовал за договор под давлением Ленина, и те, кто поддерживал соглашение с немцами под давлением обстоятельств, рассматривали Брестский мир как кратковременную передышку. Неудивительно, что вскоре после ратификации Брестского мира секретарь ЦК РКП(б) Е. Д. Стасова указала в письме местным организациям: *«Нет сомнения в том, что Германия, хотя и заключила мир, приложит все усилия к ликвидации советской власти».*

С военной точки зрения, Брестский договор не принес желаемого облегчения ни Германии, ни России. Со дня на день ожидалось падение Петрограда. Германская оккупация была фактом. Война продолжалась. И это стало главным провалом в планах Ленина: Брестский мир оказался безоговорочной капитуляцией на неограниченных для врага условиях. И поэтому редкие победы тех дней оборачивались поражением для их организаторов. Русских солдат продолжали брать в плен и даже расстреливать. Чем ближе к демаркационной линии (или к районам интервенции), тем очевиднее становилось, что подписанный Лениным договор был только началом всех проблем, связанных с вопросами войны и мира.

...«Стратегия отчаяния» — это случайное выражение Троцкого прааильнее всего определяло целый период советской истории после заключения Брестского договора и до ноября 1918-го, после его расторжения. Сами большевики в тот период считали, что дни их власти сочтены. За исключением столиц они не имели опоры в стране.

Предрешенным казался вопрос о падении советской власти в Петрограде. 22 мая в опубликованном в «Правде» циркулярном письме ЦК признавалось, что большевистская партия переживает «крайне острый критический период», острота которого усугубляется, помимо всего, тяжелым «внутрипартийным состоянием». Одной из основных причин кризиса в партии был откол левого крыла РКП(б), указывали авторы письма ЦК и заключали: «Никогда еще мы не переживали столь тяжелого момента». Двумя днями позже в статье «О голоде (Письмо питерским рабочим)» Ленин признал, что из-за охватившего громадные районы страны голода советская власть близка к гибели. Он отказывался, однако, признавать, что и то, и другое было результатом его брестской политики. «Как это ни странно,— вспоминает Вацетис,— настроение умов тогда было такое, «что центр советской России сделается театром междоусобной войны и что большевики едва ли удержатся у власти и сделаются жертвой голода и общего недовольства внутри страны». Была не исключена и «возможность движения на Москву германцев, донских казаков и белочехов. Эта последняя версия была в то время распространена особенно широко».

Вопрос о катастрофическом состоянии дел обсуждался на заседании ВЦИК 4 июня. С речами выступали многие. Ленин признал, что «перед нами теперь, летом 1918 года, может быть, один из самых трудных, из самых тяжелых и самых критических переходов нашей революции», причем не только «с точки зрения международной», но и внутренней: «приходится испытывать величайшие трудности внутри страны...»

Майско-июньский кризис был, безусловно, результатом ленинской брестской политики, которая привела ко всеобщему недовольству. Все устали. В советскую власть не верили теперь даже те, кто изначально имел иллюзии. В оппозиционной социалистической прессе особенно резко выступали меньшевики, бывшие когда-то частью единой с большевиками социал-демократической организации, во многом понимавшие Ленина лучше других политических противников. Не отставали и правые. На одной из конференций того времени оратор, видимо, принадлежавший к кадетам, указал, что ему приходится говорить «о международном положении страны, относительно которой неизвестно, находится ли она в состоянии войны или мира», и имеющей во главе правительство, признаваемое «только ее врагами».

Брестским миром были недовольны и сами большевики: ленинская политика не обеспечила разрекламированной «передышки»; скомпрометировала русскую революцию в глазах революционеров Запада; отдала под оккупацию Центральных держав Закавказье, Прибалтику, Финляндию, Польшу, Украину и Белоруссию; лишила Россию украинского хлеба (подразумеаалось, оттого страна и голодала), бакинской нефти (подразумевалось, от этого и топливный кризис). Она спровоцировала Антанту на интервенцию, а чехословаков — на вооруженное восстание, ставшее первым и самым опасным фронтом гражданской войны в России. Ради подписания мира Ленин расколол и без того немонолитную большевистскую партию на два крыла, оттолкнув левых коммунистов, загнал в оппозицию левых эсеров. А поскольку при сплошном противостоянии Брестскому договору в России реализация ленинской политики стала практически невозможной, Брестским миром была теперь недовольна и Германия. Подписывая договор, она надеялась иметь в своем тылу «мирно настроенную Россию, из которой изголодавшиеся Центральные державы могли бы извлекать продовольствие и сырье». Реальность оказалась прямо противоположной. «Слухи, шедшие из России, с каждым днем становились все печальнее» — ни спокойствия, ни продовольствия немцы не получили. Настоящего мира на Восточном фронте не было. Германское правительство нервничало не меньше ленинского, не понимая, как добиться выполнения тех или иных ультимативных требований от в общем-то беспомощного советского правительства. В апреле немцы захватили Орел и Воронеж, 8 мая заняли Ростов. В результате «путем постепенных захватов» они «во многих местах передвинули демаркационную линию к востоку».

Заведенная Лениным в тупик, охваченная кризисом, расколотая и слабеющая большевистская партия могла ухватиться теперь лишь за соломинку, которую в марте 1918 года протягивал ей Троцкий: «Сколько бы мы ни мудрили, какую бы тактику ни изобрели, спасти нас в полном смысле слова может только европейская революция». А для ее стимулирования нужно было, во-первых, разорвать Брестский мир, а во-вторых, сформировать Красную Армию.

На заседании ВЦИК Троцкий поднял вопрос о создании регулярной армии, причем подчеркнул, что эта новая дисциплинированная и обученная армия необходима прежде всего для борьбы с внешним врагом — «специально для возобновления мировой войны совместно с Францией и Англией против Германии». Троцкий и Бонч-Бруевич тогда же начали обсуждение с представителями Антанты планов совместных военных действий. Новая армия стала называться «Народной».

Вопреки воле Ленина ЦК готовился расторгнуть брестскую передышку и возобновить войну с Германией, как только условия для этого окажутся подходящими. Возможно, начинать войну летом 1918 года было не менее рискованно, чем продолжать ее в марте. Но в июне большевикам уже не из чего было выбирать. Ленинская политика передышки была испробована и не дала никаких положительных результатов.

Таким оказался в действительности знаменитый Брестский мир. Мир, которого не было.

ТОЧКА ЗРЕНИЯ

НЕ ЗАБЫТЬ БЫ ПРО ОВРАГИ...

АЛЕКСАНДР КЛЯКИН,
председатель комитета по земельной реформе и земельным ресурсам Новосибирской области

Наш крестьянин консервативен в своей вековой приверженности к постепенности и основательности. Да и как иначе, когда только в подготовленную пашню есть смысл бросать зерно с надеждой на добрый урожай. Сама природа, созидая хлебный колос, каждодневно демонстрирует постепенность и основательность: ни один этап созревания не может «проскочить» впереди другого. Только после молочной спелости может наступить восковая. И никак иначе.

Российский хлебороб суеверен и с глубоким подозрением, часто граничащим со страхом, относится ко всему, что нарушает привычный ритм окружающей жизни,— граду, засухе, очередной инициативе сверху по улучшению крестьянской жизни. Ставя себя на место жителя необъятных наших просторов, сам потомственный крестьянин, большую часть жизни проработав на земле, отдаю отчет: природный консерватизм и суеверность станут главными препятстаиями на пути разгосударствления, приватизации, фермерства на селе. Ни Бог, ни царь и ни герой не смогут сегодня в мгновение ока убедить землепашца в том, что новые веяния несут ему благо. Нет веры никому.

Члены колхоза «Советская Сибирь» отказались выделить земельный надел своему бывшему председателю Елизавете Исаковне Кирьязовой и ее мужу — трактористу, между прочим, кавалеру трудового ордена. Кирьязовы такие же, как все, только более раскованно смотрят на жизнь, строят перспективы. «Нельзя!» — сказало «общество» и приняло на собрании удивительное решение: дескать, колхозники отдают свой пай колхозу и тем самым делают его земли неделимыми. По сути проявилась боязнь непривычного: кто его знает, что это за фермерство такое, наживешь с ним неприятностей. Вот колхоз — дело проверенное, это государственная защита, определенный стиль жизнь, фермеры же в этом во всем — квк заноза случайная. Лучше, как говорится, с глаз долой — из сердца вон.

Даже там, где редким трудолюбием удается выбить у «общества» землю, а потом зажить на ней с достатком и пользой, их пример не становится заразительным. Вспоминаю свою встречу минувшим летом с Александром Федоровичем Титовым из Убинского района: уже больше двух лет ведет он самостоятельное крупное крестьянское хозяйство, дела идут хорошо, в последователей — раз-два и обчелся. Не принято на деревне подражать тому, кто живет не «как люди», каким бы достойным, с точки зрения государства, делом человек ни занимался.

Да, с трагедией деревни теоретически разобрались, и все здесь будто бы ясно: за долгие годы всяческих экспериментов произошло отчуждение крестьянина от собственности. Очевидно и то, что сегодня или в ближайшем будущем предстоит с помощью различных государственных мер произвести труднейший разворот крестьянина к собственности, к пониманию им того, что вокруг-то пораскинулась землица не какая-то обезличенно-большая, что имеется здесь и его «кровный надел». Но суха теория, да и древо крестьянской реформы пока не очень зеленеет — ну никак не берет наш советский раскрестьяненный крестьянин землю, упорно противится. И вот тому примеры: в Маслянинском районе за полтора года в личную собственность куплено 20 тракторов Т-40, МТЗ, но землю не взял ни один из обладателей техники. Не пожелал ее брать и ни один из 100 покупателей тракторов в области.

Эти цифры, наблюдения заставляют признать: блицприватизации на селе не получится. По состоянию на конец 1990 года Государственные акты на землю получили 50 семей. Из них только три (!) — селяне. И это в Сибири, в крае, который на тяге к своему наделу земли был заселен и обжит. Сейчас в райсоветах 150 заявлений. И только 34 от рабочих совхозов и колхозов. Остальные — от горожан, кооперативов и т. д.

Подумаешь — вопрос! Да крестьянин просто не понимает своей выгоды... Так или примерно так может воскликнуть иной молодой человек, почитатель радикальных мер положительно во всех областях жизни, от любви до земельной реформы. Ему ясно, что единоличником жить лучше. «Приватизация», «плюрализм собственности», «консенсус интересов» — вот что он обрушит тут же на голову собеседника. Смею заверить, крестьянин от этих слов только отмахнется: «Поживем — увидим!» Сколько с 1861 года этих молодых людей вгитировало «за светлое будущее» российскую деревню — не счесть. Меняются только одежды — от народовольческих сюртуков и комиссарских кожанов до одноликого шитья одинаково серых костюмов уполномоченных, а суть остается прежней — все так же учат жить, но, что характерно, всегда по-новому.

Сегодня, когда приняты по-настоящему революционные российские законы «О земельной реформе» и «О крестьянском (фермерском) хозяйстве», осталось затвердить: не дай нам Бог проводить их снова революционными методами! Конечно, созданным земельным комитетам предстоит поддержать фермера, блюсти равноправие всех форм собственности, разбирать тысячи нештатных ситуаций, но, думаю, судьба избавит от очередного «воплощения» очередной «модели». Крестьянин разберется сам, где ему лучше, и не надо торопить русского мужика, он, как известно, медленно запрягает, да быстро ездит.

Ну а приватизация и как ее итог становление фермерства в российской деревне могут пройти только исконно российским способом — стать частью общинного сознания, его ценностью. Уйдет на это, понятно, не год и не два. Так что, глядя в правильные, «высокие» бумаги, принятые в «белокаменной», не забыть бы нам про овраги, которые изрезали не только запущенное, гибнущее российское поле, но и российскую душу. Не забыть бы о консервативности и суеверности нашего кормильца-великомученика — качествах, благодаря которым он пережил многие смуты и собирается жить дальше.

ВИКТОР АФАНАСЬЕВ,
академик

ЧЕЛОВЕК И ВЛАСТЬ

Политическое лицо бывшего главного редактора газеты «Правда» хорошо известно. Однако мы знали и другого Афанасьева — всей душой болеющего за «Родину», и не раз помогавшего отстаивать перед цензурой острые, принципиальные материалы. Например, именно он, консерватор Афанасьев, дал добро (правда, не без колебаний) на публикацию статьи В. Солоухина «Читая Ленина» (Родина», № 10, 1989 г.), вместе с нами бился потом за нее в ЦК КПСС. Но случилось так, что журнал с солоухинской статьей вышел при новом главном редакторе «Правды» (как считали тогда, демократом) И. Фролове. Его реакция была проста: журнал «Родина» надо физически уничтожить...
Слава Богу мы все-таки живы.

Человек, говоря словами большого философа, есть «мера всех вещей». Его положение и роль в обществе, его благосостояние, степень его свободы или несвободы — самый чуткий индикатор состояния всех общественных отношений — экономических, политических, духовных, семейно-бытовых и других.

Плохо человеку — значит, и в обществе плохо. За свидетельствами далеко ходить не надо: они здесь, у нас, в нашем собственном советском доме. В этом доме человеку крайне неуютно.

* * *

У каждого отдельного человека есть свои неповторимые качества — биологические, психические и социальные, унаследованные и приобретенные. Приобретенных больше, ведь с пеленок до глубокой старости человек *социализируется, политизируется, духовно обогащается,* приобретает власть и становится подвластным, обретает свободу или становится несвободным.

Одни из них — продукт его генетики, его наследственности. Другие — общества, в котором он вырос и сформировался. Третьи — класса, коллектива, к которому принадлежит. Четвертые — его собственные приобретения. И все это, вместе взятое, создает человеческую индивидуальность, личность, активность или пассивность которой накладывает на общество глубокую печать. И на власть, господствующую в обществе, и на свободу, которую дарует общество человеку, личности.

Власть, если она демократична, ведет к равенству всех по отношению к собственности, а от него — к праву, правовому равенству всех, равенству перед законом. А оно, правовое равенство, в сущности своей есть мера свободы каждого человека.

* * *

Нередко можно читать и слышать о том, что история нашей страны есть движение от несвободы (Ленин, Сталин) к полусвободе (Хрущев), к свободе (Горбачев). Причем свобода понимается нередко как делать то, к чему у человека больше лежит душа. Может быть, это странно и дико звучит, но ворота в беззаконие открыл... наш Пре-

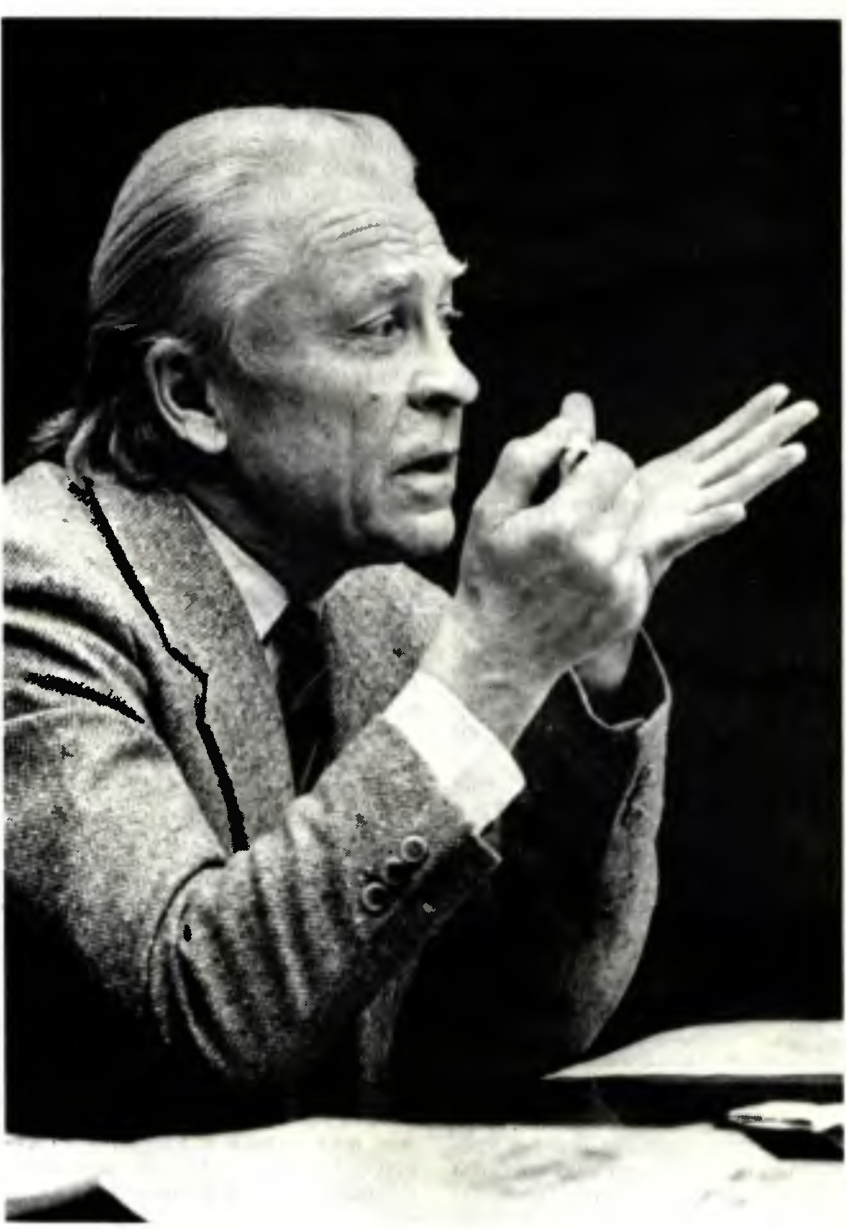

Фото Александра Худасова

зидент. Это он в свое время провозгласил лозунг: возможно все, что не запрещено. Но поскольку в силу отсутствия у нас более или менее нормальной системы законов, в силу того, что наше государство далеко еще не правовое, у нас мало что запрещено. А потому совсем не один человек делает все, что ему угодно.

* * *

Хорошо, что у одних (значительного большинства советских людей) душа лежит к честному, добросовестному труду на собственное благо и благо общества. У вторых — часами митинговать с лозунгами: «Долой!» — всех и вся — социализм, партию, власть, «аппарат»; «Даешь!» — все и вся — материальные ресурсы и финансы — миллионы, сотни миллионов, миллиарды. На все — и на восстановление порушенных Москвы и Ленинграда, и на содержание многодетных семей в Средней Азии. И на реконструкцию наших безнадежно отставших от требований времени заводов и фабрик, и на строительство... детских качелей. И т. д. и т. д.

От кого требуют? От Центра, от Москвы и прежде всего от России. И, слушая бесконечные словопрения, которые чуть ли не сутками ведутся на верховных и неверховных советах, невольно возникает вопрос: а где взять эти миллионы, миллиарды? Их нужно честным трудом заработать, ведь с неба наши даже чрезмерно дешевые рубли не свалятся.

Но не так много тех, кто хочет честно заработать. Из многочисленных, всем уже надоевших до чертиков разговоров депутатов самого разного ранга не слышал, чтобы кто-то предложил в пользу общества, государства, а в конечном счете человека хотя бы сотню-другую рублей сверх положенного, «планового». Все хотят взять, но никто не хочет дать. Не в этом ли трагедия нашей экономики, всего нашего общества, трагедия человека?

«Обещаю, предлагаю» — еще один лозунг наших радикалов. В обмен на депутатский мандат они обещали избирателям златые горы. Как-то экономисты подсчитали, что посулы эти стоят триллионы рублей. А где их взять? Взять их просто невозможно. Не тот уровень развития нашего производства. Слишком далек этот уровень от требований современных мировых стандартов.

* * *

Любая форма власти ведет к принуждению, к ограничению свободы человека. А ограничение свободы приводит в той или иной мере к потере личной ответственности. В этой связи чрезвычайно важно отыскать *оптимальное сочетание власти, свободы и ответственности,* меру соотношения этих важных параметров функционирования и развития классового общества вообще и социалистического общества в особенности.

* * *

Сейчас наши органы власти проводят энергичную правотворческую, весьма полезную и нужную работу. Мы начинаем создавать правовое государство.

Не обходится здесь и без серьезных издержек. Понимаю, что время поджимает. Но не проявляем ли мы торопливость, принимая один закон за другим, многие десятки законов? Иные из них несовершенны — длинны, внутренне противоречивы, не согласованы с другими законами, с Конституцией Союза. В них человеку порой трудно разобраться. В них далеко не всегда учитываются его интересы и потребности. А отсюда опасное следствие: законы остаются на бумаге, в результате чего органы власти теряют свою власть, авторитет.

Все это происходит не в последнюю очередь потому, что рабочие и крестьяне, дающие нам хлеб и кров, постепенно отстраняются от власти. Что ни выборы, в органах власти их становится все меньше, к их мнению порой не прислушиваются власть держащие. К примеру, всего один депутат из рабочих из не одного миллиона рабочих в Москве избран в народные депутаты России. Похожая картина в Ленинграде, других крупных рабочих центрах страны.

* * *

В истории нашей страны, в рамках диктатуры пролетариата сформировался (когда, как и почему — не говорю, об этом нужен особый, весьма обстоятельный разговор) еще один вид власти, который получил, на мой взгляд, весьма мягкое и узкое определение «культа личности Сталина».

Мягкое потому, что это был не просто культ (кстати, есть немало культов в положительном или чисто житейском смысле, тот же религиозный культ). Тогда же была жестокая диктатура, неограниченная власть в самой античеловеческой, насильственной форме, власть, попирающая все и всякие законы, лишающая самых элементарных прав и свобод, обрекающая человека на смерть по произволу, прихоти «вождя всех времен и народов» и тех, кто ему служил. Причем, речь идет о гибели многих и многих миллионов.

Узкое потому, что нельзя ограничиваться именем Сталина. А где Мао, Чаушеску, Тито, Живков, другие — большие, средние и малые культы и культики?

И думается, что речь нужно вести не столько о культе личности, сколько о культе командно-бюрократической системы, а если честно говоря, тоталитарной системы, централизованной без всякой меры, сверхмонополистической, породившей неслыханную концентрацию власти. А от концентрации, сосредоточения власти в одних руках до злоупотребления властью совсем недалеко.

Вместе с тем нельзя согласиться с утверждением, что культ является порождением социализма. И абсолютно не согласен с тем, что все наши нынешние беды идут от Сталина. Нельзя его огромную фигуру начисто вычеркивать из истории нашей страны. Кстати, мир признал и признает величие Сталина. Хотя бы потому, что он был Верховным главнокомандующим нашей армии, победившей в величайшей из войн, которые пережило человечество. Для нашей Родины это Война Великая, Отечественная.

Сталин — продукт эпохи, продукт того социализма, который сейчас называют казарменным, феодальным, дофеодальным, тоталитарным, террористическим и т. д. и т. п. Он — продукт специфических условий исторического развития нашей страны. Он — и продукт своей собственной, весьма одиозной личности — умной и бездумной, внешне доброй, а внутренне жестокой, внешне мягкой, доверительной, а внутренне до предела подозрительной. Весьма скромной в личной жизни (не в пример нынешним лидерам) и бесконечной, беспредельной мании величия в жизни и делах политических.

Мы преодолели, нет, точнее, преодолеваем культ личности, культ унитарной системы, культ вседозволенности, беззакония. Хотя и наш нынешний Президент не лишен культовых замашек.

Перестройка призвана покончить со всем этим, с культами и культиками.

* * *

Как-то забылось, что начало гласности положила статья Тани Самолис «Очищение», опубликованная в «Правде» 13 февраля еще 1986 года. Как главный редактор газеты за эту статью получил жуткую головомойку. И критика на XXVII съезде КПСС была. Были и крутые разговоры с руководителями ЦК партии. Были указания признать выступление газеты политической ошибкой, примерно наказать виновных. И только терпимость и такт нынешнего Президента, а также 2500 писем в поддержку газеты спасли журналистов «Правды» от суровой кары.

О великой пользе и значении гласности много и справедливо сказано. Но смущает, беспокоит тот факт, что она носит какой-то односторонний характер, течет в сторону так называемой либеральной интеллигенции, которая объявляется чуть ли не единственной опорой перестройки. А если внимательно присмотреться, то тон в среде этого рода интеллигенции задают десятка два, а может быть, три ее лидеров. Их имена звучат на всех перекрестках, их голоса слышны из динамиков всевозможных наших и не наших голосов, их лица не сходят с экранов телевизоров, и редкий номер газеты или журнала выходит без их опусов. И спрашиваешь себя: а где же плюрализм? Беспокоит явное, а часто и умозрительное деление интеллигенции на «либеральную» или «консервативную», «левую» и «правую», беспокоит групповщина. И те, и другие не стесняются в выражениях по отношению друг к другу, в наклеивании ярлыков и т. д.

* * *

В период застоя (о котором с грустью вспоминают миллионы наших «человеков» хотя бы потому, что в то застойное время на Новый год можно было приобрести бутылку шампанского) интересы, потребности, возможности человека недооценивались.

Человек потерял свою привлекательность, неординарность, свое собственное «я». «Не высовывайся, не стремись быть лучше других, не проявляй инициативы» (инициатива наказуема). И упаси Бог проявлять инакомыслие.

Почему же померк облик человека?

Потому прежде всего, что человек был отчужден от собственности, от власти.

На первый взгляд это не так. Каждый гражданин страны числился владельцем общенародной, государственной собственности. Но это только на бумаге. На деле же, в жизни он этой собственностью не владел, не распоряжался, не имел права распределять ее приращение. Все это делали с одобрения высших партийных органов центральная власть, государство, многочисленные министерства и ведомства. Это они возводили производственные мощности там, где надумали, в объемах опять-таки таких, каких хотели. И делали им план, перечень производимых изделий, объем реализации в рублях, оценивали их работу, произвольно распоряжались прибылями предприятий, изымали их, порой без остатка, во имя «общегосударственных интересов». Зачастую же своих собственных, ведомственных.

Что касается кооперативно-колхозной собственности, то она почти не отличается от собственности государственной. Землей колхоз не владеет, а пользуется. Что, как, сколько и когда производить, решают верхи, разные агропромышленные организации. Плохо работающим дают дотацию, а хорошо работающих обдирают. И здесь труженик фактически отчужден от собственности, от власти.

Правда, Конституция СССР предоставляла человеку целый спектр прав и свобод. Одно из главных — выбирать и быть избранным в Советы на всех уровнях — от Верховного Совета СССР до сельского Совета. Но ведь это право на деле обернулось тем, что человек не выбирал, а голосовал за одного-единственного кандидата в депутаты — того, кого выдвигали власти. Выборы шли строго по разнарядке: столько-то коммунистов и беспартийных, рабочих и колхозников, работников науки и культуры, женщин, комсомольцев.

Это одна сторона дела. Другая же — состоит в том, что фактически человек был лишен права готовить и принимать решения. Они, эти решения, готовились и принимались (и сейчас зачастую так делается) опять-таки в Центре.

* * *

Власть сопряжена с *ответственностью* ее предержащих, ответственностью перед подвластным человеком, коллективом, а верховная власть — перед страной, обществом. Чрезмерная концентрация власти приводит к изоляции наделенного властью человека от рядового человека, коллектива, общества. Она порождает безответственность как держателя власти, так и подвластных. Со стороны власть имущих безответственность проявляется в пренебрежении, попрании прав, свобод и интересов по отношению к подвластным, а нередко, при тоталитарном режиме, к жестокому принуждению, насилию над ними. Со стороны подвластного, подвластных — в апатии, безразличии к проблемам коллектива, общества, падению их политической культуры и активности. «Наша хата с краю», поскольку все решает «хата» в Центре.

* * *

Представляется, что безответственность и безнаказанность — бич нашего общества. Примеров тому не счесть. Чернобыль, трагедия «Адмирала Нахимова», железнодорожная катастрофа на Урале, гибель атомной подводной лодки «Комсомолец» вместе с большей частью экипажа. Этот трагический перечень можно было бы продолжить. Причина — разгильдяйство, безответственность и безнаказанность, низкий профессионализм.

Нет слов, виноаники катастроф наказаны, переселены в места не столь отдаленные. Но кто они, эти виновники? Стрелочники, подвластные: директор, капитан, рядовой кооператор. Верхи же отделались легким испугом — «на вид», «выговор» с занесением или без занесения, пересадка из одного руководящего кресла в другое.

* * *

Непойманными и безнаказанными (а может быть, кто-то не хочет их ловить и наказывать) остаются лидеры теневой экономики, ворочающие миллиардами, лидеры коррупции, рэкета, преступности, наркомании и экстремизма.

В чем же причина всех этих крайне опасных, порой жутких для человека, которого мы громогласно объявили целью и назначением нашего социалистического общества, явлений?

Мне думается, что главная причина — власть, ее несовершенство. А честно говоря, паралич власти, особенно исполнительной.

Власть несовершенна. По существу, она еще не сформировалась. КПСС отказалась от монополии на власть. Провозглашен лозунг: «Вся власть Советам» (сразу же отметим, что этот лозунг некорректен — к чему тогда президентская власть, которую с большим скрипом учредил III Съезд народных депутатов СССР, а где исполнительная власть и власть судебная?).

Так или иначе, но образовался вакуум власти, в который незамедлительно, продуманно и организованно устремились претенденты на не советскую, а свою, весьма разношерстную власть — различного рода народные фронты и другие организации, партии и партийки, дельцы теневой экономики, коррупционеры...

* * *

В заключение следует отметить, что глааной тенденцией развития властных отношений является становление и развитие демократии — преодоление отчуждения человека от собственности, от власти, от культуры, от природы, обретение им все более широких прав и свобод, господства человека над самим собой, над вещами, над общественными отношениями.

ПРОВОКАТОРЫ

ФЕЛИКС ЛУРЬЕ

В конце февраля — начале марта 1917 года по всей России запылали костры, в которых горели документы охранных отделений, жандармских управлений Департамента полиции и других служб Министерства внутренних дел империи. Пламя поглощало бесценные материалы. Разъяренные толпы петербуржцев подожгли здание Окружного суда на Литейном проспекте и старой тюрьмы — Литовского замка — у Театральной площади. Они сгорели дотла. Огонь вспыхнул в здании Департамента полиции на Фонтанке у Пантелеймоновского моста и на Мытнинской набережной, там громили и жгли столичное Охранное отделение. Но не только народное возмущение было причиной пожаров. Многие желали истребления архивов ради забвения прошлого и гарантии будущего спокойного существования.

1. Штрихи к портрету охранки

Политический сыск в России оформился в 1649 году вслед за одобрением Земским собором Уложения, содержавшего первый русский кодекс государственных преступлений. Дела «про шатость и измену» были изъяты из потока «воровских и лихих» и переданы в Приказ тайных дел, где царь Алексей Михайлович сосредоточил наиболее верных ему дьяков и подьячих и наделил их исключительным правом вершить «слово и дело государевы».

Каждый последующий преемник царя создавал свои учреждения политического сыска. Так, вслед за Приказом тайных дел появились Приказ розыскных дел, Преображенский приказ, Тайная канцелярия, Канцелярия тайных розыскных дел, Тайная экспедиция, Комиссия для рассмотрения дел по преступлениям, клонящимся к нарушению общественного спокойствия, Корпус жандармов, III Отделение Собственной его императорского величества канцелярии и, наконец, Департамент полиции.

Вслед за ликвидацией III Отделения политическая полиция ощутила падение своего влияния на действия жандармерии при производстве сыска. Объяснялось это подчинением отдельного корпуса жандармов военному министерству (как военной полиции) и министру внутренних дел как его шефу. *«Итак, Отдельный корпус жандармов,—* писал А. А. Лопухин,— *был учрежден для охраны самодержавной монархической власти, ему поручена борьба с государственными преступлениями. Он никакому надзору не подчинен, кроме надзора его начальства. Он числится по одному ведомству, а подчинен главе другого. Он имеет двух руководителей,— из них одного законного, но безвластного, другого незаконного, но наделенного властью. Для него закон и приказание начальства по своему значению тождественны».*

Министр внутренних дел, обремененный всевозможными заботами, не мог заниматься координацией действий Департамента полиции и Отдельного корпуса жандармов. Департаменту полиции требовался помощник, и им стала система охранных отделений.

Первое из них было учреждено летом 1866 года при Петербургском градоначальстве. Через год вся Россия покрылась сетью губернских жандармских управлений. Совместно с III Отделением и Корпусом жандармов они осуществляли «политический розыск и производство дознаний по государственным преступлениям». После ликвидации III Отделения распоряжением министра внутренних дел М. Т. Лорис-Меликова при Канцелярии московского обер-полицмейстера 1 ноября 1880 года было образовано Секретно-розыскное отделение, аналогичное учреждение появилось и при Варшавском губернском управлении. 14 августа 1882 года все три охранных отделения новый министр внутренних дел Н. П. Игнатьев подчинил Третьему делопроизводству Департамента полиции.

В период царствования Александра III охранные отделения не играли существенной роли в политическом сыске империи. Но при Николае II по инициативе начальника Особого отдела Департамента полиции С. В. Зубатова во всех крупных городах империи с 1902 года начали действовать розыскные отделения, через год переименованные в охранные отделения. В их обязанности входило обнаружение лиц, совершивших или могущих совершить противоправительственные действия, типографий, запрещенной литературы, фальшивых документов и прочего, а также наблюдение за местами скопления людей и выявление умонастроений во всех слоях российского общества.

К 1914 году количество охранных отделений на территории Российской империи достигло шестидесяти. Там же, где их не было, политический сыск производился силами местных жандармских управлений и жандармских пунктов. Подразделения Отдельного корпуса жандармов опутали территорию империи еще более густой сетью, чем политическая полиция.

Кроме того, в восьмидесяти девяти городах империи действовали сыскные отделения, имевшие целью своей деятельности «негласное расследование и производство дознаний в видах предупреждения, устранения, разоблачения и преследования преступных деяний общеуголовного характера» и обязанные всемерно содействовать службам политической полиции.

Министр внутренних дел П. А. Столыпин 9 февраля 1907 года утвердил «Положение об охранных отделениях». Вслед за тем появились инструкции по организации наружного (филерского) и внутреннего агентурного наблюдения. Именно этот момент специалисты считают завершающим в создании органов политического сыска Российской империи.

Охранные отделения состояли из канцелярии, отдела наружного наблюдения и агентурного отдела (внутреннего наблюдения). Канцелярия ведала картотечным алфавитом на всех лиц, проходивших по политическому сыску. На синие карточки заносились социал-демократы, на красные — эсеры, на зеленые — анархисты, на белые — кадеты, на желтые — студенты. В алфавите Московского охранного отделения к Февралю 1917 года насчитывалось около трехсот тысяч карточек. Кроме того, Департамент полиции регулярно рассылал во все канцелярии охранных отделений империи списки, содержание которых служило основанием для производства всероссийского политического сыска.

Участковые надзиратели наводили справки об интересовавших охранку лицах и поддерживали связь с филерами. Вокзальные надзиратели присутствовали при прибытии и отправлении поездов и в случае необходимости задерживали выслеженных филерами лиц.

Набирать филеров охранники предпочитали из отставных унтер-офицеров. Им выдавались специальные удостоверения с вымышленной фамилией-кличкой и фотокарточкой. В удостоверении должность филера называлась «агент наружного наблюдения». Им запрещалось входить в дома, приближаться к наблюдаемым объектам, вступать с ними в контакт. Филеры часами рыскали по городу, сутками на морозе простаивали в подворотнях, наблюдая за лицами, указанными им начальством, и обычно не знали, с какой целью производится слежка. Иногда они следили за своими агентами, иногда по нескольку человек наблюдали за одним и тем же лицом: начальство любило получать информацию из двух независимых источников. Филеры сообщали, куда и когда ходил субъект наблюдения, с кем встречался, во что был одет, что брал с собою, при каких обстоятельствах исчез из-под наблюдения. При умелой постановке дела филеры доставляли ценные сведения для внутреннего наблюдения и, наоборот, проверяли информацию секретных агентов. В составе знаменитой московской школы филеров, возглавлявшейся Е. П. Медниковым, были сыщики, которые распознавали в толпе неизвестных лиц, причастных к противоправительственным выступлениям, и почти никогда не ошибались. Но такие филеры были редкостью, большинство же — «гороховые пальто», как прозвал их М. Е. Салтыков-Щедрин,— представляли существа жалкие. Платили им гроши, иногда натурой — полушубок, валенки, шапка; заставляли сутками трястись у подъездов, унижали и даже били. Среди «гороховых пальто» была особая категория бестолковых филеров — бандеры или михрютки. Их выпускали следить, когда требовалось кого-нибудь спугнуть.

Главным подразделением Охранного отделения считался Агентурный отдел внутреннего наблюдения. Канцелярия и Отдел наружного наблюдения осуществляли его обслуживание. Наряду с результатами перлюстрации корреспонденции и, если это удавалось, «негласными» обысками жилищ эти два подразделения помогали агентурному отделу напасть на след лиц, входивших в «противоправительственные сообщества». Последующие аресты и допросы давали новые материалы, уточнявшие уже известные факты.

Агентурный отряд состоял из начальника, его помощника, жандармских офицеров и секретных сотрудников, занимавшихся внутренним наблюдением. Каждый офицер имел по нескольку секретных сотрудников. Знаток закулисных дел Департамента полиции историк П. Е. Щеголев утверждал: «Главным занятием жандармского поручика или ротмистра при Охранном отделении или Жандармском управлении было приобретение секретных сотрудников и руководство ими. Количество и качество насажденной жандармским офицером секретной агентуры обеспечивало его служебные успехи».

2. Плод жандармского гения

Все действия агентурного отдела регламентировались Инструкцией по организации и ведению внутреннего наблюдения в жандармских и розыскных учреждениях, утвержденной в 1907 и вновь выпущенной в 1914 году. Она была столь секретна, что штатные сотрудники не имели права выносить ее за порог кабинета начальника Охранного отделения. *«Эта инструкция,—* писал Щеголев,— *замечательный памятник жандармского творчества, своеобразный психологический итог жандармской работы по уловлению душ. Инструкция свидетельствует о растлении ее авторов, о величайшей их безнравственности и о пределах того нравственного развращения, которое несли они в население. Русскому обществу надлежит ознакомиться с этой инструкцией по причинам особенного характера: перечитав плод жандармского гения, читатель проникнется чувством крайнего омерзения, и этого чувства он не забудет никогда».*

Инструкция учила приемам вербовки секретных сотрудников, продвижения завербованных агентов в руководство революционных партий путем «создания вакансий», то есть ареста сильных соперников, общению офицеров с агентами, соблюдению конспирации. Она кокетливо запрещала пользоваться услугами провокаторов, но все причастные к политическому сыску знали, что без них не обойтись. Сыск включает «Действия по установлению или обнаружению неизвестных или скрывающихся преступников», в том числе мероприятия «не столько по обнаружению, сколько по предотвращению преступления». Чтобы предотвратить преступное деяние, необходимо иметь своего секретного агента в «обследуемой среде». Тайный агент, если он эффективно работает на сыск, не может быть пассивным членом «преступного сообщества», иначе ему нечего будет доносить своим полицейским хозяевам. Для того чтобы зарекомендовать себя активным членом «сообщества», агенту необходимо провоцировать «товарищей» и самому участвовать в совершении уголовно наказуемых противоправительственных выступлениях. Таким образом, эффективность тайного полицейского агента зависит от его активности при совершении государственных преступлений, то есть того, против чего должна быть направлена его деятельность.

Все офицеры политического сыска знали, что за использование провокаторов наказания не последует, лишь бы ничего не всплыло наружу. Еще и поэтому охранники крайне бережно относились к своим секретным агентам.

Лицемерие руководителей политического сыска, составлявших и утверждавших инструкцию, заключается в том, что сами же они устанавливали жалованье агентам в зависимости от положения, занимаемого им в «противоправительственном сообществе». Каждая ступенька в партийной иерархии, преодоленная агентом, сулила ему увеличение вознаграждения. Таких случаев с документальным подтверждением имеется много, в том числе признания как агентов, так и их хозяев. Приведу целиком первый раздел инструкции:

«Главным и единственным основанием политического розыска является внутренняя, совершенно секретная и постоянная агентура, задача ее заключается в обследовании преступных революционных сообществ и уличении для привлечения судебным порядком членов их.

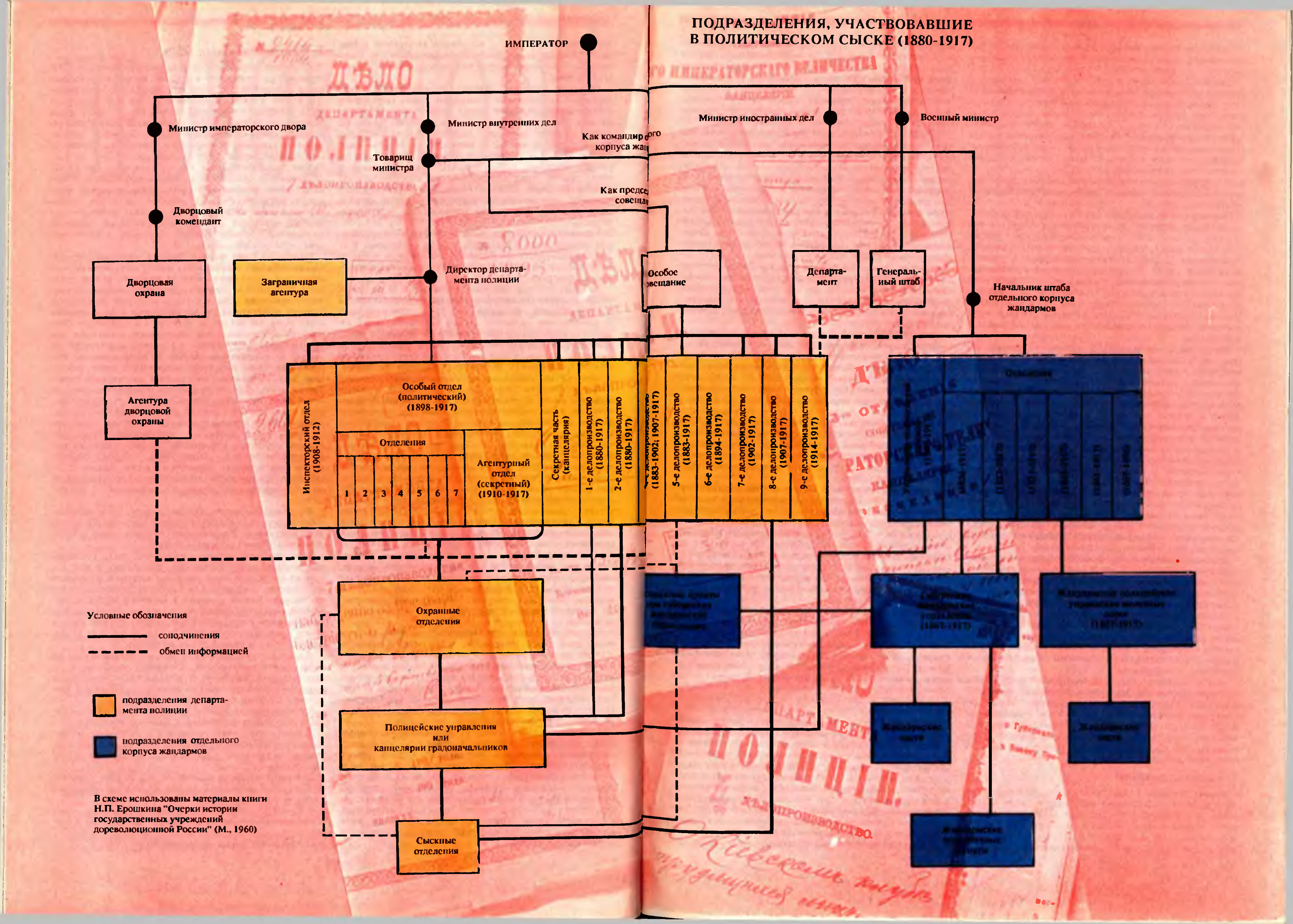
Все остальные средства и силы розыскного органа являются лишь вспомогательными, к каковым относятся:

1. Жандармские унтер-офицеры и в розыскных органах полицейские надзиратели, которые, как официальные лица, производят выяснения и расспросы, но не секретно, а «под благовидным предлогом».

2. Агенты наружного наблюдения, или филеры, которые, ведя наружное наблюдение, развивают сведения внутренней агентуры и проверяют их.

3. Случайные заявители, фабриканты, инженеры, чины Министерства внутренних дел, фабричная инспекция и прочие.

4. Анонимные доносы и народная молва.

ПОДРАЗДЕЛЕНИЯ, УЧАСТВОВАВШИЕ
В ПОЛИТИЧЕСКОМ СЫСКЕ (1880-1917)
ИМПЕРАТОР
Министр императорского двора
Министр внутренних дел
Как командир
корпуса
Министр иностранных дел
Военный министр
Товарищ министра
Дворцовый комендант
Особое совещание
Департамент
Генеральный штаб
Дворцовая охрана
Заграничная агентура
Директор департамента полиции
Начальник штаба отдельного корпуса жандармов
Агентура дворцовой охраны
Инспекторский отдел (1908-1912)
Особый отдел (политический) (1898-1917)
Отделения
1 2 3 4 5 6 7
Агентурный отдел (секретный) (1910-1917)
Секретная часть (канцелярия)
1-е делопроизводство (1880-1917)
2-е делопроизводство (1880-1917)
(1883-1902; 1907-1917)
5-е делопроизводство (1883-1917)
6-е делопроизводство (1894-1917)
7-е делопроизводство (1902-1917)
8-е делопроизводство (1907-1917)
9-е делопроизводство (1914-1917)
Охранные отделения
Полицейские управления или канцелярии градоначальников
Сыскные отделения
Условные обозначения
соподчинения
обмен информацией
подразделения департамента полиции
подразделения отдельного корпуса жандармов
В схеме использованы материалы книги Н.П. Ерошкина "Очерки истории государственных учреждений дореволюционной России" (М., 1960)

5. Материал, добытый при обысках, распространяемые прокламации, революционная и оппозиционная пресса и прочие.

Следует всегда иметь в виду, что один, даже слабый секретный сотрудник, находившийся в обследуемой среде («партийный сотрудник»), несоизмеримо даст больше материала для обнаружения государственного преступления, чем общество, в котором официально может вращаться заведывающий розыском. То, что даст общество, всегда станет достоянием розыскного органа через губернатора, прокурора, полицейских чинов и других, с коими постоянно соприкасаются заведывающие розыском. Поэтому секретного сотрудника, находящегося в революционной среде, или другом обследуемом обществе, никто и ничто заменить не может».

Секретные сотрудники делились на департаментских, заграничных и местных. Департаментская агентура (в нее входили члены ЦК социал-демократической партии Р. В. Малиновский, партии социалистов-революционеров Е. Ф. Азеф и Н. Татаров) доставляла сведения о деятельности целых партий. Заграничные провокаторы «освещали» революционную эмиграцию. Возвращаясь в Россию, они переходили в департаментскую агентуру и были чрезвычайно опасны для революционеров из-за обширных связей. Местная агентура находилась на службе в охранных отделениях и доносила о деятельности местных революционных групп.

Инструкция по организации и ведению внутреннего наблюдения в жандармских и розыскных учреждениях рекомендовала: «*Для приобретения их необходимо постоянное общение и собеседование лица, ведающего розыском, или опытных подчиненных ему лиц, с арестованными по политическим преступлениям. Ознакомившись с такими лицами и наметив тех из них, которых можно склонить на свою сторону (слабохарактерные, недостаточно убежденные революционеры, считающие себя обиженными в организации, склонные к легкой наживе и т. п.), лицо, ведающее розыском, склоняет их путем убеждения в свою сторону и тем обращает их из революционеров в лиц, преданных Правительству. Этот сорт сотрудников нужно признать наилучшим. Помимо бесед с лицами, привлеченными уже к дознаниям, удается приобретать сотрудников из лиц, еще не арестованных, которые приглашаются для бесед лицом, ведающим розыском, в случае получения посторонним путем сведений о возможности приобретения такого рода сотрудников...*

При существовании у лица, ведающего агентурой, хороших отношений с офицерами Корпуса жандармов и чинами судебного ведомства, производящими дела о государственных преступлениях, возможно получать от них, для обращения в сотрудники, обвиняемых, дающих чистосердечные показания, причем необходимо принять меры к тому, чтобы показания эти не оглашались. Если таковые даны словесно и не могут иметь серьезного значения для дела, то желательно входить в соглашение с допрашивающим о ненанесении таких показаний в протокол, дабы с большей безопасностью создать нового сотрудника».

Наиболее умелым и удачливым мастером по приобретению секретных агентов считался Зубатов. За чайным столом в непринужденной обстановке он вел неторопливые беседы с арестованными революционерами, предлагая им посредничество между правительством и партиями, осуждая действия правительственных чиновников и революционеров, доказывал собеседникам, что ищет компромиссов... Иногда ему удавалось склонить к сотрудничеству.

3. Виват, провокация!

Все лица, служившие в политическом сыске, превосходно знали, что более эффективного информатора, более ценного агента, чем провокатор, не существует. Сотрудники полицейского ведомства, пользовавшиеся услугами провокаторов, всячески оберегали их от провала и ни при каких обстоятельствах не признавались в использовании провокации при производстве политического сыска. Лишь на допросах в Чрезвычайной следственной комиссии Временного правительства бывшие руководители политического сыска, изворачиваясь и уходя от прямо поставленных вопросов, признавались в применении полицейской провокации, и то не все. Приведем объяснения бывшего начальника столичной охранки А. В. Герасимова: «*Как я понимаю провокацию — это искусственное создание преступления. Этого я никогда не допускал...*

Господин председатель, как я уже докладывал раньше, для того, чтобы открыть какую-нибудь организацию, нужно иметь там своего человека. Несомненно, если организация ликвидируется, этот человек является тоже преступником уже потому, что он участвовал. Но если мы будем своих сотрудников выдавать, то никто не пойдет служить к нам. Это установила система. Это было требованием Департамента полиции, требованием Министерства внутренних дел. Это не Охранное отделение, а вся система. Если вы рассмотрите циркуляры Министерства внутренних дел по Департаменту полиции, вы там найдете целую систему, каким образом нужно водить, освещать и т. д.».

Начальник Герасимова, бывший директор Департамента полиции, юрист М. И. Трусевич, в той же комиссии говорил: «*Это всегда было, и до тех пор, пока будет существовать какой-нибудь розыск, даже не политический, а по общеуголовным делам, агентура всегда будет в той среде, которая расследуется*».

Среди сотрудников политического сыска провокация трактовалась весьма своеобразно. Вот какое определение дал ей С. Б. Членов, один из участников работы Комиссии по обеспечению нового строя, обследовавших деятельность Московского охранного отделения весной 1917 года: «*На жандармском языке провокатор — это секретный сотрудник, участвующий в революционном движении, совершающий те или иные политические акты, без ведома и согласия того розыскного учреждения, в котором служит. Именно в этой тайности по отношению к жандармам, в этом участии в революционной работе не из государственных, а из личных видов и усматривала охранка провокацию*». Но в том-то и дело, что, с юридической точки зрения, это определение не провокатора, а двойного агента, контрагента...

Жандармский генерал А. И. Спиридович, написавший в эмиграции весьма субъективные и не во всем правдивые воспоминания, попытался в них объяснить, почему среди революционеров встречаются желающие послужить охранке. «Чаще всего,— писал он,— конечно, из-за денег. Получить несколько десятков рублей в месяц за сообщение два раза в неделю каких-либо сведений о своей организации — дело нетрудное... если совесть позволит. А у многих ли партийных деятелей она была в порядке, если тактика партии позволяла им и убийства, и грабеж, и предательство, и всякие другие менее сильные, но неэтичные приемы?»

Из революционных партий в провокаторы добровольно шли редко. Причиной согласия чаще всего был страх перед смертной казнью, каторгой, иногда охранникам удавалось запугать, шантажировать, некоторые шли из мести, тщеславия и лишь изредка — из-за денег. Чаще всего в партии засылали готовых агентов. В доносчики, осведомители из подонков просились многие, в них отбоя не было, вербовались за гроши.

* * *

Зубатов разработал этику поведения жандармского офицера из агентурного отдела с секретным сотрудником и пытался привить ее своим молодым подчиненным. «*Вы, господа,*— говорил он,— *должны смотреть на сотрудника, как на любимую женщину, с которой вы находитесь в нелегальной связи. Берегите ее как зеницу ока. Один неосторожный шаг, и вы ее опозорите. Помните это, относитесь к этим людям так, как я вам советую, и они поймут вас, доверятся вам и будут работать с вами честно и самоотверженно. Никогда и никому не называйте имени вашего сотрудника, даже вашему начальству. Сами забудьте его настоящую фамилию и помните только по псевдониму. Помните, что в работе со*

трудника, как бы ни был он вам предан и как бы он честно ни работал, всегда рано или поздно, наступает момент психологического перелома. Не прозевайте этого момента. Это момент, когда вы должны расстаться с вашим сотрудником. Он больше не может работать. Ему тяжело. Отпустите его. Расставайтесь с ним. Выведите его осторожно из революционного круга, устройте его на легальное место, исхлопочите ему пенсию, сделайте все, что в силах человеческих, чтобы отблагодарить его и распрощаться с ним по-хорошему. Помните, что, перестав работать в революционной среде, сделавшись мирным членом общества, он будет и дальше полезен для государства, хотя и не сотрудником; будет полезен уже в новом положении. Вы лишитесь сотрудника, но вы приобретете в обществе друга для правительства, полезного человека для государства».

Не все офицеры агентурных отделов следовали наставлениям Зубатова. Многие стремились запутать секретных агентов, запугать на тщеславии, трусости, жадности, подозрительности. Многие агенты, боясь своих начальников, шли на все, что от них требовали, а требовали провоцировать и выдавать.

В качестве секретных сотрудников в агентурных отделах охранных отделений числились осведомители и доносчики. В отличие от агентов, состоявших в «противоправительственных сообществах», осведомители вербовались из лиц, по роду своей основной службы находившихся в местах больших скоплений народа — дворников, лакеев, офицеров, музыкантов, сановников и даже светских дам. Среди них попадались люди серьезные и полезные для сыска. О доносчиках наиболее точное представление дают оставленные ими документы, уцелевшие после разгрома во время Февральской революции здания Московского охранного отделения. Приведу выдержки из двух доносов с сохранением орфографии оригиналов:

«Прошу вас Место Ахранова От деления виду того, что я Могу вас услужить в данное время так я хорошо знаком с партиями и революционерами и С Крестьянским Союзом. Могу ихния дела подорвать в короткое время если вы дадите Место».

«Ваше высокородие. Существует важное злоумышление, которое я знаю. Это не заговор, а убийство, но убийство на другой почве. И я могу доказать и выдать многих людей, но только нужно будет производить обыски. А потому вышлите мне 6 рублей надорогу в Москву; явлюсь и открою вам. Адрес мой (следует фамилия и точный адрес.— Ф. Л.). Причем я не лгу и деньги будут брошены вами мне не зря. Я с помощью обысков дам факты и тогда можно будет дать нос начальнику московской сыскной полиции за то, что он не согласился произвести обыск по моему заявлению. Я знаю, то, что не известно ни полиции, ни медицине. И в случае открытия важного злоумышления пусть мне будет дан ход и выдано денежное вознаграждение. А осенью я окажу услугу начальнику губернского жандармского управления поделу о разоружении полиции, дам нос местной полиции, открою торговую контрабанду на Каспийском море, разгромлю социалистов. Только имейте в виду, что зря я работать не буду, я превзойду Азефа, который выдал Лопухина. Одним словом, я намерен делать большие дела. Согласны, так высылайте деньги и вызывайте, а не согласны, это ваше высокородие уж ваша воля. И потом имейте в виду, что все, что я ни сообщу вам, это — правда. Я намерен делать большие дела».

В конце доноса рукой начальника Московской охранки написано: «Выдать 6 рублей». Судя по резолюции, услуги предлагал вполне пригодный для охранки человек. Доносчики такого сорта заваливали охранные отделения и жандармские управления своей продукцией. А ретивые охранители арестовывали, обыскивали, допрашивали, сажали и писали в столицу отчеты о проделанной работе по искоренению крамолы. Что же удивительного, если из Петербурга по всей России рассылались секретные циркуляры следующего содержания: «*Вследствие сего Департамент полиции покорнейше просит: во всех случаях устного или письменного заявления или доноса, когда факт преступления ничем, кроме оговора, не подтверждается или вообще при сомнении в действительности указываемых обстоятельств — предварительно воздержания формального, в порядке 1035 статьи Устава Уголовного Судопроизводства, дознания, проверять негласным путем основательность обвинения и лишь в случае подтверждения первоначальных сведений этой негласной проверкой приступать к дознанию*».

Огромные затраты на секретную агентуру приносили свои уродливые результаты. Специалисты считают, что перед Февральской революцией по Департаменту полиции числилось 35—40 тысяч секретных агентов. Благодаря их деятельности Департамент полиции имел достоверные сведения о работе съездов революционных партий, совещаниях фракций этих партий в Государственной Думе, соотношениях сил внутри партий, настроениях эмиграции. Далеко не всегда удавалось скрыть пути транспортировки нелегальной литературы, расположение типографий, динамитных мастерских.

Петербургский генерал-губернатор Д. Ф. Трепов в 1905 году выхлопотал у царя усиление тайного фонда Департамента полиции на три миллиона рублей. Из этой суммы поощрялись деяния сотрудников охранных отделений и жандармских управлений, а также тех сил, на которые опирался трон в начале XX столетия. В показаниях Чрезвычайной следственной комиссии Временного правительства С. Белецкий признавался: «*...например, за мое время нахождения в должности товарища министра внутренних дел, конспирируя выдачи Н. Е. Маркову и Г. Г. Замысловскому на нужды монархических организаций, деятельность коих была, как это видно из поступивших ко мне отчетов, по моим запросам, слаба, я, тем не менее отметил, путем записей Дитрихса (чиновник Департамента полиции, ведавший финансами.— Ф. Л.), выдачи А. И. Дубровину и В. М. Пуришкевичу; это было все сделано мною сознательно. А. И. Дубровин не был еще до того связан с Департаментом полиции, по крайней мере, за время моего нахождения в должности директора и товарища министра внутренних дел, а и также не брал от меня и по фонду прессы: но я знал, что у него дела по организации слабы и что к Маркову он не обратился, ибо они были в натянутых отношениях, а я, по поручению А. Н. Хвостова (министр внутренних дел.— Ф. Л.), имел задание к съезду объединить все разрозненные силы монархических организаций*».

Напомню читателю, что Марков, Замысловский, Дубровин и Пуришкевич — перессорившиеся лидеры черносотенных организаций. Министерство внутренних дел, снабжая их деньгами, стремилось объединить шовинистические силы империи, боровшиеся против революционного движения. Деньги лидерам черносотенных организаций, секретным сотрудникам и чиновникам Департамента полиции выдавались безотчетно, без расписок из секретных смет с пометой «на известное его императорского величества употребление». Назначение сумм и имена их получателей зависели от желания директора Департамента полиции и министра внутренних дел. Никаким ревизиям их действия не подлежали. В выплатах царил полный произвол. Покидая пост директора Департамента полиции, М. И. Трусевич оставил долг по секретным сметам в размере восьмисот тысяч рублей. И этот долг ему с легкостью простили, мало того, Трусевича сделали сенатором.

Охранные отделения без изменения дожили до Февральской революции. Когда в воздухе потянуло серьезной опасностью, они опрометью разбежались, боясь народной расправы.

Петерсов А. Г., начальник Московского охранного отделения. 1905 год.

Министр внутренних дел А. Н. Хвостов, 1915 год.

Директор Департамента полиции А. А. Лопухин.

Министр внутренних дел В. К. Плеве, 1903 год.

Сотрудники Департамента полиции.

ОЛЬГА ЩЕРБИНИНА

ТОПАЛО ПРИТОПАЛО В РАБОЧИХ САПОГАХ

Зачем едешь в деревню? Прежде всего — слушать народную речь. Отдохнуть от бесцветного городского жаргона, полублатного-полуконторского, этакого советского новояза, которым и пользоваться невозможно, и выкинуть не получается. То ли дело (записала этим летом в приисковом поселке Шайдуриха):

Все пришли, на лавки сели,
При галошах, при часах,
Мое топало притопало
В рабочих сапогах!

Типично уральская картинка начала века, наступление класса пролетариев на деревню. И как же выразительно это топало!

Люди чувствительны к походке, жесту, росту, тембру голоса («Хриповат мой голосочек, хриповато я пою, не за это меня любят, за ухваточку мою»).

В Шайдурихе же поют:

Супостаточку не знала,
Сам матаня указал:
Юбка черна длинная,
Походка лошадиная.

(Супостаточка — соперница; в других вариантах поется: «грубияночку не знала».) Чтобы корить за походку (за природные недостатки, увечья — никогда до этого частушка не опускается), нужно художественное чутье, согласитесь.

Эх, милка моя,
Шевелилка моя,
Сама ходит-шевелит,
А мне потрогать не велит!

Без частушки это живое слово — шевелилка! — пожалуй, и сгинуло бы. Никто его не то что в рассказе, а и в устной речи уже не вставит: стесняются. Научили народ, что он говорит неправильно, а правильно — это как в конторе.

Один только во всем бесстрашный Солженицын взялся за гигантское дело реконструкции русского языка. В «Красном колесе» только на двух страницах я нашла 20 солженицынских «неологизмов» (новое — это хорошо забытое старое), стала выписывать их — и попустилась, иначе надо было бы заново переписать чуть не всю гигантскую эпопею. Она вся такая. Вот некоторые возрожденные слова: «*небуденная* радость», «*слитие* всех классов», «газеты *клякали* о царе и Распутине», «*мимопутная* женщина», «*неуговорная* девчонка»...

Так вот, смею утверждать: народ в частушках конгениален своему великому писателю. Уж не говорю о классиках устного народного творчества Ирине Федосовой и Марии Кривополеновой, но даже безвестные сельские сочинители в лучшие свои минуты поднимаются до истинных вершин. Встречалась с ними по деревням и селам, не забыть.

Не забыть вас, Тамара Ивановна Канонерова, не довелось больше свидеться, год назад вы упокоились в родном Висиме,— так и стоит у меня в ушах ваш живой терпеливый голос, дающий урок кротости и смирения, старинной семейной этики: «Свекровь у меня богу молилась, а людей ела. Вот она ест-ест меня, я в овин убегу, досыта наревуся, а в избу приду: мамонька да мамонька...»

А частушки ваши?

Полюбила я миленочка
Характерного,
А на личико баскаго,
Аккуратненького.

Характерный, нравный, с характером, с норовом... Словами «своенравный» и «бесхарактерный» еще широко пользовались мои мама и бабушка, а ныне я их не слышу, словарный запас резко оскудевает. Да вроде такими вопросами никто уж и не задается: какой характер у милого ли, у близкого ли. Как бы не до того уже...

Дорогой, дорогой,
Тебя в болото головой,
В самую болотинку,—
Завлек меня молоденьку.

Образ болота как места неправедного, исстари нечистого, где черти водятся,— из древности. Подлинный поэтический дар был у Тамары Ивановны...

Не забыть и вас, Мария Георгиевна Козилова из деревни Шайдуриха (теперь вы живете в Невьянске, куда недавно вышли замуж в свои 76 лет), частушки ваши собственного сочинения, женские, но стойкие:

Я надену бело платье,
Полоса на полосу,
Что хотите говорите,
А я все перенесу.

А как она рифмует? Есть припевки, смысл которых в почти полном совпадении звучания слов:

У кого в кармане вика?
Вика, вика у меня.
У кого миленок Витя?
Витя, Витя у меня.

...Нижнетагильский этот куст: Висим, Невьянск с прилегающими поселками, селами и деревнями — очень богат фольклором. Песни, припевки, были, былички, легенды, загадки, пословицы практически неисчерпаемы. Во всяком случае, до недавнего времени так было, но вода течет, уходят старики, а молодежь тех песен уж не поет...

Балалаечка играет,
Балалаечка поет.
Если к ней приделать ножки,
Балалаечка пойдет.

А это уже музыкальная семья Вахтомовых из Висима — все поют, все играют на гармони, на балалайке. Семья дружная, дом справный, крепкий.

И вас помню, незабвенный Григорий Сергеевич Федулов, деда Гриша; с той же Заречной улицы, где жила и Канонерова.

Был деда Гриша неутомимым, жизнелюбивым, певал в свои 90 лет баллады с чувством, с переживанием сюжета: девушка, что шелками шьет платок, встречает королевича в образе матроса (извечная тема: в рубище найти королевича).

Русская идея... Вот, скажем, Золушка. Казалось бы, мировой сюжет. Но в том-то и дело, что при внешнем сходстве в «Золушке» из нищеты и унижения — полет в почет и богатство, к сокровищам земным. А у нас в том же «Аленьком цветочке» Аксакова вослед русской сказке — путь от одиночества и нелюбви, от без-образия и униже-

ния — к красоте, любви и верности. Мечта глубинно духовная...

Со Светланой Георгиевной Кунгуровой, учительницей средней Шайдурихинской школы, я встретилась всего-то на часочек. А записала от нее одним махом 80 частушек! И одна другой лучше. Светлана Георгиевна сгребала сено — тут же, возле учительского блочного дома. Сгребала и пела, а я торопилась записывать.

Я любила, ты отбила,
Так люби облюбочки.
Я целовала — ты целуй
Целованные губочки.

Облюбочки — слово-шедевр! Да наповал она убила свою «грубияночку» такой частушкой!

Чёрта-чёрта ли смеется,
Чёрта ли коварится;
Если будешь задаваться —
Полюблю товарища.

Вот и это слово — ковариться, коварничать — мог бы взять Солженицын в свой «Русский словарь языкового расширения».

У нас улочки прямые,
Заулки коссватые,
Нельзя по улочке пройти —
Соседки зубоватые.

Тоже расточительно и неумно выкинутое из языка слово — зубоватые (а еще — языкатые, языкастые; но зубоватые — более злые, ехидные, насмешливые; есть выражение: «зубы моет»).

Частушки встречаются весьма задиристые, едкие, хлесткие:

Я не сам ворота мазал,
Мазала мазилочка.
Я не сам в окошко лазал —
Открывала милочка.

Ох, милка моя,
Кака ты интересная,
Ночевать ко мне ходила —
Замуж вышла честная.

Про измену, про «измененную девчонку» много припевок. Целая серия начинается словами «меня милый изменил»:

Меня милый изменил,
Я сказала: ох ты!
У тебя одна рубаха,
Да и та без кофты.

Ягодинка-клюковка
Далеко укатилася,
Без тебя, мой дорогой,
Со всякими находилася.

Трактор пашет, пашет, пашет
Черную землюшку.
Я сказала трактористу:
Запаши изменушку.

Наслушалась этим летом припевок — и как-то в праздники вдруг будто и против воли сама напекла частушек полным-полно:

Шура-Шура глазки щурит
И в гармонь наяривает,
Восемь девушек целует —
Девяту уговаривает.

В дискотеку не пойду
Маять зря ботиночки.
Милый пляшет ламбаду,
А я по стариночке.

Да, выпела, выпекла, а все же не дотяиула до народных. Вот уральская начала века:

Шей, машина, шей, машина,
Паровая, нитки ски,
Кабы милый не гармонщик,
Я пропала бы с тоски.

Что сказать об этой изощренной рифме: нит-ки-ски — с тос-ки? А ритм? Тут ведь прямо слышится ход швейной машинки с ее свистящестучащим колесом. Сюжет-новелла об однообразном и нудном труде швеи (и сколько о том писано русскими беллетристами!), и одно спасает в ужасе будней — взрыв веселья, гулянье, гармонь! Сразу-то и не поймешь, до чего же припевка хороша...

Собирательство песен втягивает, как всякое коллекционирование, хотя это и больше, чем коллекционирование. В холодной и голодной невьянской гостинице гоняем чаи с дежурной — и твм записываю с десяток отборных частушек, нигде ранее не слышанных.

Из-под сахару мешочек,
Из-под чаю сумочка;
Мой миленочек на фронте —
Отдыхает куночка.

Это частушка времен войны. Последнее слово она поет приглушенно, как бы смущаясь, и тут же приводит присловье: «Чего мужику надо? Рюмочку да куночку».

Чудно: жизнь переменилась, и люди переменились, а частушка жива. И какое гулянье без частушки? Одним словом: играй, гармонь! Жарь! Наяривай! Жми! Ходи-говори! Шей, машина!

И вот ведь о чем думаешь, колеся по неприютной нашей земле, трясясь в холодных, тесных автобусах да обшарпанных электричках: это уйдет. Уйдет и холод, и голод, и поправки к параграфам, и неточные формулировки, и пустые полки, и ожесточение людское. Останется только эти неповторимые нигде на земле холмы и плавные мощные взъемы дороги, и березовые перелески, и неяркое небо, и внезапно открывающаяся за поворотом рушеная, да непорушенная церковь... И останутся песни, и сказки, и пословицы — народная мудрость.

Останется только то, что, по слову Солженицына, соприкоснёно с вечным.

ДОКУМЕНТ БЕЗ КОММЕНТАРИЕВ

Распоряжение военно-политического комиссара I полка I Туркестанской кавалерийской дивизии председателю культурно-просветительной ячейки

Под страхом ответственности предлагаю вам к немедленному изучению лекций на политическую тему изъять из «Азбуки коммунизма» точно, на кажного члена распределить, чтоб последний выучил к 18 июню сего года. Пущай сто раз он одно прочитает, наедине попробует рассказать, в потом перед общим собранием красноармейцев.

Если кто уклонится от настоящего предложения, будет считаться как уклоняющий от идеи завоеваний пролетариата и выброшен из свящщенного кружка культ-просвета.

Военком полка МАЛЯВИН.

16 июня 1920 г.

Журнал «Родина» начинает знакомить читателей с наиболее значительными эмигрантскими журналами. Первая встреча — с «Новым Журналом» (предшественник — «Современные Записки»). Основали издание писатели М. Алданов и М. Цетлин, в 60—70-е годы журнал редактировал Р. Гуль.

ЮРИЙ КАШКАРОВ,
главный редактор «Нового Журнала»

«Новый Журиал» существует в Нью-Йорке вот уже 50 лет. Когда Гитлер в 1940 году занял Париж и большую часть Франции, прекратил свое существование эмигрантский русский журнал «Современиые Записки» и многие его сотрудники оказались в Соединенных Штатах. Здесь у М. О. Цетлина (1882—1945), который не только писал для журнала, но и поддерживал его материально, и писателя М. А. Алданова (1889—1957) возиикла мысль продолжить издание русского свободного литературио-публицистического журнала. В 1941 году Алданов писал Бунину из Нью-Йорка: «Толстый журнал будет почти иаверное, можно будет выпустить книги две, а потом будет видно». На сегодняшний деиь вышло 180 кииг «Нового Журнала», «нового», потому что «старым» был «Современные Записки».

В заявлении «От редакционной группы», помещенном в первой книге, так определялись задачи журиала: «Наше издание, начинающееся в иебывало катастрофическое время,— единствеиный русский толстый журнал во всем мире вне пределов Советского Союза. Это увеличивает нашу ответствениость и возлагает иа нас обязанность, которой не имели прежние журналы: мы считаем своим долгом открыть страиицы «Нового Журнала» писателям разных направлений, разумеется, в известных пределах: люди, сочувствующие национал-социалистам и большевикам, у нас писать не могут».

На протяжении полвека редакция «Нового Журнала» давала и дает возможность высказываться всем, кому дорога свободная русская культура. Мы исповедуем принцип самой широкой терпимости ко всякому инакомыслию — политическому, философскому, к разным литературным направлениям. Но всегда исключались и будут исключаться сторонники тоталитарных идеологий, правых или левых, равио как и шовинисты всех мастей. Ко всей этой публике мы испытываем традициониое отвращение. Не У. Черчилль употребил впервые выражение «железный заиавес». Это сделал Михаил Цетлин в своей заметке «За железным заиавесом», напечатанной в четвертой книге «Нового Журнала» за 1943 год: «Огромная страна отделила себя от остального мира герметически... Теперь на наших глазах опустился железный занавес и над всей Францией. Мировая трагедия, как и трагедия России, происходит во мраке и молчании».

Сегодия, я думаю, иет нужды представлять советскому читателю Марка Алдаиова, замечательного историческо-го ромаииста, чьи произведеиия нашли наконец дорогу на Родину. В «Новом Журнале» впервые увидели свет миогие его романы и рассказы.

Другой выдающийся писатель первой эмиграции, Борис Зайцев (1881—1972), иапечатал в журнале «Путешествие Глеба», «Жуковский», «Дерево жизни», а также целый ряд рассказов.

Трудно назвать хоть сколько-нибудь заметное литературиое имя первой эмиграции, которое нельзя было бы отыскать на страницах «Нового Журиала». Н. Берберова, В. Варшавский, В. Вейдле, Г. Газданов, Г. Гребенщиков, Г. Еваигулов, Л. Зуров, Ильязд (И. Зданевич), Н. Кодрянская, А. Кондратьев, Г. Кузнецова, Д. Мережковский, В. Набоков-Сирин, Н. Нароков, И. Одоевцева, М. Осоргии, Г. Песков, А. Ремизов, А. Седых, Б. Темирязев (Ю. Анненков), гр. А. Толстая, Н. Туроверов, Н. Тэффи, З. Шаховская, В. Яновский — вот первые пришедшие на память имеиа прозаиков (а некоторые из них были и поэтами), чьи произведения впервые напечатали в «Новом Журнале».

Что касается поэтов, то список будет еще более длииным: Юргис Балтрушайтис, Конст. Бальмонт, Вера Булич, Иван Бунин, Анатолий Величковский, Александр Гингер, Зинаида Гиппиус, Алла Головина, Борис Закович, Владимир Злобин, Вячеслав Иванов, Георгий Иванов, Юрий Иваск, Дмитрии Кленовский, Ирина Киорринг, Владимир Корвин-Пиотровский, Сергей Маковскии, Борис Нарциссов, Арсений Несмелов, Юрий Одарченко, Николай Оцуп, Софья Парнок, Валерий Перелешии, Борис Поплавский, Софья Прегель, Анна Присманова, Георгий Раевский, Игорь Северянии, Странник (архиеп. Иоанн Шаховской), Екатерина Таубер, Юрий Терапиаио, Юрий Трубецкой, Марина Цветаева, Виктор Урин...

Из прозаиков, сотрудничавших с «Новым Журиалом» в 50 — 70-е годы, я хочу прежде всего отметить Николая Ульянова, автора замечательных статей и великолепного исторического ромаиа «Сириус», посвящеиного событиям первой мировои войны. В журнале были впервые напечатаны произведения Леонида Ржевского, Геннадия Аидреева, Михаила Корякова, Аллы Кторовой, Владимира Максимова, Анатолия Кузиецова, Иосифа Бродского и миогих-многих других.

Во времена хрущевской «оттепели» у «Нового Журнала» устаиовились и с тех пор не прерывались связи с Россией. В 1958 году в журнале была впервые на русском языке напечатана глава из ромаиа Б. Пастернака «Доктор Живаго» — «В дороге». Лидия Чуковская прислала свою повесть «Софья Петровиа». В 1968 году журнал опубликовал «Правую кисть» А. И. Солженицыиа. В 1972 году под псевдоиимом «Х» в журиале было иапечатаио замечательное стихотворение Ольги Берггольц «Нет, не из книжек наших скудиых...». На протяжении нескольких лет печатались «Колымские рассказы» В. Шаламова.

В публицистическом и философском разделах журнала были представлеиы такие авторы, как Н. Валеитинов, А. Кереиский, С. Мельгунов, П. Милюков, Б. Николаевский, Ф. Степуи, Г. Федоров, С. Франк, С. Аскольдов, Н. Бердяев, ки. Н. Трубецкой, В. Чернов, Д. Чижевский.

«Новый Журнал» по традиции уделяет миого внимания публикации воспоминаний и документов. Среди них можно отметить воспоминания С. Аллилуевой «Два последних разговора» (со Сталиным и Берия), воспомииания о Блоке и Троцком художника и писателя Юрия Аинеикова, «Разговоры с Н. Ф. Федоровым» С. Бартеиева, «Как я ходила в народ» «бабушки русской революции» Е. Брешковской, «Встречи с Андреем Белым» и «Беседы с Плехановым в августе 1917 г.» Н. Валентииова, неопубликованиые воспомииания А. Вырубовой, записки З. Гиппиус о Мережковском, А. Книппер-Темиревой, гражданской жены адмирала А. Колчака...

В иаши дии, когда уже снят вопрос о том, существует одиа или две русские литературы, и страницы литературных журиалов как в метрополии, так и за рубежом широко открыты и для отечествениых, и для живущих за граиицей русских писателей, «Новый Журнал» продолжает следовать принципам, провозглашеиным его основателями, испытывая стойкое отвращение ко всякому тоталитаризму и шовинизму и приглашая к сотрудничеству всех, кому дороги настоящая русская литература и культура и демократическое возрождение иашей Родины.

Хотим сразу оговориться: публикуемый ниже материал из «Нового Журнала» мы ни в коей мере не считаем попыткой реабилитации человека, само имя которого стало нарицательным,— генерала Власова. Но мы также против исторических упрощений и пропагандистских клише, которые, как мы хорошо знаем, по воле узкого круга лиц создавали для нас либо героев, либо предателей.

Публикуемый рассказ очевидца — попытка дать психологию самооправдания, внутреннего компромисса, ведущего в тупик. Он во многом проливает свет на мотивы поступка генерала Власова вне зависимости от его позднейшей политической и моральной оценки. С этой точки зрения — исследования истины, анатомии нравственного переворота — очерк и представляется нам интересным.

АНДРЕЙ АНДРЕЕВИЧ ВЛАСОВ

Что знают о Власове в Советском Союзе? Год тому назад в одном университете очень интеллигентный человек, член Союза писателей СССР, когда его спросили: «Что вы знаете о Власове?» — ответил: «Ничего я не знаю. Я знаю только, что он предатель, а больше я ничего не знаю». И вот я думаю, что на всех нас, как участниках этого движения, и особенно тех, кто был близок генералу Власову, на нас лежит долг: отсвидетельствовать. И потому прошу принять свидетельство человека, который был участником этого движения и, кроме того, был лично очень близок к Андрею Андреевичу. Не как подчиненный, не как служащий, а просто как человек. Я принадлежал к той группе молодежи, которая имела еще корни в России. Мы ушли, но не забыли, откуда мы ушли, мы несли все время в сердце своем желание служить своей родине. И вполне понятно, что, когда началась война, мы думали, что переворачивается какая-то новая страница истории нашей родины. Когда мы встретили Андрея Андреевича, в лице его мы увидели не просто человека. Это была личность. И все то, что говорил мне Власов, я помню, это запечатлелось в моей памяти.

Так случилось, что я встретился с генералом Власовым тогда, когда о нем никто ничего еще не знал. Я приехал в Берлин, и мой двоюродный брат, Кирилл Дмитриевич Вергун, устроил меня в один пансион. Там было как бы гнездо НТС. Мой двоюродный брат был председателем идеологической комиссии НТС. В этом пансионе жил Казанцев. Казанцев работал в пропагандном отделе Военного министерства. На Викторииштрассе. И туда привезли генерала Власова. И в первый день, когда Казанцеву удалось вывести его из-за решетки, он привел его в наш пансион. И мы устроили ему ужин. После ужина Власову не хотелось уходить, и он попросил Казанцева позвонить, чтобы разрешили ему остаться ночевать. И вот пришло разрешение. Андрей Андреевич остался, и мы решили, что будет спать он в моей комнате, потому что мой товарищ по комнате в это время был на ночном дежурстве. Постели стояли совершенно рядом. Я хорошо помню, как Андрей Андреевич, который очень скоро начал мне говорить «ты» — меня это не удивило,— сказал: «Не туши свет, мы будем разговаривать». И всю ночь до утра мы проговорили.

Сначала Андрей Андреевич меня «прощупывал». Он хотел знать, с кем он имеет дело. Я Андрею Андреевичу подробно все рассказал. Всю свою жизнь. Когда у нас начался разговор, как говорится, на щекотливые темы, я сквзал Андрею Андреевичу, что сейчас если мы будем разговаривать на эти темы, то самое важное: имеет ли он ко мне доверие или нет? Я помню хорошо, как Андрей Андреевич высунул руку из-под одеяла. «Давай,— говорит,— руки пожмем друг другу, будем друзьями. Ты русский, и я русский, мы сговоримся». И он меня спросил: «А ты в победу немецкую веришь?» И я ему сказал: «Нет, не верю». Я в 42-м году, когда уже был в Берлине и работал в министерстве, в победу немецкую не верил. Я Андрею Андреевичу сказал, что выиграть битву можно, но выиграть мир Германия не сможет. На это Андрей Андреевич мне тогда ответил: «Вот это для нас и есть самое лучшее». Самый ключевой вопрос во всем власовском движении: возможно ли было русскому человеку браться за оружие против своей родины? Если уж говорить образно, как любил Андрей Андреевич, я себе создал такой образ: там наши братья, но братья бывают разные. Каины и Авели. И если Каина мы ненавидим, то Авеля мы любим. И вот представьте себе, что видите вы: некто приходит и начинает бить Каина. Что делаете вы? Вы этому некто поможете. И когда падут оковы с Авеля и этот некто захочет тоже бить Авеля, вы с Авелем объединитесь, освободитесь от этого некто. Некто — вы сами понимаете, кто был. В этом я нахожу себе моральное оправдание, что я вошел во власовское движение.

После этой ночи я очень много и часто встречался в Андреем Андреевичем. Андрей Андреевич приходил к нам в пансион. Тогда он еще ходил в штатском: в сером пальто, в шляпе, и вид у него был не особенно блестящий. И Андрей Андреевич очень часто, когда приходил, а я в это время имел очень много свободного времени (я работал на радиостанции, передавал по радио статьи для газет в Смоленске, в Киеве; утром читал и в 11 часов утра я уже был свободен), разговаривал со мной. Мы ходили по Берлину, гуляли в парке, ходили в русские рестораны и т. д. Так что я могу сказать, что мое свидетельство основано на том, что я сам видел и сам слышал.

Когда мы ночью разговаривали, то он мне сказал: «Ну, хорошо, но откуда же нам взять оружие? Мы должны взять его у немцев». Это, конечно, компромисс, но я вам скажу... Я хорошо помню слова генерала Краснова... Когда Деникин во время второго кубанского похода уже был на Кубани, а немцы пришли в Ростов, у Деникина были большие затруднения. И необходимо было оружие. И Краснов передавал оружие Деникину. Деникин не хотел входить в контакт с немцами на том основании, что еще война не кончилась и это враги. А Краснов говорил: «Я беру оружие от немцев, омываю его в водах тихого чистого Дона и передаю Деникину». Без компромиссных решений не может быть государственного деятеля. А наши князья московские, которые ездили в Орду? А Александр Невский? Так что если говорить о компромиссе, на который пошел Андрей Андреевич, он пошел на него потому, что каждый государственный деятель бывает вынужден идти на компромисс, преследуя определенную, какую-то большую цель. А целью Андрея Андреевича было, конечно, освобождение нашей родины от самого страшного ига за всю российскую историю.

Когда я был уже совсем близок с Андреем Андреевичем и когда я мог совершенно с ним откровенно говорить, то вполне естественно, что я его начал спрашивать, когда, как, где начались его антиправительственные, антисоветские чувства? Первое, что он мне рассказал, это то, что подчеркивает и Солженицын: ложь, ложь во всем. Андрей Андреевич как-то сидел дома со своей женой и читал газету. И в этой газете было какое-то новое правительственное распоряжение, в котором он видел очередное страшное ущемление российского крестьянства,— а сам-то он был крестьянином, из крестьянской бедной семьи. И вот он возмущался этим. И вместе с женой они говорили, и вдруг приходит начальник штаба и спрашивает его: «Ну что, прочли? Так вот,— говорит,— замечательная какая, интересная статья и какое мудрое наше правительство». И когда он ушел, то жена Андрея Андреевича посмотрела ему в глаза и сказала: «Андрей, а разве можно так жить?» Я хорошо помню, как Андрей Андреевич мне это рассказывал. Затем Андрей Андреевич был на Северном Кавказе. Он тогда уже командовал большими подразделениями и был тогда в станице Кущевка. Станция по дороге на Ростов. И он говорил, что на всю жизнь запомнил эти составы с раскулаченными.

Он это всегда вспоминал — те составы, которые он видел на станции Кущевка. Затем он говорил: «Какая же это власть? Я — командир, моя жена — доктор, мы работаем, у нас есть деньги, мы помогаем нашим родным, а государство их за то, что мы им помогаем, за то, что мы им купили и что-то им приобрели, наказывает. Мы им помогли, а их на следующий год раскулачили». Затем чистка среди военной среды. Ведь большинство его товарищей по службе погибли. Андрей Андреевич всегда мне говорил, что больше всего он надеется на Рокоссовского, с которым он, наверно, был очень близок, потому что всегда мне говорил: «Ну, а Костя, Костя думает то же самое, что и я. И с Костей мы сразу сговоримся». Затем он говорил, что пошел в Красную Армию, когда был молодым студентом, и в 18-м году он уже был в Красной Армии, потому что верил, что земля и воля будут. Земля крестьянину и воля народу.

Андрей Андреевич в ту же ночь, когда мы с ним разговаривали, спросил: «В чем, ты думаешь, была ошибка Белой армии?» На это я ему сказал, что ошибка Белой армии была в позиции непредрешенчества. И Андрей Андреевич сказал: «Да, вот если бы мы точно знали, за что Белая армия борется и что она даст рабочему, что она даст крестьянину, вот тогда бы было все по-другому. А вот позиция непредрешенчества совершенно неправильна». И он начал меня сразу же расспрашивать о том, что есть в эмиграции, есть ли какие-то партии. Он совершенно не знал ничего об эмиграции, но надеялся, что найдет в эмиграции какую-то опору и государственных людей.

Я чистосердечно ему рассказал обо всем, что я знал. И Андрея Андреевича очень огорчило, что у нас было очень много разногласий. Он не был монархистом. Не мечтал ни о какой реставрации. Я думаю и свидетельствую, что Андрей Андреевич был очень большим демократом. И ни о какой авторитарной власти, как считает Солженицын, не думал.

Я рассказал Андрею Андреевичу о тех группировках, которые существовали в это время в эмиграции. Он меня расспрашивал, кто, где... Я ему рассказал, кто в Париже, кто в Праге, я многое знал. И я сказал

ему, что в тот момент, когда он сейчас находится в Берлине, здесь группа молодежи... Я не помню, как она тогда точно называлась, теперь она называется НТС, а тогда она называлась Национально-Трудовой Союз нового поколения... Андрей Андреевич мне сказал, что это его интересует и, когда будет их программа готова, чтоб я эту программу ему принес. И я это исполнил. Летом 43-го года мне Байдалаков и Вергун передали схему, и я принес ее Андрею Андреевичу, который на ней сделал очень много деловых заметок.

Андрей Андреевич не переходил на сторону врага и не был инициатором этого движения. Это движение зародилось раньше, до него. Оно было народно-стихийным, и цифры его огромны. Андрей Андреевич, как известно, был командующим армией, которая шла, чтобы прорваться к осажденному Ленинграду. И там эта армия совершенно погибла в болотах, в лесах, и вот тогда Андрей Андреевич остался один, только с женщиной, которая была его домохозяйкой. И он сидел около одной деревушки, я помню название, потому что странное какое-то название — Пятница. И вот около этой деревушки Пятница была лесная сторожка, и в этой лесной сторожке он прятался. И кто-то донес, и пришли, и его забрали.

Но он мне говорил, что он первый раз подумал о шансе, есть ли шанс для антисоветских сил использовать положение. Что, сидя на пне, на полянке, он все время об этом думал. Он не знал точно, что происходит, какое уже идет освободительное движение и сколько тысяч, десятков, сотен тысяч людей из советских пленных и из населения гражданского хотят взять оружие, чтобы бороться против советской власти. Он частично только об этом знал, знал это по докладу, который он слышал в Москве, а больше всего, он мне говорил, его поразил один факт. Он отступал со своим корпусом из Галиции. И в каком-то городе, не помню точно, какой это городок, они получили распоряжение спешно отходить. И вот колонна танков отходила. И из другого танка по радиосвязи начальник штаба, когда они отошли от этого города, ему передает, что они в помещении, где ночевали, забыли какие-то документы. Андрей Андреевич приказывает сразу трем тяжелым танкам повернуть и полным ходом идти обратно в этот город, это была Западная Украина. И когда они ворвались с танками в этот город, они увидели на улицах цветы, разбросанные цветы на улице и народ, ожидавший прихода немцев с другой стороны. И Андрей Андреевич говорил, что на него это произвело страшнейшее впечатление. И в его танке пулеметчик ему сказал: «Пустить очередь?» А он ответил: Нет, женщины и дети. И они повернули, взяв из того помещения, где оставили, эти документы. И Андрей Андреевич несколько раз об этом вспоминал и говорил, что его сердце в тот момент заполнилось какой-то горечью.

Затем уже на фронте он мне рассказывал, что был другой факт, который тоже на него произвел большое впечатление. Он объезжал фронт и увидел, что где-то в одном месте на земляной дороге застряло несколько повозок со снаряжением. И это, говорит, было сделано нарочно: не хотели воевать. Это факт, что не хотели воевать, и вот тогда он подумал: а может быть, есть шанс добиться того, что мы освободимся от орды советской, а орда немецкая не страшна. Конечно, была опасность, но Андрей Андреевич говорил, и я с ним это много раз обсуждал, что немцы не могут оккупировать всю территорию нашей родины. А что остановиться где-то, а дальше не идти — невозможно. И что если начала какая-то страна, какая-то сила оккупировать такую страну, как Россия, она должна прокатиться до Владивостока. А остановиться на Урале невозможно. Невозможно. И он на основании своего опыта в Китае говорил, что как японцы завязли в Китае, так и немцы завязнут в России. И ничего у них не получится. Что если мы успеем собрать армию, и не дивизию, не две дивизии, а можно было создать большую армейскую группу, то мы всегда успеем оторваться от немцев, а после мы уж будем с ними разговаривать совершенно по-другому.

Это было патриотическое чувство русского человека, который хотел освободиться от орды советской, но не пойти под орду немецкую.

Если бы Гитлер пришел как освободитель, то опытные русские войска, решая в первую очередь свою национальную задачу, воевали бы за полное освобождение России от сталинской деспотии. Даже если бы по стратегическим соображениям он провел войну со Сталиным под флагом освобождения России, он обязательно преследовал бы при этом свои далеко идущие цели: сперва с помощью русских сил освобождения разбить Сталина, а потом подчинить себе еще не окрепшее русское государство, то есть на этот раз уже откровенно завоевать Россию. Да, Гитлер это думал. Но это было совершенно не по силам немцам. Это было совершенно невозможно, и поэтому-то Андрей Андреевич смело и решительно пошел и присоединился к освободительному движению и имя свое дал этому движению.

Стратегически неплохой по нормам и критериям XX века план Гитлера неминуемо в свое время взлетел бы на воздух. Дело в том, что непрерывный, двадцатипятилетний чекистский террор сделал нас подозрительными, недоверчивыми. У многих из нас выработалась порой чрезмерная осторожность и предусмотрительность, и подвох мы учуяли бы заранее. Русское правительство немедленно установило бы дипломатические отношения с Англией и Соединенными Штатами. Андрей Андреевич тоже об этом говорил. Когда была бы организована армия и, оторвавшись, ушла бы, скажем, в Сибирь, то союзники, конечно, начали бы разговаривать с ней, потому что во время Белого движения, если союзники не помогли Белой армии, то это потому, что в те времена было очень распространено мнение: наша хата с краю — ничего не знаю, и это очень далеко, и нас это не касается. А вот тогда, если бы русская армия, освободительная армия прорвалась бы в Сибирь, то союзники помогли бы, потому что общее дело — надо было валить Гитлера. И тогда бы разговаривали. Так же, как и теперь. Сейчас разговаривают почему? Потому что уж очень угроза близка. А вот в наше время, когда я был совсем молодой, то в первой эмиграции тоже были большие государственные люди. Но с ними никто не хотел разговаривать. Почему? Потому что тогда считали: ну, это ваше, русское дело, а нас это не касается, а вот теперь и Буковского принимают в Белом доме, не правда ли? Почему? Потому что беда стучит в ворота. Враги Германии получили бы в лице России верного союзника в стадии возрождения, реализующего свои громадные духовные силы в подлинном освободительном порыве, и тут Гитлеру сломали бы шею.

Сталинской пропагандой Андрей Андреевич Власов был объявлен изменником Родины. Но перед судом истории и зрячими современниками он был и останется человеком, который из-под обломков груды ошибок, совершенных великими мира сего, сумел извлечь воинские силы, которые, несомненно, повлияли бы на ход событий, если бы цели и задачи власовского движения были правильно поняты союзниками.

И. НОВОСИЛЬЦЕВ

«Новый Журнал» № 129 (1977 г.).

ДРЕВО ПОЗНАНИЯ

Два человека стояли у истоков русской научной генеалогии: в Петербурге — Николай Петрович Лихачев (1862—1936), талантливый историк и коллекционер; в Москве — Леонид Михайлович Савелов (1868—1947), специалист по истории дворянских семей, единственный в России исследователь, который опубликовал библиографические указатели по генеалогии и прочитал курс лекций по этой дисциплине.

Его интерес к генеалогии начался с занятий по истории своей семьи. О старинном новгородском роде Савеловых сохранилось много документов конца XVII века — тогда, после отмены в 1682 году местничества, семья подала в Палату родословных дел выписки из летописей, грамоты и свою родословную роспись.

В 1892 году Савелов, как предводитель дворянства одного из уездов Воронежской губернии, уезжает из Москвы и начинает заниматься генеалогией воронежского, тульского и донского дворянства. В 1893—1898 годах трижды издается его библиографический указатель по истории, геральдике и родословию дворянства. Когда ученый вернулся в Москву, он был признан одним из ведущих генеалогов своего времени.

В начале 1905 года при активном участии Савелова организуется Московское историко-родословное общество (аналогичное образовалось в Петербурге еще в 1898 году, и он был одним из его членов), при котором до 1914 года ежеквартально издаются «Летописи историко-родословного общества» под редакцией Савелова. В 1908/1909 учебном году студентам Московского археологического института посчастливилось: русский ученый-генеалог читал им лекции.

В теоретической части «Курса лекций» говорилось о достижениях русской исторической науки, по существу, это апофеоз прошлому дворянства. Большое внимание автор уделил методике поиска, обработки и описания личных дворянских архивов.

В 1913 году из-за конфликтов с директором и некоторыми преподавателями Савелов ушел из института.

После революции ученый эмигрировал. Но занятия генеалогией, которой он был увлечен всю свою жизнь, не прекратил и за рубежом. До 1939 года в Белграде, а затем в Нью-Йорке Савелов издавал генеалогический журнал «Новик», тематически да и по составу авторов ставший продолжением «Летописей историко-родословного общества».

Маргарита **БЫЧКОВА**

НИСХОДЯЩЕЕ МУЖСКОЕ РОДОСЛОВИЕ САБУРОВЫХ

ЗАХАРИЙ *2 пол. XIII в.*

АЛЕКСАНДР ЗЕРНО *боярин убит в 1304 г.*

ДМИТРИЙ ЗЕРНО *боярин сер. XIV в.*

ИВАН КРАСНЫЙ *боярин*

КОНСТАНТИН ШЕЯ *боярин умер после 1406 г.*

ДМИТРИЙ *боярин 2 пол. XIV в. родоначальник Вельяминовых-Зерновых*

1. ФЕДОР САБУР *родоначальник Сабуровых боярин. Упоминается в 1380 г.*

ИВАН ГОДУН *конец XIV в. родоначальник Годуновых*

4. ИВАН *боярин конец XV в.*

5. ВАСИЛИЙ *боярин умер в 1483 г.*

7. КОНСТАНТИН СВЕРЧОК *воевода 2 половина XV в. родоначальник Сверчковых-Сабуровых*

ГРИГОРИЙ *начало XV в*

9. ФЕДОР ПИЛЬЕМ *родоначальник Пильемовых-Сабуровых*

10. СЕМЕН ВИСЛОУХ *2 половина XV.- начало XVI. в.*

14. АНДРЕЙ *окольничий умер в 1534 г.*

ЮРИЙ *боярин*

ИВАН *упоминается в 1528 г.*

18. ЮРИЙ

21. ИВАН меньшой

СОЛОМОНИДА *умерла в 1542 г.*

ФЕДОР КРИВОЙ *середина XVI в.*

30. БОГДАН ФЕОФАН *боярин умер в 1598 г.*

40. СЕМЕН старший *упоминается в 1571 г.*

БОРИС *Царь с 1598 по 1605 г*

55. ЕВДОКИЯ *умерла в 1620 г.*

61. ИГНАТИЙ-БОГДАН *стольник умер в 1630 г.*

ФЕДОР *царевич убит в 1605 г.*

79. ДМИТРИЙ *стольник 1 половина XVII в.*

Венчание Василия III с Соломонидой Сабуровой Миниатюра XVI в

85. ИВАН *стольник умер в 1727 г.*

86. ВАСИЛИЙ *стольник середина XVII-начало XVIII в.*

88 РОДИОН *стольник 2 пол XVII-начало XVIII в.*

92. ВАСИЛИЙ *бригадир 1675 1748 гг.*

95. ЯКОВ

100. ЕКАТЕРИНА *1 половина XVIII в*

102. ФЕДОР *бригадир 1717 1790 г.*

114. МИХАИЛ *умер в 1782 г.*

117. АНДРЕЙ *статский советник умер в 1790 г.*

130. ИВАН *генерал-майор*

143. ВАСИЛИЙ *секунд-майор*

150. ИВАН *гвардии прапорщик родился в 1775 г.*

170. ПЕТР *надворный советник 1802-1866 г.*

183. ВАСИЛИЙ *майор*

196. АНДРЕЙ *обер-гофмейстер 1797-1866 гг.*

197. АЛЕКСАНДР *декабрист 1799-1880 гг.*

210. АЛЕКСАНДР *губернский секретарь*

228. ЯКОВ *сенатор 1840-1914 гг.*

232. ВАСИЛИЙ *статский советник родился в 1847 г.*

245. ПЕТР *сенатор 1835 1918 гг.*

247. АНДРЕЙ *член Государственного Совета, юрист 1837-1916 гг.*

252. АЛЕКСЕЙ *офицер 1870--1935 гг*

253. АЛЕКСАНДР *юрист 1874-1934 гг.*

274. НИКОЛАЙ *инженер 1903-1983 гг.*

277. ВАСИЛИЙ *офицер 1882 1920 г.*

287. АЛЕКСАНДР *кавалергард 1870-1919 гг.*

301. ЕКАТЕРИНА *родилась в 1903 г.*

302. ДМИТРИЙ *1905 г. - убит в 1941 г*

305. АНДРЕЙ *филолог 1902-1959 гг.*

311. АЛЕКСЕЙ *инженер родился в 1933 г*

312. ВАСИЛИЙ *погиб с отцом в 1920 г.*

318. БОРИС *1897-30-е годы*

319. КСЕНИЯ *1900-1984 гг*

320. ЮРИЙ *1904-30-е годы*

329. МАРИЯ *археолог родилась в 1928 г*

330. ТАТЬЯНА *регент церковного хора родилась в 1929 г.*

331. АЛЕКСАНДР *юрист родился в 1956 г.*

335. МИХАИЛ *инженер родился в 1960 г*

336. АЛЕКСАНДР *студент МАИ родился в 1967 г.*

художник Н. Сафронова

Сабуровы — одна из древнейших русских дворянских фамилий. Род этот ведет свою историю с конца XIII века. В составленной нами родословной насчитывается 337 представителей, причем только основной ветви Сабуровых (угасшие в XV—XVII веках ветви мы не принимаем во внимание). Сплошная нумерация в таблице соответствует номерам родословной росписи.

Предком Сабуровых был крупный костромской вотчинник Захарий. Его внук Дмитрий Зерно в 1330 году выехал из Костромы в Москву на службу к Великому князю, и с этого времени Сабуровы на протяжении двух веков занимали ведущее место при великокняжеском дворе.

Родоначальник этой фамилии, Федор Сабур, был хорошо известен во второй половине XIV века: он участвовал в Куликовской битве, был боярином Великого князя Василия Дмитриевича. На протяжении столетия в Боярской думе заседало по нескольку представителей этого рода.

В 1505 году Сабуровы породнились с Великокняжеским домом. Соломонида Юрьевна стала женой Великого князя Василия III. Брак этот был бесплодным, и через двадцать лет Соломониду насильно постригли в монахини и сослали в суздальский Покровский девичий монастырь.

Выдающимся деятелем первой четверти XVI века был Андрей Васильевич (14), участник Казанских и Ливонских походов, наместник Пскова, талантливый воевода. В 1571 году Евдокия Богдановна Сабурова (55) стала женой старшего сына Ивана Грозного — Ивана, впоследствии убитого отцом.

Многие Сабуровы пострадали в опричнину и в Смутное время. Царь Борис Годунов не особенно жаловал своих родичей и в Думу их не пускал. В XVII веке род едва не пресекся и только к началу XVIII столетия оправился от всех потрясений.

Екатерина Романовна (100) была замужем за братом императрицы Екатерины I, Федором Скавронским. Так уже в третий раз Сабуровы породнились с царствующим домом. В XVIII веке мы видим их и на военной, и на статской службе. Военные представители рода принимают участие практически во всех войнах XVIII — XIX столетий. Так, Иван Федорович (130) — генерал-майор, участник суворовских походов.

Андрей (186) — гофмейстер и директор Императорских театров, его брат Александр (187) — декабрист, член Северного общества, Яков (228) — сенатор, Петр (245) — известный дипломат, посол в Афинах и в Берлине, археолог и собиратель древностей, Андрей (247) — известный юрист, министр народного просвещения.

Бурные события XX века коснулись, конечно, и рода Сабуровых. Часть семьи оказалась в эмиграции, офицеры участвовали в Белом движении, несколько человек было расстреляно большевиками. Кто-то исчез в сталинских лагерях, погиб на фронтах Великой Отечественной войны. Потомки Сабуровых живы и поныне. Среди них — инженеры, археолог, юрист, регент церковного хора.

Род Сабуровых — один из многих российских родов, по которым можно изучать историю нашего Отечества.

ВЛАДИМИР ПОНСОВ,
член правления Историко-родословного общества в Москве

Леонид САВЕЛОВ

Лекция по русской генеалогии читана в Московском археологическом институте

I. Рассматривая генеалогию со стороны ее внешних форм, мы встречаем *два главных вида родословий: восходящих и нисходящих.*

В родословии восходящем главным объектом исследования является то лицо, о предках которого собираются сведения, с него начинают, затем уже идут по восходящим ступеням или коленами, т. е. к отцу, деду, прадеду и т. д.,— это первоначальный вид родословия, когда у исследователя нет еще достаточного количества необходимых материалов, когда он постепенно идет от известного к неизвестному. Когда же собрано уже достаточно материалов и предки данного лица выяснены, то переходят уже к родословию нисходящему, т. е. начинают с самого отдаленного из известных предков и постепенно переходят к его потомкам. Подобное родословие, во-первых, гораздо более удобно для справок, а во-вторых, более наглядно показывает общую картину жизни и деятельности рода, начиная с более отдаленных времен и постепенно разворачивая до последних дней.

Второй вид родословий — нисходящий, самый употребительный, и можно смело сказать, что исключительно с подобными родословиями и приходится, за весьма редким исключением, иметь дело современному генеалогу, не только русскому, но и всякому.

Как восходящие, так и нисходящие родословия бывают мужские и смешанные.

Мужским нисходящим родословием называется такое родословие, которое указывает все потомство данного родоначальника, но происшедшее лишь от мужчин, относительно же женских представительниц рода ограничивается указанием имени их супругов. Эта форма родословий самая обычная и прилагается во всех случаях, когда родословие не имеет каких-либо специальных целей.

Смешанным-нисходящим называется такое родословие, которое указывает решительно все потомство данного родоначальника, как происшедшее от мужчин, так равно и от женщин. Подобное родословие не является, конечно, родословием одной фамилии, т. к. охватывает часто огромное количество родов, происшедших от одного родоначальника по женским линиям. Оно бывает необходимо для выяснения родственных связей между боковыми и часто весьма отдаленными родственниками и чаще всего фигурирует в процессах о наследствах.

Смешанным-восходящим родословием называется родословие, которое указывает всех прямых предков данного лица как по мужской, так и по женской линии, совершенно пренебрегая не только женскими именами, но и боковыми линиями, происшедшими от мужских представителей того же рода. Подобное родословие всегда имеет весьма правильную фигуру, будучи изображено графически, т. к. в первом колене указывается одно лицо, во втором — два, в третьем — четыре, в четвертом — восемь и т. д. в геометрической прогрессии, причем каждое из этих лиц в одном колене принадлежит к другому роду, так что в четвертом колене мы имеем представителей восьми различных фамилий, а в пятом уже шестнадцати и т. д.

даже видя, как мать каждую ночь стонала, обхватив голову руками, я продолжала преклоняться перед гениальным Сталиным...

Позже, когда я стала студенткой Московского экономического института (затем он влился в Плехановский), на экзамене по истории партии профессор неожиданно спросил меня (я носила фамилию деда), не довожусь ли я родней Рютину Мартемьяну Никитичу. Я замолчала, покраснела до ушей. В одну секунду пронеслось: «Выгонят!», и я сказала: «Нет». Понял ли он, что я лгу, или поверил — не знаю. А сердце всплеснулось: «Предала, предала, отреклась...»

Но можно ли судить меня, старшую из трех сестер, которых с таким трудом ставила на ноги дочь «врага», и не просто врага народа, а дочь личного врага Сталина. И куда мне было идти, если бы выкинули из института? Да что там выкинули — достаточно было просто снять с повышенной стипендии, единственного источника существования.

Здесь, в Москве, мне было голодно и холодно. Я жила с двумя студентками на заброшенной даче в Никольском. Но все эти мытарства с лихвой окупались немыслимо «интересной жизнью». Ведь в институте на моих глазах шла борьба с «космополитами», «сионистами», «вейсманистами-морганистами», «стилягами», «агентами разведок», «сумбурной музыкой» и «непартийной литературой». И я в своем допотопном невежестве воспринимала все как надо — клеймила врагов, от души издевалась над нечитаной Анной Ахматовой и ходила после скромных студенческих чаепитий с друзьями на Красную площадь, чтобы искать глазами в Кремлевском дворце окно, в котором не гаснет свет и за которым ходит, мягко ступая, великий человек...

Казалось, ничто из виденного не могло поколебать моей веры в убийцу моего деда: ни нищета подмосковных деревень, куда нас посылали на уборку урожая, ни колонны «политических», которых летом гнали по знойной дороге, а зимой — через бураны и стужу — на шахты Караганды, ни конвой с пулеметами на крышах грузовиков, ни овчарки вдоль этих колонн. Все странно уживалось в моем больном сознании. И не только в моем...

Тогда я еще ничего не знала о письмах деда, написанных в Суздальской тюрьме, но они были, они лежали в непроницаемых архивах Лубянки, чтобы через десятилетия встретиться со мной. Вот кусочек из его письма, написанного ко дню моего рождения:

«От дня ее рождения начинается новое летосчисление и мое второе рождение. Она ведь человек новой эпохи. В один и тот же или почти в один и тот же день (11 октября 1930 года.— Ю. Ж.) появилась на свет новая жизнь и были гильотинированы иллюзии старой. Она — маленькая веха на большом историческом перевале».

И еще фраза деда о себе самом: *«Моя трагедия — это ведь не личная, а трагедия целой эпохи».*

А для меня от этих далеких дней начался отсчет жизни. Я училась, влюблялась, бедствовала без жилья и денег, вышла замуж, родила дочь, устраивала свой быт. Сразу после смерти Сталина узнала правду о нем от мамы. И двадцатый съезд уже не был для меня откровением.

После съезда партии одна за другой пришли бумаги о посмертной реабилитации бабушки и маминых братьев. На наши же запросы о деде ответов долгое время не было, а когда дождались, то прочитали: Рютин — преступник, дело его пересмотру не подлежит. Теперь-то я знаю, что в 1956 году дело М. Н. Рютина по указанию военного прокурора «проверял» подполковник юстиции Булатов, и это он поставил на нем клеймо *«пересмотру не подлежит».*

Моя мама (в год смерти Сталина ей было 42) вернулась из Казахстана в Москву и жила в бараке на станции Бескудниково, где обитали и другие связисты, тянувшие кабельную линию на Волгоградскую и Куйбышевскую ГЭС. Когда стали выдавать ордера на квартиры тем, кто прожил в Москве 10 и более лет, многие покинули бараки. И только дочь Рютина не могла доказать, что с 1924 года и до самой войны она жила в Москве, откуда ее вместе с матерью, мужем и дочерью выгнали на улицу в 1933 году. (Дед был арестован годом раньше.) После мы скитались по родственникам и снимали углы. Но документы в жилконторах оказались уничтоженными, и при расселении бараков маме грубо отказывали в помощи.

Я в то время жила в Ленинграде и, совершенно искренне поверив в оттепель, вступила в партию. Из биографии Хрущева было известно, что Никита Сергеевич вскоре после деда стал первым секретарем на Красной Пресне. Значит, он знал Рютина. И я решила поехать в Москву помочь маме. Это было в 1963 году. Прямо с вокзала отправилась в Кировский райсовет, а оттуда — в ЦК.

И вот через 30 лет я со своим партбилетом храбро вхожу в один из подъездов ЦК, звоню в Парткомиссию, и меня вскоре принимает молодой мужчина с грузинской фамилией. Он с ходу все понял, но строго произносит: «Во-первых, Хрущев не разрешает нам вмешиваться в жилищные дела бывших репрессированных, а во-вторых (и тут он смотрит на меня долго и испытующе), ваш дедушка не будет реабилитирован НИ-КОГ-ДА. Но я о вашем приходе доложу завтра».

Когда шла обратно по ковровой дорожке на зеркально лакированном полу, плакала, лицо горело. Не помню, как дошла до Центрального телеграфа и, стоя у конторки, написала письмо Нине Петровне Хрущевой, вернулась и сдала письмо в какое-то окошко. Что я там

писала, размазывая слезы? Наверное, просто просила вспомнить и подтвердить в Кировском райсовете, что мой дед не был бобылем, что у него была семья и он жил с 1924 по 1932 год в Москве. Уж кто-кто, а Хрущевы-то это знали. В тот же вечер уехала в Ленинград, а спустя несколько дней маме дали ордер на однокомнатную квартиру.

Через год в стране воцарилось брежневское мракобесие. Оно казалось бесконечным. Но именно в то время я окончательно и бесповоротно поняла: судьба каждого из нас с самого рождения и даже еще раньше была отдана во власть людей далеких от всякой гуманности, и надеяться нам не на что. Я не читала в самиздате ничего, кроме одного-двух рассказов Солженицына, но была в отчаянии, когда его изгнали. Не читала ничего из написанного Сахаровым, но тревожилась и за этого изгнанника так, как волнуются о самых близких людях.

Прочитав «Неоконченный портрет» Чаковского, который уже при Брежневе вновь воспел «вождя народов», я отправила писателю возмущенное письмо, кончавшееся словами: «Если даже очень зажмурить глаза, то двадцатый съезд все равно был, был! а Сталин — убийца». Ответа не последовало.

Что же случилось со мной за это время? Просто судьбе было угодно столкнуть меня на работе со всей той изнанкой, которая малознакома большинству наших сограждан. В статуправлении Ленинграда, где работала, я стала соучастницей того, что творилось в системе лжи. Ведь именно через эту систему шли нелепые «валовки», «незавершенки», фальшивые «потери рабочего времени» и другие «показатели», о которых сегодня стыдно вспоминать. За несколько лет работы я поняла, что цифрам, как и людям, можно выворачивать руки и делать их в отчетах, как и людей, удобными. Мне не довелось пользоваться «распределителями» разных благ, но я хорошо знала о них. Не припомню ни одного секретаря райкома, который, вступив в должность, не поменял бы прежнюю квартиру на лучшую. Еще недавно слова Б. Н. Ельцина об отмене привилегий казались мне верхом смелости, пока не прочла сказанное дедом еще в 1932 году: *«Верхушка партийного и советского аппарата превратилась в банду беспринципных политиканов и политических мошенников. Они обеспечены высокими ставками, курортами, пособиями, дачами, великолепными квартирами, прекрасным явным и тайным снабжением, бесплатными театрами, первоклассной медицинской помощью и т. д и т. д. И это при невероятном обнищании и полуголодном существовании всей страны».*

Мама по-прежнему писала прошения. Сначала Брежневу, потом — Андропову. И зря. Я не поддерживала ее. Я уже не верила им, руководителям партии. И хотя сильно не бунтовала, но и уживчивой не стала. Один раз, правда, поругалась в письме с автором, рассказавшим о событиях в Забайкалье в годы гражданской войны. Обиделась за то, что автор назвал деда, тогдашнего секретаря Иркутского губкома, меньшевиком, а то и вовсе троцкистом.

С первых месяцев после прихода к власти Горбачева время наполнилось такой страстной надеждой на все лучшее, сразу же, сейчас же, немедленно. Я радовалась каждой дерзкой публикации. И теперь уже знала, что сделать, чтобы вернуть деда людям. Мы обе с мамой, не сговариваясь, отправляем письма: я — Горбачеву, она — Генеральному прокурору. И вот ответ. Одинаковый, убийственный в своем цинизме.

20.04.87.
№ 13/15968—55

Ваше заявление, адресованное Генеральному прокурору СССР, рассмотрено.

Установлено, что за участие в контрреволюционной организации и проведение антисоветской деятельности РЮТИН М. Н. осужден обоснованно. Оснований к постановке перед судебными органами вопроса об отмене состоявшихся в отношении РЮТИНА М. Н. судебных решений не имеется.

Прокурор отдела
старший советник юстиции Ю. И. Седов

Вот так-то: «обоснованно... не имеется...»

Выдержать это было трудно. Мама надолго слегла.

Была осень 1987 года. Уж не помню, в каком из номеров «Огонька» — мне его принесли — прочла я нашумевшую статью В. Д. Поликарпова о Федоре Раскольникове. И тут же, на одном дыхании, написала автору статьи.

А уже 19 октября по приглашению В. А. Коротича сидела в редакции журнала в Москве. Еще через день разговаривала по телефону с Александром Николаевичем Яковлевым, в то время членом Политбюро. Разговор был короткий: мое письмо прочитали, «дело» Рютина будут рассматривать.

Ночь в купе «Стрелы» я не спала... Реабилитация вошла в дом спустя полгода, вместе с телеграммой от Аркадия Ваксберга: «Поздравляю восстановлением честного имени Рютина». Я прочитала, но не заплакала, не засмеялась от радости, а положила телеграмму на столик в прихожей и пошла к дивану на ватных ногах.

Сейчас публикаций о неустрашимом Рютине, о человеке, не вставшем на колени, о яростном борце со сталинщиной уже много. Но для меня он открылся в своих письмах, не выпущенных из Верхне-Уральского и Суздальского политизоляторов. Немыслимо скрыто страдающий, меняющий с болью свои убеждения, осмысливающий все, что произошло с ним и со страной,— таким оказался мой дед.

Я читала эти письма в приемной КГБ на Кузнецком мосту в ноябре восемьдесят девятого. Читала без перерыва три дня, с утра до вечера. Том переписки состоял из почти 600 страниц машинописи, выполненных на тюремной машинке с нечищеным шрифтом. Письма перепечатывал тюремный писарь, не только те, что посылал дед, но и присланные бабушкой и их младшим сыном Вирей. Копии этих писем до цензурных вымарываний переправлялись самому «хозяину». Сначала Ягодой, а потом Ежовым.

Перечитывать письма деда можно помногу раз, они не надоедают. Они — естественное продолжение того, что было сделано дедом до ареста. А сделано было, пожалуй, главное. Пусть мало кем услышанный, но нанесен удар по Сталину, сначала в «платформе Рютина» «Сталин и кризис пролетарской диктатуры» (200 страниц), а затем в «Обращении ко всем членам ВКП(б)», которое сейчас известно так же, как «Манифест марксистов-ленинцев».

Что еще можно добавить в письмах, находясь в тюремной одиночке, да еще в стране, «на которую надет намордник»? Как передать близким плоды многочасовых размышлений о путях страны, о смысле собственной жизни?

Вот что пишет Рютин 19 февраля 1935 года, в третий год заключения, в ответ на поздравления с днем рождения:

«Да, сорок пять лет! Говорят, это вершина расцвета и развития всех духовных сил и способностей человека. Но мне хотелось бы еще повыше забраться! Во всяком случае, попытаемся еще карабкаться дальше. Правда, я взобрался достаточно высоко, но эта гора отличается от других тем, что она бесконечна. И чем дальше лезешь, тем больше хочется!

Пусть я в тюрьме за два с половиной года постарел духовно на 20 лет, но я не возражал бы такой «старостью» постареть и на целое столетие. Тюрьма убивает иллюзии, гильотинирует беспощадно «внутреннего софиста» и приучает, наконец, смотреть на жизнь подлинно реалистически, без всяких «догматических шор». Конечно, и в тюрьме встречаются «экземпляры», которые, как старые остановившиеся версальские часы, все время показывают один и тот же час, но это уже неизбежная жертва Молоху исторической традиции.

Тюрьма — лучшая школа реализма!»

Нет, не часто обращает внимание Рютин на то, что окружает его в тюремных стенах. Вот строки из его письма от 26 марта того же года:

«Порой опять и опять обращаюсь к «изучению» своей камеры. Всматриваюсь в «дорожку», протоптанную из одного угла в другой. Как на Аппиевой римской дороге отразилась и запечатлелась вся цивилизация Древнего Рима, так и на «Аппиевой дороге» моей камеры можно прочесть всю историю «цивилизации» Суздальской тюрьмы. Глядишь на эту «Аппиеву дорогу», и перед тобой всплывают, как живые, одна эпоха за другой, битвы, надежды, крушения, страдания, смерть...

Огромная печь в углу высится пирамидой Хеопса. И она — немой свидетель десятков трагедий, страданий и слез! Прочно стоит она на своем основании и смеется неслышным смехом над десятками похороненных в камере иллюзий...»

В первый года заключения после мучительного следствия, которое вел небезызвестный Молчанов, и после суда продолжается прозрение Рютина. Сначала от него шли сдержанные и нежные письма главы семьи, надолго покинувшего свой дом, но оставшегося заботливым хозяином, отцом и мужем. До 1935 года ему разрешали читать, он перечисляет сотни книг, которые ему нужны, на русском, немецком и английском языках, комментирует их. И постоянно звучит в его письмах тревога за судьбу народа. Весной 1933 года по его просьбе сын, возвратившись с юга, сообщает ему:

«На обратном пути у крестьянских девочек бутылка молока стоит 1 рубль. В общем на станциях мало продуктов, продаваемых колхозниками, на многих, кроме буфета, негде купить продуктов. На ст. Поныри колхозницы устроили базар, и хотя их одежда заставляет желать много лучшего, курица у них стоит 15 р., соленый огурец 40 коп. штука, полфунта баранины 4 р., пучок редисок 30 коп., кружка молока 40 коп., меняют с большей охотой на хлеб, чем продают за деньги. Одежда на всех старые пальтишки, слишком скромные платья и бедные платки. Нищие все же проникают на вокзалы и добираются в вагоны, особенно изловчаются дети, ходят и просят: «дяденька, дай копеечку». В вагонах только и разговоров что о кражах, проводник неустанно предупреждает, в каждом купе кто-либо да дежурит. Вот все, что я могу ответить на этот вопрос».

А вот из письма отца сыну (июль 1934 г.):

«Уже после получения твоего письма я узнал, что и на нижнем, и на среднем Поволжье довольно печальные виды на урожай. На станциях встречаются очень много голодных детей, женщин с маленькими детьми, и все просят милостыни — хлеба. Судя по полям из окна железнодорожного вагона, засуха в среднем и нижнем Поволжье сказалась по-видимому значительно. Это весьма неприятно».

В тюрьме он особенно ясно понимает, какую ношу взвалил на себя, разоблачив диктатора и его окружение, какому унижению подверг себя и близких:

«Только теперь я начинаю сознавать, как они (нервы) были напряжены и натянуты. Можно лишь удивляться, как эти до отказа натянутые

Смешанные родословия, не только восходящие, но и нисходящие, употребляются весьма редко и, как я говорил, большею частью с какими-нибудь специальными целями.

II. *Родословное древо* — это та же таблица, но только перевернутая.

Генеалогическое дерево имеет действительно форму дерева со стволом, ветвями, листьями и плодами. В этом случае имя родоначальника помещается на корнях дерева или в начале ствола, а затем каждое последующее имя написано на кружке, который французы называют картуш (cartouches) и которые прибиты к стволу или к веткам или же повешены в виде плодов. Все мужчины, имевшие потомство, написаны в кружках желтого цвета, прибитых к стволу и ветвям, мужчины, не имевшие потомства, привешены в виде плодов красного цвета. Имена женщин замужних на лиловых кружках, девушек на синих.

Все лица рода, находящиеся в живых, помещаются в кружках зеленого цвета, мужчины более темного, женщины более светлого. Указанная окраска кружков не есть правило, это только обычай, принятый в Западной Европе, в России же он совершенно не применяется, как не применяется, разве только в виде исключения, и сама форма родословного древа.

III. *Родословная роспись* является самым употребительным видом родословий, т. к. дает возможность помещать все необходимые сведения при каждом имени.

В подобном родословии при имени с левой стороны ставится № по порядку, а с правой стороны, в конце последней строки, номер отца.

Затем, как уже я говорил, чтобы родословие было научным, оно прежде всего должно быть достоверным, а для этого необходимо, чтобы при каждом сообщаемом сведении был указан источник, из которого оно почерпнуто, что дает возможность всегда его проверить.

Для того чтобы приступить к составлению родословия какой-нибудь семьи, не имеющей никакой литературы, приходится применить форму восходящего родословия, т. е. к отцу и матери, затем деду и бабке со стороны отца и т. д. В этом случае первым документом, который должен быть в руках исследователя и должен лечь в основу будущего родословия,— это метрическое свидетельство о рождении, в котором, кроме факта рождения интересующего нас лица, указываются имена обоих родителей, хотя в более старых метриках XVIII и начала XIX ст. имя матери иногда и отсутствует. Таким образом, из первого же документа мы имеем уже имена трех поколений, т. е. сына, отца и деда, имя последнего мы узнаем пока только из отчества отца, но, во всяком случае, это поможет нам в дальнейших наших изысканиях. Таким же образом следует двигаться и далее, постепенно расширяя родословие и по другим материалам, отчасти официального, а отчасти семейного характера, так послужные списки, духовные завещания, раздельные акты и другие подобные же документы могут дать нам указания на имена братьев, сестер и детей и таким образом уже сильно раздвинуть рамки родословия.

Углубляясь в более отдаленные от нас времена, мы начинаем терять большинство из указанных только что документов, приходится искать чего-нибудь другого — здесь на выручку являются сказки, подававшиеся в Герольдмейстерскую контору, дела о недорослях и т. п., но все это еще официальные документы, имеющие личный характер, т. к. в них исключительно говорится о данном лице, но перенося свои исследования в Московскую Русь, т. е. в XVII ст., мы почти совершенно теряем этот вид документов, приходится уже иметь дело с писцовыми книгами, десятнями, боярскими и другими списками и т. п., становится все более затрудиительным узнавать женские имена, в большинстве случаев может помочь одна лишь счастливая случайность. Здесь для того, чтобы узнать имя чьей-нибудь жены, приходится делать продолжительные экскурсы в неведомые дебри бесчисленных дел обширного вотчинного архива, экскурсии, весьма часто не дающие ровно никаких результатов, иногда даже приходится довольствоваться одним голым именем без отчества и без девичей фамилии и радоваться даже такой скромной находке.

Особенно трудно, когда подходишь к тем временам, когда еще у многих родов не сложилось фамильных прозваний, а это было еще не так давно — XV и даже XVI ст. застают еще некоторые роды без установившихся фамилий, достаточно указать такой знатный и игравший крупную роль род Романовых, избранный в начале XVII ст. на Московский престол, а в течение XVI ст. переменивший несколько фамильных прозваний, т. к. каждое поколение именовалось именем деда.

В подобных случаях большую помощь могут оказать писцовые книги, где указаны земельные владения и где в случае совпадения имен и общности владений интересующих нас лиц можно найти иногда одно или два новых поколения данного рода, но писцовых книг древнее конца XV ст. мы не знаем, почему здесь уже приходится складывать свое оружие, и если нет каких-либо случайно уцелевших документов, то остается довольствоваться иногда тем, что «отцы и деды наши слыхали от отцов своих, что прародитель наш такой-то выехал из какой-нибудь немецкой или тальянской земли и был в чести и т. д.», т. е. приходится погружаться в полнейший мрак легенд и преданий, недурно, впрочем, разрешающих все темные вопросы о происхождении — выехал муж честен, обрадованный его появлением у своего трона, великий князь сей час же женил его на своей дочери или сестре, пожаловал несколько вотчин, дал в кормление город — и родоначальник нового знатного рода готов, а генеалогу остается признать себя побежденным, если же этого ие случится, то могут иногда получиться сюрпризы вроде того, который произошел с Яном Кучюмкомовичем Головкиным, выехавшим из Польши и оказавшимся коренным вотчинником Бежецкого уезда Иваном Анисимовичем и далеко не единственным уже представителем семьи Головкиных, достаточно уже разросшейся в исходе XIV ст., но для того, чтобы доказать вздорность легенды о выезде, необходима счастливая случайность, что бывает крайне редко, а в большинстве же случаев исследователь стоит перед выездом, как перед стеной, которую нельзя ни обойти, ни перелезть.

Указать прямо, что необходимо для составления той или другой родословной, невозможно, т. к. материал слишком обширен. Несомненно, когда наши архивы будут разобраны, научно описаны и к описям будут составлены подробные алфавиты, когда фамильные архивы также будут приведены в известность и порядок и станут доступны исследователям, тогда чутья и счастья потребуется в значительно меньшей дозе и можно будет идти в архив с большею уверенностью найти необходимые сведения. А пока нам остается работать ощупью, надеясь на наше счастье.

БИБЛИОГРАФИЯ ТРУДОВ Л. М. Савелова

Материалы для истории дворян Савеловых. Т.I — М., 1894; Т.2 — Острогожск, 1896.
Библиографический указатель по геральдике и родословию российского дворянства.— Острогожск, 1898.
Донские дворянские роды. Вып. 1, — М., 1902.
Родословные записи. Вып. 1 — 3.— М., 1906— 1909.
Лекции по русской генеалогии.—М., 1908— 1909.
Московское дворянство в 1812 году.— М., 1912.

ЮЛИЯ ЖУКОВСКАЯ

ПРОЗРЕНИЕ

56 лет имя Мартемьяна Рютина, одного из немногих большевиков, осмелившегося выступить против Сталина, было предано анафеме. Еще больше времени томились его письма в секретных архивах Лубянки.

В детстве я часто раскрывала «Краткий курс истории ВКП(б)» на той странице, где было написано:

«К этому времени группа Бухарина — Рыкова получила поддержку верхушки Московской партийной организации (Угланов, Котов, Уханов, Рютин, Ягода, Полонский и другие). При этом часть правых оставалась замаскированной, не выступая открыто против линии партии. На страницах московской партийной печати и на партийных собраниях проповедовалась необходимость уступок кулачеству, нецелесообразность налогового обложения кулачества, обременительность индустриализации для народа, преждевременность строительства тяжелой индустрии».

Сегодня я точно знаю, что в этих трех фразах — все ложь, от начала и до конца. Ложь и абракадабра. Но тогда, в свои 12—14 лет, я с ужасом читала эти строки, тайком ставила «Краткий курс» на этажерку, боясь, что мама заметит и спросит: «Зачем брала?» — и я не буду знать, что ответить.

На все мои вопросы про деда мама обычно отвечала односложно и непонятно, противоречиво: да, враг. Да, честный человек. Да, воевал в гражданскую. Не знаю. Он со Сталиным не поладил.

«Надо же! — думала я.— С самим Сталиным — и не поладил. Стало быть, храбрый был». Но тут же другая мысль: «Храбрый-то храбрый, да видно не прав был, раз Сталин его посадил. Сталин всегда прав. Он гений». И дед становился совсем маленьким, жалким рядом с высоким красавцем Сталиным в ярко начищенных сапогах, раскуривающим трубку.

Дома не принято было говорить о мамином отце, об обоих ее арестованных братьях и даже о моей любимой бабушке, которая сидела в лагере.

И лишь когда на улицах Караганды в 56-м году появились «наркомши» (так называли членов семей репрессированных), отсидевшие свои 10 лет, мама заметалась: ходила по улице, заглядывая нищенкам в глаза, иногда их кормила, хотя мы и сами были на грани нищеты. И вот до тех пор боявшаяся лишний раз привлечь к себе внимание НКВД не выдержала, направила в Москву запрос о бабушке.

Ответ пришел неожиданно быстро: бабушка умерла, а документы о ее смерти можно получить в Красногорском загсе Москвы. Мне было тогда 15 лет. Мы заняли денег, сколько могли занять, продали сколько могли старых полотенец и даже простыню, и я улетела на «Дугласе» в Москву, где получила свидетельство о том, что бабушка жила и умерла... рядом с нами — в Карлаге «от истощения сердечной мышцы». Мешочек, сшитый из носового платка, был приколот к моему лифчику. В него были положены деньги на обратную дорогу, а теперь и эта страшная бумажка. Из загса я поехала в Кратово, где жила на даче теща* уже расстрелянного старшего сына Рютина. Там меня пожелали видеть старые большевики. Мне показались добрыми эти женщины в белых панамках и мужчины в дачных полотняных костюмах. Меня поставили на середину комнаты и разглядывали. Я опустила голову, а они стали меня вдруг утешать, говорили, что дед мой был слишком горяч, мол, я вырасту и все пойму, время было сложное, и еще что-то.

Уж не помню, как вырвалась от них, помню только, как отчаянно рыдала в тамбуре вагона электрички, а мешочек тихо царапал мне грудь. Нет, он ие стал пеплом Клааса. После возвращения,

* Старая большевичка Е. Ф. Владимирская.

струны все выдержали и не лопнули». (2 иоября 1933 г.)

«Я в этот момент особо остро чувствую, что тысячу раз перед всеми вами и особенно перед Дуней виноват в том, что вам приходится из-за меня страдать и постоянно быть под угрозой всякого рода неприятностей. Но что же я теперь сделаю? То, что случилось, то случилось! Надо запастись терпением и выдержкой!» (6 декабря 1932 г.)

Фашизм утверждается в Европе, аналогия между иим и любым другим тоталитарным строем, в том числе сталинским, хорошо видна из Суздальской тюрьмы:

«Фашизм пестр и многообразен. Он играет всеми цветами радуги. Каждая фашистская страна имеет свои характерные особенности, каждая свой особый, специфический переход к фашистскому режиму. (...) Все черты фашизма свидетельствуют, что основными рычагами его господства являются насильственная организация, террор, демагогия и ложь. Но именно поэтому все его основание и является крайне шатким, он может держаться годами. Но он постоянно на пороховой бочке. Ни кладбищенская тишина вокруг него, ни шумные, пышные, крикливые, инсценированные карнавалы и манифестации преданности, ни потоки верноподданнических приветствий не могут скрыть его шаткости, непрочности». (1934 г.)

Прямо сказать, что Гитлер и Сталин — близнецы, Рютин, конечно, не может. Но вот что ои пишет из тюрьмы 28 сентября 1933 года:

«Я поражаюсь тому цинизму, с которым фашистские клики в двадцатом столетии справляют свои средневековые оргии. Если Кант, этот кумир буржуазной науки, говорил: «давайте мне материю, и я из нее построю вам мир», то его современный соотечественник, неограниченный властелин страны философов и всех сортов колбасы Гитлер, перефразируя его слова, заявляет: «укажи мне политического противника — и я обрушу на него все потоки клеветы и немедленно запру его в надежный фашистский застенок».

В начале 1934 года он пишет об ушедшем годе, который приием народу столько страданий:

«Итак, кончился 1933 год. Скатертью дорога! Он уходит как победитель, но с дурной болезнью и с клеймом преступника! Едва ли многие будут жалеть, что этот проходимец убрался, наконец, в вечность...

Узник прибегает к эзопову языку. И цеизура почему-то не вымарывает:

«В 1933 году загадка сфинкса (Сталина.— Ю. Ж.) окончательно разгадана и сфинкс низвержен в бездну. В результате и на сей раз приходится сказать словами изречения: «Мы сеяли драконов, а сбор жатвы дал нам блох». Сократовская «мыслильня» даже в самом совершенном своем выражении снова дала осечку... Ну что ж, ничего не поделаешь! Очевидно, таков диалектический закон исторического развития: сначала создавать иллюзии, а потом, когда они выполнили свою роль,— их разрушать как карточные домики!»

Уже к середине тридцать четвертого Мартемьян Никитич понимает, что и этот год ничего, кроме плохого, не сулит:

«Одна мысль родит другую, догадки и подозрения подтачивают нервы (...) нужно быть бесчувственным чурбаном, чтобы при всем испытанном и испытываемом, пережитом и переживаемом, происшедшем и происходящем быть спокойным и не нервничать, «не преувеличивать». Между тем я нормальный человек, и «ничто человеческое мне не чуждо». Нельзя забывать и того, что мы переживаем необычные времена. СЛУЧАЙ больше, чем когда-либо, висит дамокловым мечом над головой каждого. Никто не сможет быть уверен, что будет с ним завтра. Никто не знает, что случится завтра с его близкими. А старушка История отплясывает такой дикий канкан, что и самому пылкому фантазеру во сне не приснится...» (26 июня 1934 г.)

Рютин хорошо знал С. М. Кирова по совместной работе и оценивал его трезво, как верного сталиниста без особых талаитов и заслуг. Тот факт, что Киров в 1932 году особенно иастойчиво добивался для Рютина замены смертной казии (предложенной Сталиным) на десятилетнее заключение, американский историк-советолог Р. Конквест рассматривает как последний в истории сталинского окружения акт человечности. Мы и сегодня занимаемся бесполезными поисками инициатора убийства Кирова, а Рютин еще в декабре 1934-го указал на многозначительность этого убийства:

«А у вас там опять молнии сверкают?.. Лишь вчера газеты принесли сюда известие, что убит Киров! Пока все остается непонятным и загадочным. Но уже теперь можно сказать, что это крупнейшее и знаменательнейшее событие, полное глубокого смысла, которое каждого должно заставить серьезно задуматься. С нетерпением жду сегодняшних газет. Они должны внести некоторую ясность... Вот она, «игра» исторической «случайности» и «необходимости». Как говорит Дидро племянник Рамо: сегодня на коне, а завтра под конем... Мое странствование по путям и «перепуткам» всемирной истории все еще не кончилось. Тяжелое это путешествие! Весь путь исторического развития усеян трупами, убийствами, заговорами, ложью, клеветой, самыми чудовищными преступлениями...» (4 декабря 1934 г.)

«Эта неделя была, конечно, исключительной. События потрясают. Ум все время тянет разгадыванием загадок, шарад и ребусов действительности. Темно. Противоречиво. Непонятно. Апокалипсис, трагедия и пантомима, чудеса превращений и таинственное молчание — все это, как в калейдоскопе, прыгает перед глазами и превращается в голове в какую-то кашу, что сам черт не разберет. И в то же время только потому, что это совершенно непонятно, оно, наоборот, становится вполне понятным. Диалектика! Тогда бессмыслица становится «смыслом», ребус сам себе обнаруживает ответ, а Апокалипсис оказывается откровением простого факта, что каждый должен знать «кузькину мать»...» (12 декабря 1934 г.)

«...Год насыщен был событиями. Мировые события мелькали, как на кинематографической ленте. Они то копировали Августа, то подражали Тиберию и Калигуле; то позор рабского терпения выдавали за героизм, то героизм клеймили позором, то истину делали ложью, то ложь делали истиной... 34-й год — какой-то рубикон! И в этом его смысл, в этом его значение». (24 декабря 1934 г.)

Да, теперь смертельная угроза нависла над каждым, и для Рютина пришло время подводить итоги.

Что привело моего деда в революцию? — эта мысль часто приходит ко мне. Скорее всего неуемная жажда знаний. В деревне Верхне-Рютино, где он родился (теперь деревню затопило злое Братское море), первыми его учителями стали политические, или, как он их называет, «поселенцы». Позже ои стал лучшим учеником школы, а в 1903 году ушел с обозом зимой по Ангаре в Иркутск учиться. Работал, как взрослый рабочий, на кондитерской фабрике и учился. Вернулся в деревню и стал готовиться к поступлению в учительскую семинарию и опять учился у ссыльного, а став сельским учителем и вернувшись в родные края, где каждый грамотный — редкость, стал под влиянием политических революционером. До того как он попал в Москву, в МК, он успел высоко зарекомендовать себя в Иркутске, Ростове, Дагестане. Именно эта отдаленность от центра помешала ему сразу обрести ту позицию, которую он занял позже в отношении Сталина.

Занимая разные руководящие посты в армии и партии, он оставался открытым, свято верящим в революционные идеи, в Ленина, а затем и в Сталина, в необходимость такого рокового единства партии, к которому призывал до 1927 года. И все время учился. Изучал философию, языки, историю, геологию, высшую математику. В маленькой квартире Рютиных на Грузинском валу поражало обилие книг.

«Знание — это волшебная, сказочная Синяя Птица. Никогда не поймаешь ее! Она неумолимо захватывает, очаровывает и влечет к себе... Кажется, вот-вот поймаешь... Но смотришь, она снова лишь махнет на тебя своими бирюзово-синими крыльями. Чем больше знаешь, тем больше убеждаешься, что ничего не знаешь. (...) Перспективы знания так безграничны, что когда по отношению к ним начинаешь взвешивать свой теоретический и научный багаж, то чувствуешь себя прямо нищим, что не дает удовлетворения, а лишь увеличивает жажду. Поистине, как говорит устами Терессия древнегреческий сатирик Лукиан, «лучшая и самая разумная жизнь — это жизнь невежд». (21 февраля 1934 г.)

Стремлеиие к знаиию сжигало его. И вот какая эволюция: если сиачала рядом с Сенекой, Платоном, Достоевским, Шекспиром был Лении, был Маркс, а порою и Радек, то чем дольше и углублеинее он работает, чем мудрее становится, тем реже обращается к так иазываемым марксистским авторам. Первые два года он просит в камеру и перечитывает многие работы Леиина, позже читает «Материализм и эмпириокритицизм» иа немецком, чтобы не растерять знание языка, а когда в 35-м ссыльный двадцатилетний сын, любимец отца, просит у него совета по самообразованию, Мартемьяи Никитич отвечает ему:

«Что касается Гегеля и Ленина, то я посоветовал бы тебе отложить их в долгий ящик. Новые времена — новые песни. Ленина, насколько необходимо, ты достаточно знаешь, а чтение Гегеля было бы для тебя сейчас непростительной роскошью и непроизводительной тратой сил».

Для Рютина не существует теоретических шаблоиов, и он говорит об этом смело, цитируя Герцена, развивает его мысль: *«В природе, в жизни нет никаких монополий, никаких мер для предупреждения и пресечения новых зоологических видов, новых исторических судеб и государственных форм... Природа ненавидит фрунт, она бросается во все стороны и никогда не идет правильным маршем вперед».* (4 апреля 1934 г.)

Перечитывая письма, я не перестаю удивляться способности деда не только теоретизировать в тюрьме, но и радостио смотреть на то, что не может не радовать глаз: он смеется иад моими иеуклюжими детскими рисунками и вешает их на стену камеры, сочиняет для виуков сказки в стихах и говорит в одном из писем:

«А иногда чувствуешь себя счастливчиком. Поистине, все относительно». (18 июля 1935 г.)

И в том же письме так описывает маленький эпизод из тюремиой жизни:

«Вышли мы один раз на утреннюю прогулку. Смотрим — во дворе около кустика вишни сидит маленький галчонок. Спину ему кто-то вымазал масляной белой краской, крылья тоже. Летать он не может. Мне его стало жалко. Я его после прогулки взял и хотел вырастить. Придя в камеру, прежде всего начал смывать с него теплой водой с мылом масляную краску. Несколько раз подряд я его намыливал и мыл. Немножко отмыл. Остальное хотел отмывать на другой день. Потом начал его кормить. Накормил. Галчонок немного оправился, начал бегать по камере, кричать и... гадить. То и дело приходилось убирать за ним. Но я все же, несмотря ни на что, решил воспитать своего найденыша. К несчастью, администрация увидела его у меня в камере и заявила, что галчонка в камере держать нельзя. Как бы ни было жалко, но на вечерней прогулке его пришлось снова вынести во двор и посадить на куст. Тут его заметили отец с матерью — старые галки, и стали кружить над ним и подсаживаться к нему. На другой день на этом месте мы его уже не нашли. Так и не удалось мне приобрести маленького крылатого товарища по камере».

Он даже о своей тюрьме в Спасо-Ефимьевском монастыре старается узиать как можно больше. Читает книгу Пруганиив «Монастырские тюрьмы в борьбе с сектаитством» и делает далеко идущие выводы:

«За время с 1776 по 1902 годов в суздальском Спасо-Ефимьевском монастыре количество заключенных составляло примерно 400 человек. По масштабам двадцатого столетия такую цифру почти за полтора века надо признать, конечно, ничтожной. Большинство заключенных сидело пожизненно. Недаром монастырский сад усеян могилами бывших колодников и арестантов.

Среди множества могил прежних узников здесь сохранилась могила князя Федора Петровича Шаховского (декабриста). Люди сидели и шли за все что угодно: «за еретичество», «за пропагаторство», «за непризнание властей и религии» (!), «за некоторые взгляды, несогласные с господствующими» и просто ни за что.

Ужасом и мраком, инквизицией и произволом духовных и светских властей описываемой эпохи веет от каждой строчки этой простой, но любопытной книжки.

Заканчивается книжка меланхолическим, бессильным, либеральным пожеланием: «Давно пора исчезнуть из жизни этому пережитку средних веков, этому мрачному отголоску далеких времен». (11 апреля 1934 г.)

Здесь, в этом суздальском монастыре, он провел и последний свой день рождения — 13 февраля 1936 года. Именно в этот день он сказал то, что следовало бы уяснить и многим сегодняшним моим согражданам:

«Итак, завтра мне 46 лет. И каких лет! Последние дни, естественно, особенно часто занимался «предъюбилейными размышлениями», снова и снова пересматривал свой духовный багаж и свои духовные и жизненные «метаморфозы». И в результате я могу сказать словами эврипидовского Агамемнона («Ифигения в Авлиде»), что человек, не знавший горя, не родился еще на свет. Только человек, испытавший суровые дары судьбы, может по-настоящему взглянуть на мир своими собственными глазами, без розовых очков. Правда, порой и это не всегда удается. Иногда человек с розовыми очками срастается, как улитка с раковиной. Смотришь порой на иного Панглосса — нос у него провалился, тело покрыло струпьями, жизнь у него все разметала и разбила вдребезги, а он, как ни в чем не бывало, продолжает поклоняться своим мертвым «богам», не допускает даже и мысли, что они мертвые, очень негодует на тех, кто смеется над его идолами, и по-прежнему, с последовательностью, достойной лучшего применения, придерживается панглоссовского принципа: «Все к лучшему в этом лучшем из миров».

Я, к счастью, не принадлежу к числу этих «рыцарей», для которых фактов не существует. Про себя я могу сказать без преувеличения: вновь родился. Я, что называется, начал с декартовского «Cogito erqosum» — *я мыслю, следовательно, я существую».*

Ему немного оставалось жить. С Лубянки, куда его увезут ночью 27 сентября 1936 года, заткнув рот кляпом, дед уже не напишет домой ничего, только письмо в Президиум ЦИК СССР. Его немедленно передадут Сталину, который ждал покаяния. Я читала это гордое письмо, написанное на рваиой оберточной бумаге. Заканчивается оно словами:

«Я, само собой разумеется, не страшусь смерти, если следственный аппарат НКВД явно незаконно и пристрастно для меня ее приготовит. Я заранее заявляю, что я не буду просить даже о помиловании, ибо я не могу каяться и просить прощения или какого-либо смягчения наказания за то, чего я не делал и в чем я абсолютно неповинен. Но я не могу и не намерен спокойно терпеть творимых надо мной беззаконий и прошу меня защитить от них.

В случае неполучения этой защиты я еще раз вынужден буду пытаться защищать себя тогда теми способами, которые в таких случаях единственно остаются у беззащитного, бесправного, связанного по рукам и ногам, наглухо закупоренного от внешнего мира, невинно преследуемого заключенного». (4 ноября 1936 г.)

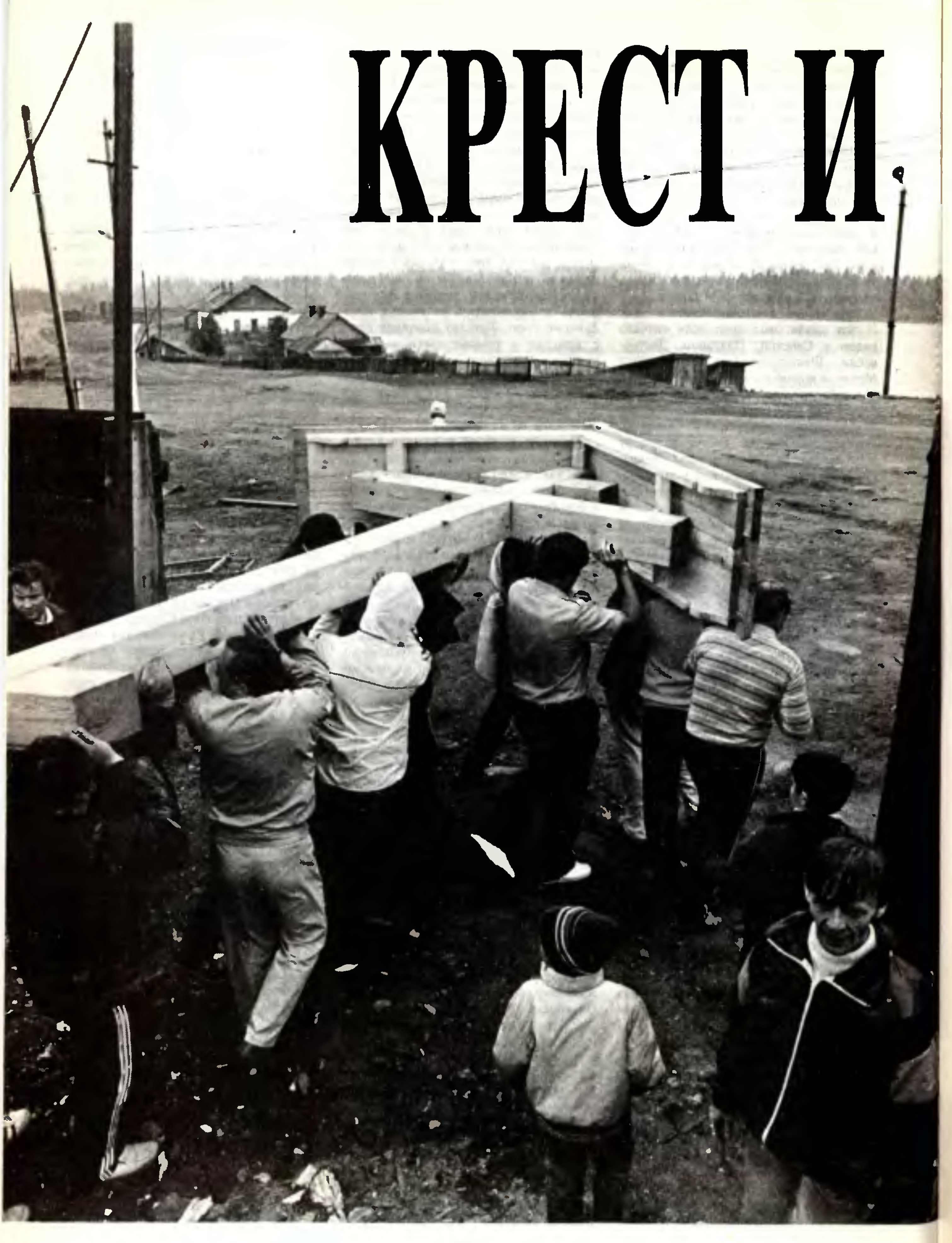
На суде 10 января 1937 года он не сказал палачам ничего. Ульрих прочитал приговор о расстреле. И началось бесчестие, длившееся 56 лет.

Я читаю письма деда. О многом хочется спросить. Но это невозможно.

---

* Эта скобка — для цензуры.— Ю. Ж.

КРЕСТ И ПРОПАСТЬ

Фотографии
Виктора Корнюшина

ИЗДАТЕЛЬСТВО "ПЛАНЕТА" СПЕЦИАЛЬНО ДЛЯ ЖУРНАЛА "РОДИНА"

ВЛАДИМИР КРУПИН,
писатель

Исконный враг рода христианского — сатана более всего боится не столько нашей Веры в Бога (он и сам лучше многих знает о существовании Господа), сколько нашей действенной работы во имя этой Веры. Не нами замечено: когда, утепляя свою жизнь, мы покрываемся одеялом страстей и пороков, тогда бесы пляшут от радости, а когда мы действуем — бесы неистовствуют. И сколько же нужно было страданий, чтобы понять: невозможно без Господа не только построить государство, даже единой жизни осмысленно прожить. Смысл жизни высвечивается только Божественным светом. Во имя чего живет человек? Во имя освобождения от первородного греха, от грехов собственных, во имя хоть крохотного приближения к естеству и подобию Божиему. Но как же те, кто и знать не знает о таковом условии? Ответ один — они живут бессмысленно, и их жалко.

Неугодное небесам строительство Вавилонское, разрушенное в назидание и посрамление гордыни человеческой, научило людей, с точки зрения вечности, ненадолго. Как же была слаба наша натура, что вновь обольстилась мыслью о достижении рая на Земле. Разве мы перестали быть смертными, разве кому-то удавалось захватить в могилу зарплату и привилегии, звания и награды, разве кого-то похоронили не в одном, а в трех костюмах с тремя галстуками? Нет, только того и добились, что миллионы неотпетых душ витают в ближайшем пространстве, наводя на живых ужас новыми обликами прежней нечистой силы.

Когда незачем жить, то незачем любить детей, родителей, землю, траву, птиц. Но есть, есть моменты в жизни каждого, когда гремит гром небесный над головой, когда понимает человек все несовершенство своей природы, понимает, как слаб он, как беспомощен и как стремительно летит жизнь к земному пределу. Оглянется он вокруг и увидит, что почти все так живут. Таинствен и недостижим Господь и небесное его воинство. Но понятны и доступны праведники. Они ходили по этой же земле, что и мы, смотрели на то же небо, видели такие же деревья. И от этой мысли, что внешне праведник походил на любого из нас, идет понимание достижимости спасения. Если земной человек достиг такой святости, такой способности к проникновению времен и пространств, значит, и нам не заказаны их пути. Но как ступить на эти пути? Постом и молитвой, исповедью и причащением? Да, но это доступно и фарисею. Что же еще? А еще — и главное — труды, труды во славу Отечества, той земли, на которой впервые увидел свет Божий. Восстановление попранных национальных святынь, воссоздание храмов и алтарей, возжигание лампад и в нарядном соборе и в тесном жилище.

Ни одной земли не оставил Господь без праведников. И мы верим в то, что, прежде чем послать в какие-либо пределы своих апостолов, Христос сам посетил их. И праведники, просиявшие в Российской земле, шли Господними тропами. Среди них нет иерархии, как нет им и отдыха у престола Господня, заботы о нас одинаково тяжелы и легки им, но кажется, что более всего молитв из Российской земли возносится к Преподобному Сергию Радонежскому. С горних высот слышал он Божественные глаголы, а нам, грешным, дано слышать его неумолкающий, наставляющий зов. Мы оттого идем к Преподобному, что заблудились в своей жизни, оттого припадаем к золотому шитью пелены над его мощами, чтобы вдохнуть неизъяснимой свежести и сладости, сразу заставляющих чаще и чище биться наше сердце.

Как неизъяснимо тревожно и благодатно стоять затем среди других, впитывая растворенный душой древний, вечный распев: «Господи, помилуй» — а самому глядеть и глядеть, как бесконечно притекают к Преподобному мужчины и женщины, старцы и юные, как золотится огоньки на вершинках свечей, как целая роща их, постоянно изгорая, не убывает никогда. Как отражаются огни в окладах икон, как нарядно освещают ворох поминальных листочков, а на них сотни и сотни имен.

Какие светлые лица, какие иные взгляды, какая высота смирения и какая сила в этих людях. Не нам пытать степень их Веры в Господа, не нам знать промыслы Господни, но нам знать, что крест, на нас возложенный, надо нести с радостью и безропотно.

Священник, живущий близ Лавры, рассказал мне притчу о крестонесении. Вот она:

Каждый несет свой крест, и каждому определен крест по силам. А одному человеку показался очень тяжелым свой крест. Он устал от его тяжести. И решил отпилить его. И отпилил. Крест сразу стал легким, человек пошагал легко и быстро обогнал другого человека, который не уменьшал тяжести креста. Налегке человек шел по дороге, шел быстро до тех пор, пока дорога не оборвалась пропастью. Человек положил над пропастью свой крест. Крест еле-еле достал края пропасти. Человек пошел по нему и оборвался. Второй человек подошел к пропасти и перешел ее по своему кресту, как по мосту, крепкому и прочному. Так что не только роптать нельзя на тяжесть креста, напротив, радоваться, что крест становится все тяжелее.

Кажется, уже некуда быть тяжелее российскому кресту, но это еще не предел. Зато грядущие пропасти мы перейдем благодаря ему. И если с нами такие люди, как Преподобный Сергий, киево-печерские и оптинские старцы, соловецкие угодники и мученики, то разве можно чего-то бояться. Споткнувшись, встанем, подпояшемся и вновь примем на себя крест по силам и почувствуем с радостью, что легко бремя Христово, что радостен труд и собственного спасения, и спасения заблудших, и спасения многострадального Отечества. И тем более что все более и более крепит уверенность, что неоткуда миру ждать спасения, кроме как от пределов Российских.

Соловецкий монастырь. Казематы бывшего СЛОНа.

Греция. Церковь Иоанна Русского на острове Эвбея

Рим. Колизей

Благодаря международной культурной миссии «Истоки» сотни советских людей — философы, ученые, врачи, экологи, архитекторы, этнографы — совершили путешествие с русского Севера до христианских святынь в Израиле. Главная идея миссии — возрождение Отечества через возрождение лучшего в самом человеке. По замыслу устроителей, в частности руководителя миссии Валерия Кузьмина, «Истоки» должны были представлять собой некий Ноев ковчег, на котором собраны представители всевозможных направлений философской, религиозной, политической мысли, ортодоксы, центристы, демократы, крайние левые и крайние правые, русофобы и славянофилы... Не все, к сожалению, удалось, как задумывалось. Однако в контексте миссии важен и другой результат: душа, потрясенная красотой и трагизмом человеческой истории.

НАТАЛЬЯ КРАМИНОВА

Италия. Неаполь

Рим. Члены миссии "Истоки" на площади Навона

Панорама Афин с горы Акрополя

Рим. На площади Святого Петра в Ватикане

Иерусалим. Вид на Гефсиманский сад со стороны старого города

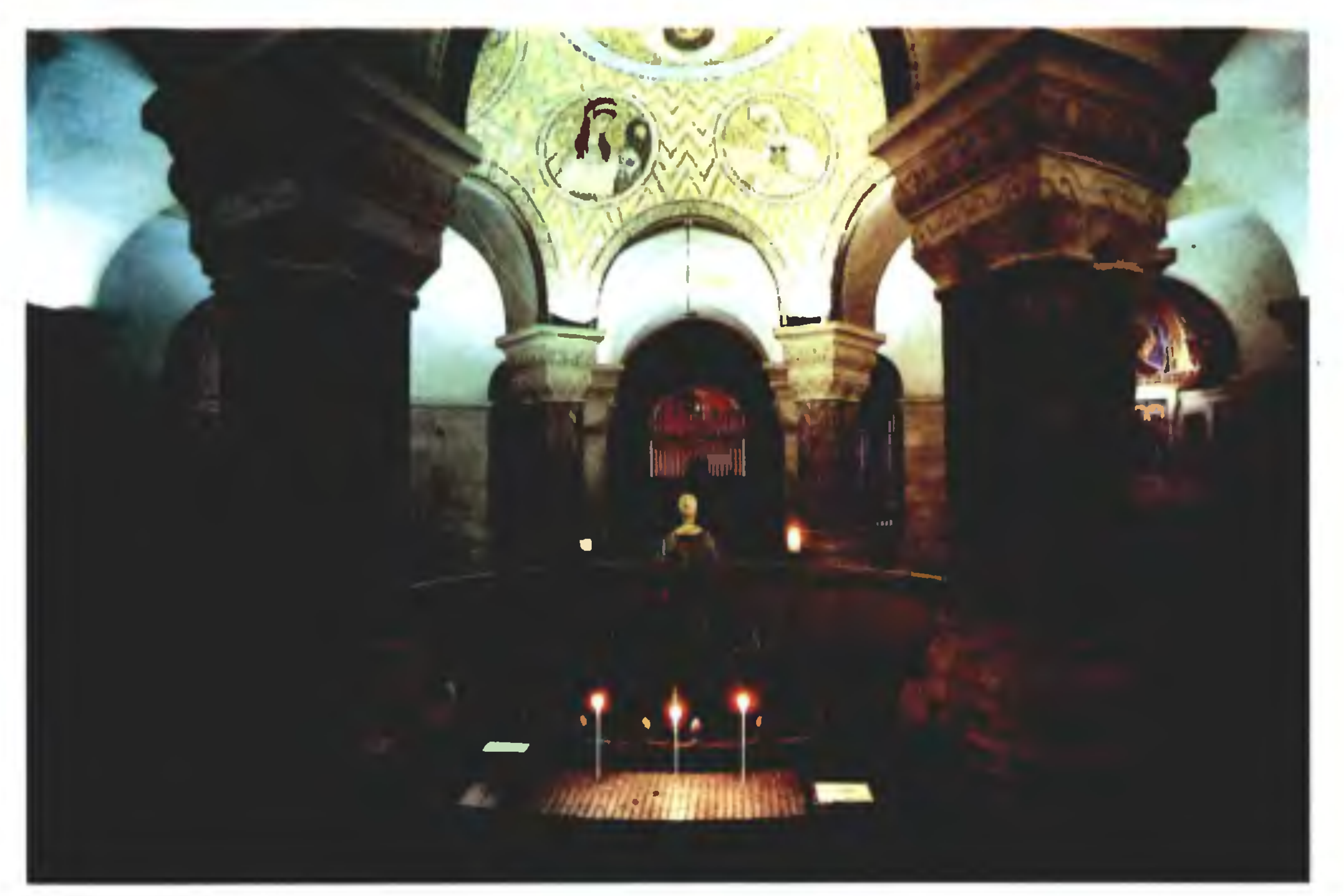

Греция. Архимандрит Тимофей - настоятель монастыря Параклита.

Греция. Салоники. Рака с мощами Святого Дмитрия Солунского

Иерусалим. В церкви Успения Богородицы

Иерусалим. Камень в Гефсиманском саду, на котором молился Иисус Христос.

Иерусалим. Вид на старый город

Назарет. Место, где жила дева Мария

Кувуклия над Гробом Господним

Божественная литургия у Гроба Господня

Иерусалим. Гроб Господень

Крестный ход в неделю ваий. Вид с Елеонской горы

Божественная литургия на Голгофе

Иерусалим. Голгофа - престол на месте распятия Иисуса Христа

В эмиграции Алексей Толстой оказался раньше многих других. Приехав в Одессу в августе 1918-го, он признавался: «Вы не поверите, до чего я счастлив, что удрал, наконец, от этих негодяев, засевших в Кремле...» Через пять лет он вернулся назад. А в 1936-м, быв проездом в Париже, Толстой рассказывал Бунину: «У меня целое поместье в Царском Селе, у меня три автомобиля... У меня такой набор драгоценных трубок, каких у самого английского короля нету...»

Метаморфозы писателя. Человек ищет где лучше. Избрав путь сотрудничества с большевистской властью, Толстой не мог не понимать, что он нанес своей репутации урон не только в русской эмигрантской среде, но и в мировом общественном мнении. Возвращение в Россию — тем более после таких слов, какие говорились им в Одессе,— прямо расценивалось как предательство.

Но не станем солидаризироваться или спорить ни с этими, кто обвинял его в измене, ни с теми, кто утверждал, что писатель осознал свои заблуждения и отдал дар служению передовому классу. Просто прочтем маленький рассказ, написанный А. Н. Толстым в 1920 году, до возвращения на родину.

ЮРИЙ РЯБИНИН

АЛЕКСЕЙ ТОЛСТОЙ

КАК Я БЫЛ БОЛЬШЕВИКОМ

В апреле 1914 года, не вытянув до конца неистовой суеты, какою жила в ту последнюю зиму литературно-аристократическая и интеллигентская Москва, я уехал в Крым, в морской поселок около Феодосии.

В это раннее время дачи были еще заколочены, берег пуст, море туманно и холодно.

В сумерки приходилось уходить в дом, где в пустой белой комнате по стенам шибко бегали длинноногие мухоловки, подвывал сырой ветер и было слышно, как, не переставая, шумело море.

Это уединение, керосиновая лампа, тень от самоварного пара на меловой стене, страшные мухоловки, кусочек брынзы в бумаге, кастрюлечка с макаронами, мною самим сваренными, глухой, тысячелетний, тяжелый шум моря, уединение и покой — все это настраивало на серьезный лад.

Здесь было все, отчего вволю хотелось загрустить о бренности и суете и вволю распустить воображение.

Сидя на кретоновом, пахнущем мышами диванчике, я размышлял о том, как напишу замечательную пьесу, которая всех потрясет мрачной правдой. Я настраивал себя на трагический лад, и мне казалось, что только зловещее, трагическое и кровавое достойно изображения в искусстве. Затем я уходил спать и засыпал счастливый так, как бывало только в детстве.

О, как это было наивно, легкомысленно и слепо! У меня было неопределенное желание трагедии, только потому, что за зиму я досыта насладился легкой жизнью, любовью и весельем. Глядя на бегающие, мохнатые тени от мухоловок на стене, я представлял неопределенно страшные вещи, искаженные лица, свет пожара, клубы дыма, рычание толпы. Разумеется, я грезил о революции. Это было очень грешно и гадко. Но разве многим в то беспечное время не захватывало дух словами — революция, трагедия? Разве при чтении рассказа приятная щекотка не пробегала по спине, когда мы доходили до страницы, где «рыжий, тяжело навалившись и сопя, и т. д.»? Разве Хаос и Ужас не заманивали нас своими размалеванными декорациями?

Бродя по морскому берегу, я обдумывал пьесу пострашнее. Если бы мои мечты могли осуществляться, то, я думаю, от половины земли остались бы дымящиеся развалины. Тогда я проделывал это со спокойной совестью, но теперь мне кажется, что подобные мечтания даром не проходят, а если о подобном мечтают многие, то они и осуществляются. Русское же общество в то время если прямо и не было настроено анархически, то, во всяком случае, анархические мечтания были ему очень по вкусу. Однажды, в ветреный вечер, я вышел к морю. Закат заволокло длинными тучами, свет его скоро погас, и вот из моря начала подниматься темно-багровым шаром полная луна. Свет ее окрасил края туч, скользнул по волнам, и скоро над измятой, взлохмаченной водой повис круглый месяц, как пузырь, налитый кровью. До слуха издалека долетел раскат грома.

Ночью была гроза и ливень. В черном небе открывались белые, раскаленные очертания тучи, стоймя повисшей над морем. Домишко, где я жил, трясся от грома и ветра. Мухоловки попрятались. Как и полагается в таких случаях — я не спал, и в моем воображении возник весь план трагедии.

Пьеса была очень страшная. Когда, впоследствии, я послал ее Владимиру Ивановичу Немировичу-Данченко, он мне ответил:

«Дорогой Алексей Николаевич, пьесу я вашу прочитал несколько раз, в ней много талантливых мест, но в общем она производит впечатление горячечного бреда. Ставить ее нельзя, никто не поймет (вы же знаете, что нашей публике нужно все разжевать и положить в рот). Но и по существу ваша трагедия слишком хаотична и неправдоподобна...»

Я, конечно, обиделся на Немировича-Данченко и пьесу зашвырнул в ящик. А скоро забыл о ней и думать,— началась война.

Но за последнее время мне не раз приходится вспоминать об этой неудавшейся пьесе. В ней отчасти отпечатлена та, разлитая в воздухе, отрава, которая поразила нас страшной болезнью, бросила с пеной у рта на землю.

Содержание пьесы «Кровавая луна» было таково:

У моря живет некий холостой господин и, как в таких случаях полагается, собирается писать книгу о добре и зле. У него есть провидение, что наступают последние дни старого мира. Грех и душевное потемнение ввергнут человечество в войну, которая кончится разрушением цивилизации и всеобщим вымиранием. Люди забудут само понятие о добре и зле.

И вот, этот господин считает, что он должен будет отобрать небольшую кучку еще не растленных грехом людей, переселить их на остров, от греха подальше, и там приготовить из них ячейку новой человеческой расы.

Затем,— с этого-то и начинается пьеса,— господин сомневается — хватит ли у него душевной высоты и силы, чтобы воспитать новую расу. В это время, разумеется, появляется в грозовую ночь на яхте «Кровавая луна» женщина нечеловеческой красоты. Господин влюбляется в нее. Женщина тоже влюбляется. Муж ее — пошляк. Любовники готовы соединиться. И вот тут-то наступает совершенно большевистское мышление: господин приходит к решению, что для испытания своей душевной высоты и силы — во имя великого дела создания нового человечества — нужно ему любимую женщину убить. В третьем акте он ее режет ножом, и дальше наступает хаос, в котором автор пьесы тонет с головой, несмотря на большое желание оправдать своего героя. Кончается это тем, что убийца в припадке безумия и отчаяния бросается в море.

Вспоминая эту пьесу и время, когда она была написана, я начинаю думать, что, во-первых, пьеса — совершенно большевистская по идее и по структуре, во-вторых, что большевизм выращен на патологии и мы сами загодя культивировали его, и в-третьих, что сила большевизма была в нас самих, призывавших бредовые видения и кошмары, чтобы насладиться ими. Я говорю «мы» — потому, что, действительно, не я один бегал по ночам по берегу моря и, пялясь на красную луну, бормотал заклятья и чепуху, призывая то, что потом и пришло.

И вот теперь, когда Россия, разрушенная и залитая кровью, содрогается смертельно, когда мы рассеяны по земле без отечества и крова, когда будущий день смутен и мрачен,— уместно ли вспоминать о какой-то пьеске, да еще прескверной?

Да, уместно признать свою виновность и твердо поверить, что кошмар, неразумно созданный нами, нами же будет и развеян.

ТОЧКА ЗРЕНИЯ

КАК СЛАВНО БЫТЬ БАНКРОТОМ

ЕКАТЕРИНА ПУЧКОВА,
народный депутат

В какой, скажите, стране можно увидеть такую картину: банкрот является на аукцион, где продают его же имущество с молотка, и покупает все обратно? Правильно — это наша страна в период приватизации.

Вот уже несколько лет идет (иль тянется) шумный разговор о том, что как-то не с руки, что ли, быть хозяином «необъятной Родины своей», уж лучше стать владельцем конкретного завода или магазина. Но никак мы не можем вычислить, кто же имеет право этим хозяином быть.

Несколько раз приближались к решению совсем близко. В программе «500 дней» механизм приватизации был разработан. Но поскольку в Верховном Совете СССР профессионалов от экономики раз-два и обчелся, в течение полугода и протоптались на месте, размышляя и дискутируя, не утратим ли социалистические принципы, которые принесли Отечеству такой богатый урожай. А в это же время расторопные люди Системы без колебаний двинулись вперед, выдвинув свой вариант, от которого дух захватывает.

Мне как экономисту по профессии и депутату, который занимается вопросами приватизации, проводить эту линию в жизнь сложно и, честно говоря, неловко. Не оттого затруднительно, что механизм этой непривычной для всех приватизации пока недостаточно разработан. А потому, что утвержденный вариант порочен и крайне недемократичен.

Всем нам хотелось, чтобы народ получил поровну от разгосударствленной собственности. Для этого демократические экономисты предлагали разные формы: облигации, акции, боны. Но почему-то эти предложения как бы прослушали. Какие облигации? Нет бумаги, некому считать и негде печатать. В общем, никаких условий, в том числе и денег, для этого нет.

Но как же тогда справедливость и радение за народ, объявленные «инициаторами» перестройки?

Да никакого радения не было. С первых же дней перемен «народные заступники» уже знали, что не собираются делиться своим номенклатурным добром с каждым из нас. Большинство шагов перестройки один за другим открывали настоящие планы государства. Кто внимательно следил за ними, тот давно все понял. «Благородная» антиалкогольная кампания резко увеличила доход торговой мафии. Механизм кооперативного движения был задуман так, что оно неизбежно пополняло карманы коррумпированных чиновников. «Отмыли» и узаконили легальный капитал «теневиков». Инфляция, которая привела к подорожанию золота, снова умножила богатства Системы и бизнесменов «новой формации».

В том же духе и с теми же устремлениями избран нынешний вариант приватизации. Выкуп. Или продажа с аукциона.

Итак, завод выкупается, и хозяином становится вроде бы его коллектив. Почему «вроде бы»? Да потому, что контрольный пакет акций приобретают 20 человек из числа руководителей, а большинство рабочих имеют их меньше половины. Это значит, что все вопросы будет решать, как и прежде, та же «двадцатка».

Сегодня акционером торопится стать номенклатура всех мастей и окрасок, туда же устремляются общественные организации самого разного толка. У них в руках нужные информация, связи, власть. Потому и выбрана форма акционерных обществ, что дает реальную возможность заменить прежние монопольные структуры новыми.

А что такое наш аукцион? Быть может, он решает проблему справедливее? На аукционе, известно, нужно платить дорого. Так кто же купит госсобственность? Рабочий, крестьянин, учитель, врач? Возможно, он и сделал бы из предприятия настоящее цивилизованное производство, у него, может, есть гениальные идеи. Но нет денег.

Деньги есть у другой категории людей. Вот она-то и купит. Идеи тоже возьмет, по дешевке. Если украсть не сумеет раньше.

Выходит, наша борьба за приватизацию — это битва за процветание всего лишь двух общественных групп: вышедших из подполья «теневиков» и «перестроившейся» номенклатуры, которые, впрочем, и раньше крепко дружили.

Есть еще нюансы в этой ситуации. Возьму примеры из жизни подмосковного города Реутова, где сейчас идет приватизация в торговых рядах. Народ с большим неудовольствием относится к тому, что магазины выкупают его же работники. Людей можно понять. Обвешивали, обсчитывали, обманывали, и теперь эти же люди на свои «трудовые» доходы становятся еще большими господами положения.

Тем не менее выбора у нас нет. Когда городской Совет предложил конкурсное участие в выкупе любому гражданину города — никто не откликнулся. За 70 лет народ изрядно подрастерял инициативу, всякие коммерческие навыки. Значит, надо отдавать магазины тем, кто хоть мало-мальски понимает в торговле, у кого хоть какой-то имеется опыт.

Почему же меня не смущает такой компромисс?

В Польше уже прошли подобные «выкупы», и за несколько лет у приватизированного добра сменилось по нескольку хозяев. Начинается настоящая конкуренция, и вот тут выясняется, кто действительно может быть деловым человеком. В условиях конкуренции не помогает никакой блат.

То, что мы сейчас делаем, радости не доставляет. Я повторяю: путь мы (или нам) выбрали далеко не лучший и отнюдь не праведный. Но нужно искать выход из положения. И этот выход — время, конкуренция, законы рынка.

И еще одно соображение внушает мне невеселый оптимизм по отношению к «теневикам» и номенклатуре, что правят ныне бал. В общем, их уже и сейчас можно пожалеть, а риску посочувствовать. В условиях беззакония, тотального произвола, когда завтра у вас могут отнять деньги только потому, что они не в тех купюрах, а ваш сейф начинает перетрясать (без вашего, естественно, изволения) какой-нибудь ретивый блюститель порядка,— в таких условиях иметь собственность так же опасно, как не иметь ее. Потому как в любой момент может быть объявлен поход «грабь награбленное».

В общем, приватизаторов ждут такие крутые повороты судьбы, что остается только... поздравить их с покупкой.

ВЛАДИМИР КОБРИН,
доктор исторических наук

СМУТА

Принятый в дореволюционной историографии термин «смутное время», относившийся к бурным событиям начала XVII века, был решительно отвергнут в советской науке как «дворянско-буржуазный» и заменен длинным и даже несколько бюрократическим названием: «Крестьянская война и иностранная интервенция в России». Сегодня термин «смутное время» постепенно возвращается: видимо, потому, что он не только соответствует словоупотреблению эпохи, но и достаточно точно отражает историческую действительность.

Среди значений слова «смутное», приводимых В. И. Далем, мы встречаем «восстанье, мятеж.., общее неповиновение, раздор меж народом и властью. Однако в современном языке в прилагательном «смутный» ощущается иное значение — неясный, неотчетливый. И в самом деле, начало XVII века — смутное время: все в движении, все колеблется, размыты контуры людей и событий, с невероятной быстротой меняются цари, нередко в разных частях страны и даже в соседних городах признают в одно и то же время власть разных государей, люди подчас молниеносно меняют политическую ориентацию...

Естественно, такой динамичный период был на редкость богат не только яркими событиями, но и разнообразными альтернативами развития. В дни всенародных потрясений случайности могут сыграть существенную роль в направлении хода истории. Увы, смутное время оказалось временем утраченных возможностей, когда не осуществились те альтернативы, которые сулили более благоприятный для страны ход событий. Обратимся к фактам.

В 1584 году умер Иван Грозный, закончилось продолжавшееся полвека царствование одного из самых отвратительных деспотов в русской истории. В наследство своим преемникам царь Иван оставил разоренную опричниной и безудержной эксплуатацией страну, проигравшую к тому же длившуюся четверть века изнурительную Ливонскую войну. С Иваном IV фактически сходила на нет династия потомков Ивана Калиты. Старший сын царя, похожий на отца и жестокостью, и начитанностью — Иван Иванович, погиб от удара отцовского посоха. Престол переходил в руки второго сына — Федора Ивановича, слабоумного карлика с явными чертами вырождения. Придворное летописание создало благочестивую легенду о не слишком хорошо разбирающемся в земных делах, но зато высоконравственном царе — молитвеннике за Русскую землю. Эту легенду блестяще воплотил А. К. Толстой в своей великолепной драме «Царь Федор Иоаннович».

Но сам поэт прекрасно понимал, что реальный царь Федор был несколько иным. В своей сатирической поэме «История государства Российского от Гостомысла до Тимашева» А. К. Толстой так характеризовал его:

Был разумом не бодор,
Трезвонить лишь горазд,—

что больше соответствовало оценке современников. Ведь шведский король говорил, что «русские на своем языке называют его durak».

Таким образом, беспредельная самодержавная власть над огромной страной оказалась в руках человека, который править был просто не в состоянии. Естественно, при царе Федоре был создан правительственный кружок из нескольких бояр, своего рода регентский совет. Однако скоро реальную власть сконцентрировал один из участников этого совета — боярин Борис Федорович Годунов, царский шурин — брат его жены царицы Ирины.

Положение Годунова упрочилось быстро. Летом 1585 года, всего через год с небольшим после вступления Федора Ивановича на престол, русский дипломат Л. Новосильцев разговорился с главой польской церкви, гнезненским архиепископом Карнковским. Желая ска-

зать своему гостю что-то приятное, архиепископ заметил, что у прежнего государя был мудрый советник Алексей Адашев, «а ныне на Москве Бог дал вам такого ж человека просужаго [1]». Этот комплимент Годунову Новосильцев счел недостаточным: подтвердив, что Адашев был разумен, русский посланник о Годунове заявил, что он «не Алексеева верста»: ведь «то великой человек — боярин и конюший, а се государю нашему шурин, а государыне нашей брат родной, а разумом его Бог исполнил и о земле великий печальник».

Обратим внимание на последнее слово: оно означало покровителя, опекуна. Недаром английские наблюдатели, переводя это выражение на английский, называли Годунова «лордом-протектором». Вспомним, что через 60 с лишним лет этим самым титулом пользовался всесильный диктатор Англии Оливер Кромвель...

Федор Иванович занимал царский престол четырнадцать лет, но из них по меньшей мере 12, а то и 13 фактически правителем страны был Борис Годунов.

В 1598 году, после смерти Федора, Земский собор избрал Бориса царем. Иначе и быть не могло. За годы своего правления Годунову удалось собрать вокруг себя — и в Боярской думе, и среди придворных чинов — «своих людей».

Можно по-разному относиться к личным качествам Бориса Годунова, но даже самые строгие его критики не могут отказать ему в государственном уме, а самые рьяные апологеты не в состоянии отрицать, что Борис Федорович не только не руководствовался в своей политической деятельности моральными нормами, но и нарушал их для собственной выгоды постоянно. И все же он был прежде всего талантливым политическим деятелем, несомненным реформатором. И судьба его трагична, как судьба большинства реформаторов.

Удивительный парадокс: Иван Грозный привел страну даже не к краю пропасти, а просто в пропасть. И все же в народной памяти он остался порой внушающим ужас, отвращение, но ярким и сильным человеком. Борис же Годунов пытался вытащить страну из пропасти. И поскольку ему это не удалось, он оказался устраненным из фольклора, а в массовом сознании сохранился лишь своим лукавством, изворотливостью и неискренностью.

Методы Годунова резко отличались от методов царя Ивана. Борис был беззастенчив и жесток в устранении своих политических противников, но только реальных, а не выдуманных. Он не любил устраивать казни на площадях, торжественно и громогласно проклинать изменников. Его врагов тихо арестовывали, тихо отправляли в ссылку или в монастырскую тюрьму, а там они тихо, но обычно быстро умирали — кто от яда, кто от петли, а кто неизвестно от чего.

Вместе с тем Годунов стремился к сплочению, к консолидации всего господствующего класса. Это была единственно правильная политика в условиях всеобщего разорения страны.

Однако именно на время правления Бориса Годунова приходится и утверждение крепостного права в России. Первый шаг был сделан еще при Иване Грозном, когда временно запретили переход крестьян от одного владельца к другому в Юрьев день. Но в царствование Федора Ивановича были приняты новые крепостнические указы. По гипотезе В. И. Корецкого, около 1592—1593 годов правительство издало указ, запрещавший крестьянский «выход» по всей стране и навсегда. Это предположение разделяют далеко не все исследователи, но, вероятно, в эти годы были все же осуществлены какие-то крепостнические мероприятия: через пять лет появился указ об «урочных летах» — о пятилетнем сроке исковой давности для челобитных о возвращении беглых крестьян. Этот указ не делает разницы между теми, кто ушел в Юрьев и не в Юрьев день, в заповедные и не в заповедные лета, он исходит уже из прикрепления крестьянина к земле. А отсчет исковой давности ведется как раз от 1592 года.

Вопрос о причинах перехода к крепостничеству, о том, насколько серьезна была альтернатива иного варианта развития феодальных отношений — без крепостного права, принадлежит к числу не только еще не решенных, но и явно недостаточно исследованных. Сегодня можно с уверенностью сказать, что господствовавшая некогда в науке «товарно-барщинная» концепция Б. Д. Грекова рухнула под напором фактов. По мысли Грекова, развитие товарно-денежных отношений в России второй половины XVI века было настолько велико, что хлебная торговля превратилась в выгодную статью дохода. Эти обстоятельства толкали феодалов к барщинному хозяйству, которое невозможно без закрепощения крестьян.

Сейчас ясно, что развитие товарно-денежных отношений преувеличено историком, что хлебная торговля была совсем не велика: городское население составляло вряд ли больше 2—3%, а экспорт хлеба еще не начался. Не наблюдается в XVI веке и резкого роста барщины, да и обрабатывали барскую запашку большей частью не крестьяне, а пашенные холопы — «страдники», поэтому развитие барщины не было связано с возникновением крепостничества.

Правительства и Ивана Грозного, и Бориса Годунова шли на прикрепление крестьян к земле, руководствуясь прагматическими, сиюминутными соображениями, стремлением ликвидировать и предотвратить на будущее запустение центральных уездов. Но это были в действительности лишь поводы, а не причины перехода к крепостничеству. Хозяйственный кризис после опричных лет был следствием более общих социальных процессов. В это время, быть может, ярче, чем когда бы то ни было, прослеживается тенденция к усилению эксплуатации крестьянства и отдельными феодалами, и государством. Для того были два рода причин. Во-первых, численность феодалов росла быстрее, чем численность крестьян: в условиях длительной войны правительство постоянно рекрутировало в состав «детей боярских» выходцев из плебейских слоев, раздавая им за службу поместья с крестьянами. Уменьшение средних размеров феодальных владений при сохранении феодалом жизненного уровня прошлых лет приводило к тому, что повинности крестьян неуклонно возрастали.

Во-вторых, многие феодалы не ограничивались сохранением жизненного уровня, а стремились к его росту. Если сосед принимал тебя, угощая с серебряной посуды, то тебе неловко выставить на стол «суды оловяные». Низкорослая, хотя и выносливая доморощенная лошаденка становится непрестижной: ногайский кровный жеребец казался остро необходимым. А если сосед выходил в поход в импортной кольчуге из Ирана или с Кавказа, то своя, родимая, хотя и сделанная недурным мастером и прекрасно защищающая от сабельных ударов, превращалась в признак нищеты.

Однако право крестьянского перехода — пусть с уплатой «пожилого» и только раз в году — ограничивало аппетиты феодалов, служило естественным регулятором уровня эксплуатации: слишком алчный феодал мог, как щедринский дикий помещик, остаться без крестьян. Писцовые книги упоминают «порозжие поместья», из которых разошлись крестьяне, после чего помещики их «пометали» (бросили).

Внутренняя политика Годунова была направлена на стабилизацию положения в стране. При нем идет строительство новых городов, особенно в Поволжье. Именно тогда возникли Самара, Саратов, Царицын, Уфа. Облегчилось положение посадского населения: крупные феодалы больше не имели права держать в своих «белых», не обложенных податями слободах ремесленников и торговцев; все, кто занимался промыслами и торговлей, должны были отныне входить в посадские общины и вместе со всеми платить государственные налоги — «тянуть тягло».

Во внешней политике Борис Годунов стремился к победам не столько на поле брани, сколько за столом переговоров. Несколько раз удалось продлить перемирие с Речью Посполитой. Хорошо развивались отношения с государствами Средней Азии. Укреплялась оборона южных границ. Единственная война, начатая Россией в правление Бориса Годунова, была направлена против Швеции. В результате Ливонской войны ей досталось побережье Финского залива. После трех лет военных действий в 1595 году был подписан Тявзинский мирный договор, вернувший России Ивангород, Ям, Копорье и волость Корелу.

Борис Годунов сделал первую до Петра попытку ликвидировать культурную отсталость России от стран Западной Европы. В страну приезжает много, значительно больше, чем раньше, иностранных специалистов — военных и врачей, разведчиков полезных ископаемых («рудознатцев») и мастеров. Бориса Годунова даже обвиняли (как через сто лет Петра I) в излишнем пристрастии к «немцам» (как называли в России западноевропейцев). Впервые «для науки разных языков и грамотам» было отправлено в Англию, Францию, Германию несколько молодых дворян. В смутное время они не решились вернуться на родину и «задавнели» за границей; один из них в Англии перешел в англиканство, стал священником и даже богословом.

Вероятно, если бы в распоряжении Годунова оказалось еще несколько спокойных лет, Россия более мирно, чем при Петре, и на сто лет раньше пошла бы по пути модернизации. Но этих спокойных лет не было. Улучшение экономического положения только намечалось, а поскольку к выходу из кризиса шли крепостническим путем, то в крестьянстве зрело недовольство. Так, в 1593—1595 годах боролись с монастырскими властями крестьяне Иосифо-Волоколамского монастыря. Кто знает, может быть, глухое недовольство не переросло бы во взрыв, если бы лето 1601 года не было таким дождливым. К уборке урожая никак не удавалось приступить. А затем без перерыва сразу ударили ранние морозы, «поби мраз сильный всяк труд дел человеческих в полех». Следующий год был снова неурожайным, да к тому же недоставало семян, и качество их было низким. Три года в стране бушевал страшный голод.

Разумеется, причиной его была не только погода. Расшатанное тяжелыми налогами и сильной феодальной эксплуатацией крестьянское хозяйство потеряло устойчивость, не имело резервов. Но все же голода можно было бы избежать, если бы погода была хоть немного лучше.

Не только погода и неустойчивость крестьянского хозяйства привели к голоду. У многих бояр и монастырей лежали запасы зерна. По словам современника, их хватило бы всему населению страны на четыре года. Но феодалы прятали запасы, надеясь на дальнейшее повышение цен. А они выросли примерно в сто раз. Люди ели сено и траву, доходило до людоедства.

Отдадим должное Борису Годунову: он боролся с голодом как мог. Бедным раздавали деньги, организовали для них платные строительные работы. Но полученные деньги мгновенно обесценивались: ведь хлеба на рынке от этого не прибавлялось. Тогда Борис распорядился раздавать бесплатно хлеб из государственных хранилищ. Он надеялся подать тем добрый пример феодалам, но житницы бояр, монастырей и даже патриарха оставались закрытыми. А тем временем к бесплатному хлебу со всех сторон в Москву и в крупные города устремились голодающие. Хлеба не хватало на всех, тем более что им спекулировали раздатчики. Рассказывали, что некоторые богачи не стеснялись переодеваться в лохмотья и получать бесплатный хлеб, чтобы продать его втридорога. Люди, мечтавшие о спасении, умирали от голода прямо на улицах. Только в Москве было похоронено 127 тысяч человек, а хоронить удавалось не всех. Современник говорит, что в те годы самыми сытыми были собаки и воронье: они поедали непохороненные трупы. Пока крестьяне в городах умирали в напрасном ожидании еды, их поля оставались необработанными и незасеянными. Так закладывались основы для продолжения голода.

В чем причины провала всех попыток Бориса Годунова преодолеть голод, несмотря на искреннее стремление помочь людям? Прежде всего в том, что царь боролся с симптомами, а не лечил болезнь. Причины голода коренились в крепостничестве, но даже мысль о восстановлении права крестьян на переход не приходила в голову царя. Единственной мерой, на которую он решился, было разрешение в 1601—1602 годах временного ограниченного перехода некоторых категорий крестьян. Эти указы не принесли облегчения народу.

Голод погубил Бориса. Волнения охватывали все большие территории. Царь катастрофически терял авторитет. Те возможности, которые открывало перед страной правление этого талантливого государственного деятеля, оказались упущены. Победа самозванца была обеспечена, по словам Пушкина, «мнением народным».

О Лжедмитрии I накопилось и в литературе, и в массовом сознании много ложных стереотипов. В нем видят обычно агента, марионетку польского короля и панов, стремившихся при его помощи захватить Россию. Совершенно естественно, что именно такую трактовку личности Лжедмитрия усиленно внедряло правительство Василия Шуйского, севшего на престол после свержения и убийства «царя Дмитрия». Но сегодняшний историк может более беспристрастно отнестись к деятельности молодого человека, год просидевшего на русском престоле.

Судя по воспоминаниям современников, Лжедмитрий I был умен и сообразителен. Его приближенные поражались, как легко и быстро он решил запутанные вопросы. Похоже, он верил в свое царское происхождение. Современники единодушно отмечают поразительную, напоминающую петровскую смелость, с какой молодой царь нарушал сложившийся при дворе этикет. Он не вышагивал степенно по комнатам, поддерживаемый под руки приближенными боярами, а стремительно переходил из одной в другую, так что даже его личные телохранители порой не знали, где его найти. Толпы он не боялся, не раз в сопровождении одного-двух человек скакал по московским улицам. Он даже не спал после обеда. Царю прилично было быть спокойным и неторопливым, истовым и важным, этот действовал с темпераментом своего названого отца, но без его жестокости. Все это подозрительно для расчетливого самозванца. Знай Лжедмитрий, что он не царский сын, он уж наверняка сумел бы заранее освоить этикет московского двора, чтобы все сразу могли сказать о нем: «Да, это настоящий царь». К тому же «царь Дмитрий» помиловал самого опасного свидетеля — князя Василия Шуйского, который руководил в Угличе расследованием дела о гибели подлинного царевича и своими глазами видел его мертвое тело. Шуйского, уличенного в заговоре, Собор приговорил к смерти, «царь Дмитрий» помиловал.

Не готовили ли несчастного молодого человека с детства к роли претендента на престол, не воспитали ли его в убеждении, что он законный наследник московской короны? Недаром, когда первые вести о появле-

[1] Умный, разумный.

нии самозванца в Польше дошли до Москвы, Борис Годунов, как говорят, сразу сказал боярам, что это их рук дело.

Важнейшими соперниками Годунова на пути к власти были бояре Романовы-Юрьевы. Старший из них Никита Романович, брат матери царя Федора — царицы Анастасии, считался союзником Годунова. Именно ему, Никите Романову, завещал покровительствовать своим детям — «Никитичам». Этот «завещательный союз дружбы» продолжался недолго, а вскоре после вступления Бориса на престол пятеро братьев Никитичей были арестованы по лживому обвинению в попытке отравить царя и сосланы вместе со своими родственниками. Старший из братьев, охотник и щеголь Федор Никитич, был пострижен в монахи под именем Филарета и отправлен на Север, в Антониево-Сийский монастырь. Еще в 1602 году любимый слуга Филарета сообщал приставу, что его господин со всем смирился и мыслит лишь о спасении души и своей бедствующей семье. Летом 1604 года в Польше появился Лжедмитрий, а уже в феврале 1605 года резко меняются донесения пристава при «старце Филарете». Перед нами уже не смиренный монах, а политический борец, заслышавший звуки боевой трубы. По словам пристава, старец Филарет живет «не по монастырскому чину, всегда смеется, неведомо чему, и говорит про мирское житье, про птицы ловчие и про собаки, как он в мире жил». Другим же монахам Филарет гордо заявил, что «увидят они, каков он впредь будет». И в самом деле увидели. Меньше чем через полгода после того, как пристав отправил свой донос, Филарет из ссыльного монаха превратился в митрополита Ростовского: в этот сан его возвели по приказанию «царя Дмитрия». Все дело в связях самозванца с романовской семьей. Как только Лжедмитрий появился в Польше, правительство Годунова заявило, что он самозванец Юшка (а в монашестве — Григорий) Богданов сын Отрепьев, дьякон-расстрига Чудова монастыря, состоявший при патриархе Иове «для письма». Вероятно, так и было: правительство было заинтересовано в том, чтобы назвать подлинное имя самозванца, а выяснить правду тогда было легче, чем сейчас, через без малого четыре века. Отрепьев же до пострижения был холопом Романовых и постригся в монахи, видимо, после их ссылки. Не они ли подготовили юношу к роли самозванца? Во всяком случае, само появление Лжедмитрия никак не связано с иноземными интригами. Прав был В. О. Ключевский, когда писал о Лжедмитрии, что «он был только испечен в польской печке, а заквашен в Москве».

Польше не только не принадлежала инициатива авантюры Лжедмитрия, но, напротив, король Сигизмунд III Ваза долго колебался, стоит ли поддерживать претендента. Он лишь разрешил польским шляхтичам, если пожелают, вступать в войско Лжедмитрия. Их набралось чуть больше полутора тысяч. К ним присоединились несколько сотен русских дворян-эмигрантов да еще донские и запорожские казаки, видевшие в походе хорошую возможность для военной добычи. Претендент на престол располагал, таким образом, всего лишь горсткой, «жменей» воинов — около четырех тысяч. С ними он и перешел через Днепр.

Лжедмитрия уже ждали, но возле Смоленска: оттуда открывался более прямой и короткий путь на Москву. Он же предпочел путь подлиннее: через Днепр перебрался возле Чернигова. Зато войскам Лжедмитрия предстояло идти через Северскую землю, где накопилось много горючего материала: недовольные своим положением мелкие служилые люди, подвергающиеся особо сильной эксплуатации в небольших поместьях крестьяне, остатки разгромленных войсками Годунова казаков, поднявших под руководством атамана Хлопка восстание, наконец, множество беглых, собравшихся здесь в голодные годы. Именно эти недовольные массы, а не польская помощь, помогли Лжедмитрию дойти до Москвы и воцариться там.

В Москве Лжедмитрий тоже не превратился в польского ставленника. Он не торопился выполнять свои обещания. Православие оставалось государственной религией; более того, царь не разрешил строить в России католические церкви. Ни Смоленск, ни Северскую землю он не отдал королю и предлагал только заплатить за них выкуп. Он даже вступил в конфликт с Речью Посполитой. Дело в том, что в Варшаве не признавали за русскими государями царского титула и именовали их только великими князьями. А Лжедмитрий стал называть себя даже цесарем, то есть императором. Во время торжественной аудиенции Лжедмитрий долго отказывался даже взять из рук польского посла грамоту, адресованную великому князю. В Польше были явно недовольны Лжедмитрием, позволявшим себе самостоятельность.

Раздумывая над возможной перспективой утверждения Лжедмитрия на престоле, нет смысла учитывать его самозванство: монархическая легитимность не может быть критерием для определения сути политической линии. Думается, личность Лжедмитрия была хорошим шансом для страны: смелый и решительный, образованный в духе русской средневековой культуры и вместе с тем прикоснувшийся к кругу западноевропейскому, не поддающийся попыткам подчинить Россию Речи Посполитой. И вместе с тем этой возможности тоже не дано было осуществиться. Беда Лжедмитрия в том, что он был авантюристом. В это понятие у нас обычно вкладывается только отрицательный смысл. А может, и зря? Ведь авантюрист — человек, который ставит перед собой цели, превышающие те средства, которыми он располагает для их достижения. Без доли авантюризма нельзя достичь успеха в политике. Просто того авантюриста, который добился успеха, мы обычно называем выдающимся политиком.

Средства же, которыми располагал Лжедмитрий, были в самом деле неадекватны его целям. Надежды, возлагавшиеся на него разными силами, противоречили одна другой. Мы уже видели, что он не оправдал тех надежд, которые возлагали на него в Речи Посполитой. Чтобы заручиться поддержкой дворянства, царь щедро раздавал земли и деньги. Но и то, и другое не бесконечно. Деньги Лжедмитрий занимал у монастырей. Вместе с просочившейся информацией о католичестве царя займы тревожили духовенство и вызывали его ропот. Крестьяне надеялись, что добрый царь Дмитрий восстановит право перехода в Юрьев день, отнятое у них Годуновым. Но, не вступив в конфликт с дворянством, Лжедмитрий не мог этого сделать. Поэтому крепостное право было подтверждено и лишь дано разрешение крестьянам, ушедшим от своих господ в голодные годы, оставаться на новых местах. Эта мизерная уступка не удовлетворила крестьян, но вместе с тем вызвала недовольство у части дворян. Короче: ни один социальный слой внутри страны, ни одна сила за ее рубежами не имели оснований поддерживать царя. Потому-то так легко и был свергнут он с престола.

На импровизированном земском соборе (из случайно находившихся в Москве людей) царем был избран («выкликнут», как говорили презрительно тогда) князь Василий Иванович Шуйский. Трудно найти добрые слова для этого человека. Бесчестный интриган, всегда готовый солгать и даже подкрепить ложь клятвой на кресте,— таков был «лукавый царедворец» (Пушкин), вступивший в 1606 году на престол. Но независимо от личных качеств царя Василия его царствование тоже могло стать началом хороших перемен в политическом

строе Русского государства. Дело в тех обязательствах, которые он вынужден был дать при вступлении на престол.

Шуйский впервые в истории России присягнул подданным: дал «запись», соблюдение которой закрепил целованием креста. Эту «крестоцеловальную запись» иногда трактуют как ограничение царской власти в пользу бояр и на этом основании видят в Шуйском «боярского царя». В самом ограничении самодержавия, хотя бы и в пользу бояр, нет ничего дурного: ведь именно с вольностей английских баронов начинался английский парламентаризм. Вряд ли необузданный деспотизм лучше, чем правление царя совместно с аристократией. Но в «крестоцеловальной записи» вовсе не было реального ограничения власти царя. Вчитаемся в нее.

Прежде всего Шуйский обещал «всякого человека, не осудя истинным судом с бояры своими, смерти не предати». Таким образом создавались законодательные гарантии против бессудных опал и казней времени опричнины. Далее новый царь клялся не отнимать имущества у наследников и родственников осужденных, если «они в той вине невинны», такие же гарантии давались купцам и всем «черным людям». В заключение царь Василий обязывался не слушать ложных доносов («доводов») и решать дела только после тщательного расследования («сыскивати всякими сыски накрепко и ставити с очей на очи»).

Историческое значение «крестоцеловальной записи» Шуйского не только в ограничении произвола самодержавия, даже не столько в том, что впервые был провозглашен принцип наказания только по суду (что, несомненно, тоже важно), а в том, что это был первый договор царя со своими подданными. Вспомним, что для Ивана Грозного все его подданные были лишь рабами, которых он волен жаловать и казнить. Даже мысли, что не его «холопы» ему, а он им будет присягать, «целовать крест», не могло возникнуть у Ивана IV. Ключевский был прав, когда писал, что «Василий Шуйский превращался из государя холопов в правомерного царя подданных, правящего по законам». Запись Шуйского была первым робким и неуверенным, но шагом к правовому государству. Разумеется, к феодальному.

Правда, Шуйский на практике редко считался со своей записью: судя по всему, он просто не знал, что такое святость присяги. Но уже само по себе торжественное провозглашение совершенно нового принципа отправления власти не могло пройти бесследно: недаром основные положения «крестоцеловальной записи» повторились в двух договорах, заключенных русскими боярами с Сигизмундом III, о призвании на русский престол королевича Владислава.

Существенно еще одно обстоятельство. До 1598 года Россия не знала выборных монархов. Иван IV, противопоставляя себя избранному королю Речи Посполитой Стефану Баторию, подчеркивал, что он — царь «по Божию изволению, а не по многомятежному человечества хотению». Теперь же один за другим на престоле появляются цари, призванные тем самым «многомятежным человечества хотением»: Борис Годунов, избранный земским собором, Лжедмитрий, не избранный, но овладевший троном только по воле людей, Шуйский... А за ним уже маячат фигуры новых избранных государей — королевича Владислава, Михаила Романова. А ведь выборы монархов — это тоже своего рода договор между подданными и государем, а значит, шаг к правовому государству. Именно поэтому неудача Василия Шуйского, не сумевшего справиться с противоборствующими силами и с начавшейся интервенцией Речи Посполитой, его свержение с престола знаменовали собой, несмотря на всю антипатичность личности царя Василия, еще одну упущенную возможность.

Ко времени царствования Василия Шуйского относится восстание Ивана Болотникова. Неудачу этого движения, охватившего весьма широкие массы, трудно отнести к тем альтернативам, которые, осуществившись, могли бы принести хорошие плоды. И личность предводителя восстания, и характер самого движения в нашей популярной и учебной литературе значительно деформировались. Начнем с самого Ивана Исаевича Болотникова. О нем пишут, что он был холопом князя Телятевского. Это правда, но у неискушенного читателя создается впечатление, что Иван Исаевич пахал землю или прислуживал своему хозяину. Однако среди холопов были совершенно разные социальные группы. Одну из них составляли так называемые послужильцы, или военные холопы. Это были профессиональные воины, выходившие на службу вместе со своим хозяином. В мирное время они зачастую исполняли административные функции в вотчинах и поместьях своих владельцев. Рекрутировались они в значительной степени из обедневших дворян. Тот факт, что нам известен в XVI—XVII веках дворянский род Болотниковых, заставляет предполагать в Болотникове разорившегося дворянина.

Мы плохо знаем программу Болотникова, до нас дошло только изложение ее в документах, исходящих из правительственного лагеря. Излагая призывы восставших, патриарх Гермоген писал, что они «велят боярским холопам побивати своих бояр». Как будто звучит вполне антифеодально. Но прочитаем текст дальше: «... и жены их и вотчины и поместья им сулят» и обещают своим сторонникам «давати боярство и воеводство и окольничество и дьячество». Таким образом, мы не находим здесь призыва к изменению феодального строя, а только намерение истребить нынешних бояр и самим занять их место. Вряд ли случайность, что «в воровских полках» казакам (так именовались все участники восстания) раздавали поместья. Некоторые из этих помещиков-болотниковцев продолжали владеть землями и в первой половине XVII века.

Вряд ли случайно отношение к Болотникову фольклора. Сколько песен и легенд сложено о Степане Разине! На Урале записаны предания о Пугачеве. Но о Болотникове фольклор молчит, хотя, если верить современной исторической науке, именно его должен был бы воспевать народ.

Разумеется, и под знаменами Болотникова, и под стягами других «воровских атаманов», и, наконец, в лагере «тушинского вора», объявившего себя чудом спасшимся «царем Дмитрием», было немало обездоленных, не принимавших жестокого феодального строя, чей протест выливался порой в не менее жестокие, а то и разбойные формы. И все же, думается, ненависть к угнетателям была только одной из нескольких составляющих широкого движения в начале XVII века.

«Тушинский вор», Лжедмитрий II, унаследовавший от своего прототипа авантюризм, но не таланты, жалкая пародия на предшественника, нередко и впрямь игрушка в руках представителей короля Речи Посполитой, не олицетворял собой, как и Болотников, никакой серьезной альтернативы тому пути развития, по которому пошла Россия. Но еще одной упущенной возможностью было, на мой взгляд, несостоявшееся царствование сына Сигизмунда III — королевича Владислава.

В феврале 1610 года, разочаровавшись в «тушинском царике», группа бояр из его лагеря отправилась к Сигизмунду III, осаждавшему Смоленск, и пригласила на трон Владислава. Было заключено соответствующее соглашение. А через полгода, в августе, после свержения Василия Шуйского, уже московские бояре пригласили Владислава. И тушинцев, и московских бояр традиционно клеймят как изменников, готовых отдать

Россию иноземцам. Однако внимательное чтение соглашений 1610 года не дает оснований для таких обвинений.

В самом деле, в обоих документах предусмотрены разнообразные гарантии против поглощения России Речью Посполитой, и запрет назначать выходцев из Польши и Литвы на административные должности в России, и отказ в разрешении воздвигать католические храмы, и сохранение всех порядков, существующих в государстве, в том числе крепостного права: «на Руси промеж себя христианам выходу не быти», «людем руским промеж себе выходу не кажет король его милость допущати». В заключенном тушинцами в феврале договоре мы встречаем и отзвук годуновских времен: «А для науки вольно кождому з народу московского людем ездити в иншые господарства хрестиянские».

Впрочем, в обоих соглашениях остался несогласованным один существенный пункт — о вероисповедании будущего царя Владислава. И тушинцы, и московские бояре настаивали на том, чтобы он перешел в православие; воинствующий католик, потерявший из-за приверженности к римской вере шведский престол Сигизмунд III не соглашался. Признание Владислава царем до решения этого вопроса — тяжелая по последствиям ошибка московских бояр. Дело здесь не в сравнительных достоинствах и недостатках обеих конфессий, а в элементарном политическом расчете. По законам Речи Посполитой король должен был обязательно быть католиком. Православный Владислав лишался таким образом прав на польский престол. Тем самым устранялась бы опасность сначала личной, а потом и государственной унии России и Речи Посполитой, чреватой в дальнейшем утратой национальной независимости. Признание же власти «царя и великого князя Владислава Жигимонтовича всея Руси» открыло путь в Москву польскому гарнизону.

Можно предположить, что воцарение православного Владислава на Руси принесло бы хорошие результаты. Дело не в его личных качествах: став впоследствии польским королем, он ничем особенно выдающимся себя не проявил. Существенно другое: те элементы договорных отношений между монархом и страной, которые были намечены в «крестоцеловальной записи» Василия Шуйского, получали свое дальнейшее развитие. Само воцарение Владислава было обусловлено многочисленными статьями соглашения. Сам же Владислав превратился бы в русского царя польского происхождения, как его отец Сигизмунд, был польским королем шведского происхождения.

Однако и эта возможность оказалась упущенной, хотя и не по вине России. После свержения Шуйского и убийства собственными сторонниками Лжедмитрия II началась реальная интервенция. Швеция, войска которой были приглашены Шуйским против Речи Посполитой, воспользовалась удобным случаем, чтобы захватить Новгород и значительную часть Севера. Польский гарнизон разместился в Москве, и наместник Владислава (королевичу было всего 15 лет, и любящий отец, естественно, не отпускал его без себя в далекую и опасную Москву, где совсем недавно один царь был убит, а другой сведен с престола) Александр Гонсевский самовластно распоряжался в стране. Под Смоленском, осажденным войсками Сигизмунда, русское посольство во главе с митрополитом Филаретом вело переговоры об условиях вступления Владислава на трон. Поскольку вопрос о вере будущего царя решить не удалось, переговоры провалились, а русская делегация оказалась на положении пленных.

Тем временем в Москве Гонсевский от имени царя Владислава раздавал земли сторонникам интервентов, конфискуя их у тех, кто не признавал чужеземную власть. Странное впечатление производит приказная документация этих месяцев. Кажется, что понятия о верности и измене внезапно поменялись местами. Вот некто Григорий Орлов, который называет себя «верноподданным» не только царя Владислава, но и Сигизмунда, просит «великих государей» пожаловать его «изменничьим княж Дмитреевым поместейцем Пожарского». На обороте челобитной Гонсевский крайне вежливо и столь же твердо, обращаясь к дьяку И. Т. Грамотину, пишет: «Милостивый пане Иван Тарасович!.. Прикгожо... дать грамоту асударскую жаловальную».

Правда, все или почти все эти раздачи существовали лишь на бумаге: польские войска в Москве окружены сначала первым (во главе с Ляпуновым, Трубецким и Заруцким), а потом и вторым (во главе с Мининым и Пожарским) ополчениями. Центральной же власти как бы и нет. Разные города самостоятельно решают, кого им признавать за правителей. По стране бродят и осаждают города и монастыри отряды польских шляхтичей, занимающиеся не столько военными действиями, сколько простым грабежом. От них не отстают и свои собственные, родные казаки. Такая ситуация не может продолжаться слишком долго: в стране все крепнет стремление к порядку. Пусть не очень удобному, не очень хорошему, но порядку. Чем бы мы ни считали народные волнения этого времени — крестьянской войной или гражданской, ясно, что в событиях принимали участие большие массы людей. Но ни одно такое массовое движение не бывает очень продолжительным. Крестьянин (а в любом случае именно крестьяне составляли основную массу участников) не может превращаться на всю жизнь в вольного казака, его руки приспособлены к сохе, плугу и косе, а не к сабле и кистеню. Конь для него рабочий скот, а не живой элемент боевого снаряжения. Гражданская война постепенно увядала.

Возникшие на фоне этой общей усталости силы порядка оказались, как часто бывает, довольно консервативными. Нельзя не восхищаться мужеством, самоотверженностью и честностью Минина и Пожарского. Но правы были дореволюционные историки, подчеркивавшие консервативное направление их деятельности. Общественному настроению отвечало воспроизведение тех порядков, которые существовали до смуты. Недаром второе ополчение, возобновив чеканку монеты, выбивало на ней имя давно умершего царя Федора — последнего из царей, чья легитимность была вне подозрений для всех.

Изгнание из Москвы интервентов дало возможность созвать земский собор для избрания нового царя. Но это был последний избирательный собор: Михаил Федорович становился царем как «сродич» Федора Ивановича и наследник «прежних великих благородных и благоверных и Богом венчанных российских государей царей».

Итак, в конце концов царем стал шестнадцатилетний сын митрополита Филарета Никитича Михаил Федорович. Один из бояр писал в Польшу князю Голицыну об этом выборе: «Миша Романов молод, разумом еще не дошел и нам будет поваден». Думается, мотивы избрания несколько глубже. Молодость должна была пройти, а за спиной «недошедшего» разумом Миши, который и в зрелые годы не отличался особенно глубоким умом, стоял его властный отец — Филарет Никитич. Правда, он пока находился в польском плену, но его возвращение было делом времени.

Неглупый человек, с сильной волей, но без особого блеска и таланта, Филарет Никитич оказался удобным для всех. В этом ему помогла, в частности, изворотливая ловкость. Его поддерживали те, кто выдвинулся в годы опричнины: ведь Романовы — родня первой

жены царя Ивана, кое-кто из их родственников был опричником, а отец Филарета — Никита Романович — постоянно занимал высокое положение при дворе грозного царя. Но и пострадавшие от опричнины могли считать Филарета своим: среди его родни тоже были казненные в годы репрессий, а у Никиты Романовича была стойкая популярность заступника, того, кто умел умерить гнев царя. Должно быть, это был миф: ведь пережить все изливы опричных и послеопричных лет можно было тому, кто сидел тихо и ни за кого не заступался. Но миф порой для действий людей важнее реалий. Поддерживали Филарета и сторонники Лжедмитрия, ведь его холопом был Гришка Отрепьев, а первым делом Лжедмитрия стало возвращение Филарета из ссылки. Не могли быть против и сторонники Василия Шуйского: при этом царе все тот же митрополит Филарет Никитич участвовал в торжественной церемонии перенесения мощей невинно убиенного царевича Дмитрия, действе, которое должно засвидетельствовать, что убитый в Москве «царь Дмитрий» на самом деле «росстрига», самозванец, принявший на себя имя святого и благоверного царевича. Но и для главных противников Шуйского — тушинских казаков — Филарет был своим человеком. В 1608 году войска тушинцев взяли Ростов, где Филарет был митрополитом. С тех пор он и оказался в тушинском лагере то ли как пленник, то ли как почетный гость. Филарета в Тушине называли даже патриархом. Недаром голос, поданный за Михаила Федоровича казачьим атаманом, был последним решающим голосом в пользу нового царя. Правда, согласие самого юного Михаила было получено не сразу. Особенно противилась мать будущего царя — инокиня Марфа. Ее можно понять: не было в те годы более опасного занятия, чем исполнение обязанностей царя. Только когда будущему царю и его матери пригрозили, что они будут виновны в «конечном разореньи» страны, они наконец согласились.

Итак, Романовы устроили всех. Таково свойство посредственности. Быть может, для консолидации страны, восстановления общественного согласия страна и нуждалась не в ярких личностях, а в людях, способных спокойно и настойчиво вести консервативную политику. Здоровый консерватизм правительства первых Романовых дал возможность постепенно восстановить экономику, государственную власть и с некоторыми потерями (Смоленск, побережье Финского залива и так далее) государственную территорию. Должно быть, после стольких упущенных возможностей консервативная реакция была неизбежна. И все же еще одна возможность снова оказалась несбывшейся. Избирая Михаила на престол, собор не сопроводил свой акт уже никаким договором. Власть приобретала самодержавно-легитимный характер.

Впрочем, сохранились неясные сведения о какой-то записи, которую Михаил Федорович дал при вступлении на престол. Не было ли это повторением записи Шуйского? По другим сведениям, это было обязательство править лишь при помощи земских соборов. И действительно, до 1653 года земские соборы собирались регулярно и были действительно представительными, хоть немного, но ограничивали самодержавную власть.

Издержки успокоения были велики. Наступила стабильная, но чисто традиционная жизнь. Для многих из тех, кого взбаламутил вихрь бурных событий, динамизм перемен, частое общение с иностранцами, теперь сделалось душно. Их разочарование выливалось порой в уродливые формы. Так, служивший при Лжедмитрии I князь Иван Андреевич Хворостинин пил без просыпу, не соблюдал постов, держал у себя «латынские» (католические) иконы и жаловался, что «в Москве людей нет: все люд глупой, жить не с кем. Сеют Землю рожью, а живут все ложью». Князя дважды ссылали в монастыри, последнее пребывание в северном Кирилло-Белозерском монастыре несколько охладило его пыл, и он написал вполне ортодоксальную историю Смутного времени. Сколько таких разочарованных, спившихся талантов, вынужденных конформистов натужно тянуло служебную лямку и печально вспоминало бурную молодость! Только их внуки стали гвардейскими офицерами и кораблестроителями, прокурорами и губернаторами... Почти на целый век оказалась отложенной модернизация страны. Упрочилось крепостное право, окончательно зафиксированное в Уложении 1649 года. Только страшные и жестокие бунты — городские восстания, разинские походы — напоминали о той высокой цене, которую платит народ за успокоение.

Но если модернизация страны все же началась в конце века, то элементы правового государства, ростки которых зарождались в Смутное время, были забыты надолго.

Эта статья для «Родины» — последняя...

Шестнадцатилетний Владимир Кобрин написал когда-то свою «духовную»: нахожусь, дескать, «во памяти доброй», оставляю мать, книги исторические, а похоронить — в Донском монастыре. Прочитав это сейчас, уже после его похорон, содрогнулись: мать жива, книги написаны, и похоронен в Донском, как «завещал».

У него было любимое дело, которому он отдавался с наслаждением: ребенком читал послания Андрея Курбского и Ивана Грозного, сочинения Соловьева и Ключевского. По окончании Московского университета ему, наверное, самому молодому выпускнику, цыганка нагадала: «Будешь иметь авторитет». Так и случилось. С трудами по русской истории пришла к нему научная известность. О значении и месте историка в науке еще напишут. Но Владимир Борисович Кобрин имел авторитет и человеческий, который дается не каждому.

Высокая порядочность не позволяла ему в самые тяжелые годы отказываться от друзей-диссидентов. Без страха держал он в своей квартире литературу, переданную на хранение высланным из страны правозащитником, за которую штамповались приговоры по пресловутой семидесятой... Кобрин не стал диссидентом. Он был прежде всего беспартийный ученый и педагог. Словом своим спасал молодые, не окрепшие еще души студентов от растления и цинизма. В брежневско-андроповские времена на лекциях по русской истории он свободно и естественно рассказывал о тиранстве Грозного и Сталина. В личных беседах, не таясь, говорил с учениками об участи борцов за свободу в нашей стране, о благородстве Сахарова. Приучал беззаветно любить Истину. В очень мягком человеке жила почти религиозная нетерпимость монаха ордена Чести и Достоинства, сражавшегося один на один с бездуховностью, шовинизмом, расизмом за свободного человека. Он не верил в Бога, но всю свою жизнь свято делал добрые дела.

Он любил смех, шутку, радовался жизни так, как радуются ей только дети. Умирая, просил вспоминать о нем с улыбкой, как о веселом человеке и оптимисте. Будем же достойны его памяти.

Публикуемый очерк — это взгляд в будущее через анализ Смуты, призрак которой возрождается на наших глазах. Это последняя его работа, что символично.

Публикация и послесловие
АНДРЕЯ ЮРГАНОВА

БОРИС МИРОНОВ

СВЕЖИЙ КАВАЛЕР

Второй секретарь Новомихайловского райкома партии Михаил Ильич Захряпин имеет привычку накануне приезда в хозяйство непременно известить об этом коротко и своеобразно. Не поздоровавшись, буркнет в телефонную трубку: «Завтра буду. Так что смотри там, жди». И не попрощается, слова не добавит, положит трубку.

Следом звонит заведующий отделом райкома, и уже по тому, кто звонит, какого отдела начальник, легко догадаться, зачем едет Захряпин, какие вопросы его интересуют. Впрочем, не надо и гадать. Заведующий отделом подробно, под запись, по всем пунктам перечислит, о чем именно будет спрашивать Михаил Ильич, какие документы к прибытию Михаила Ильича приготовить, с кем из работников совхоза Михаил Ильич встретится, даже как назвать в объявлении встречу Михаила Ильича с работниками хозяйства райком укажет. А пока идет долгий телефонный инструктаж, из района уже мчится инструктор райкома партии, чтобы отныне и до отъезда Захряпина из хозяйства тенью ходить за секретарем парткома, проверяя выполнение и готовность по каждому пункту. Не забудет в холодильник заглянуть, где стоит приготовленный для президиума графин с водой: Захряпин любит чистую, ключевую воду, стылую, чтоб зубы ломило, минеральную и фруктовую Михаил Ильич не признает, называет баловством. И красную скатерть на столе президиума инструктор проверит, чтоб проглажена была без единой морщинки, чтоб до пола доходила и ножек в ряд составленных столов залу не выказывала,— Захряпин этого не любит. И стулья инструктор не раз пересчитает, сверит их с заготовленным списком президиума, разметив, кто куда сядет, кто по левую, кто по правую руку от Захряпина, кто ближе, кто подалее.

Накануне собрания инструктор непременно проведет репетицию, съедется президиум, рассядутся по размеченным стульям, болезненно-ревниво поглядывая на тех, кто продвинулся ближе к председательствующему. На захряпинское, глагольное место сядет сам инструктор, проверит, удобен ли стул, хорош ли с него обзор, и непременно, не сходя с чужого стула, тут же распорядится что-нибудь да заменить, графин ли поменять, переставить ли горшки с цветами, что выставлены на сцене перед столом президиума, или потребует повторить вынос красного пионерского знамени, если такое запланировано, а запланировано такое обычно всегда — приветствие пионерами участников высокого совхозного собрания. И, случается, без того зарепетированные ребятишки под злой, свистящий шепот перепуганной старшей пионервожатой раз по пять входят в пустой зал, чтобы перед безмолвно сидящим президиумом еще и еще раз громким радостным криком отблагодарить родную партию за счастливое детство. Такие приветствия Захряпин любит.

Захряпин моложе многих партийных работников в районе, и они хорошо помнят, как начиналось триумфальное восшествие мало тогда кому известного механизатора Миши Захряпина к высотам районной власти.

Не славился Миша ни трудовыми подвигами, ни общественной деятельностью, зато был плакатно красив: высок, ладно скроен, мускулист. С легкой руки земляка-старшины, сделавшись в армии каптенармусом, ефрейтор Захряпин полтора года не ленился перекачивать хорошую пищу в мышцы, для чего в каптерке между стеллажами с нижним бельем армейские умельцы за пару банок тушенки, а больше стремясь выслужить доброе расположение каптенармуса, соорудили перекладину из сверкающей никелированной трубы. Здесь же держал Захряпин пару двухпудовых гирь, штангу, большое зеркало, что перед своим увольнением в запас удружил старшина музвзвода, вынув оное прямо из репетиционного зала гарнизонного Дома офицеров и заменив его двухметровым портретом Ильича с бессмертной и безвременной фразой «Верной дорогой идете, товарищи!». Теперь обделенные самосозерцанием юные балерины отрабатывали стойку номер два перед портретом, впрочем, нисколько не возмущаясь, потому что как ни юны были, а понимали всю нелепость требования устранить портрет вождя; если б даже они и подумали на такое решиться, ни за что не захотела, просто не смогла бы пойти на это их наставница, жена замполита роты, чувствовавшая себя семейно ответственной за политическую зрелость личного состава. Не важно, что ее воспитанницы к личному составу не относились, политическая работа не знает ни исключений, ни перерыва на обед — это она впитала от мужа вместе с ненавистью к легкой музыке, разрушающей нравственность армии.

Кто мог предвидеть тогда, что зеркало это, обокрав будущее балета, сыграет немалую роль в становлении партийного лидера Новомихайловского района. В перерывах между накачиванием мышц, запахнувшись в ярко-красный махровый халат, выменянный Захряпиным на два белоснежных тулупа у командира спортроты капитана Анисимова, попивая ароматный чай, специально для Захряпина завариваемый на травах в большом китайском термосе поварами из офицерской столовой, за что ефрейтор снабжал их к каждому банному дню исключительно новым, неодеванным байковым бельем, задел которого создал он на многие годы вперед самым простым, бесхитростным способом: предназначенное для новобранцев, оно оставалось нетронутым на полках, а молодым доставалось то, что давно уже было списано по акту на тряпки для уборки помещений,— ефрейтор Захряпин перед большим зеркалом, еще хранящим память о длинных и хрупких ножках балерин, внимательно изучал способности своего лица на случай, скажем, принятия торжественного парада в родной части или вручения ему ордена или какой другой медали, если б, скажем, представился случай проявить мужество и отвагу, и он на освещенной сцене клуба четко, во весь голос, чеканит «Служу Советскому Союзу!»; и бывало, что вскочит Захряпин, халат распахнется на нем, выказывая бугристость мышц, он руку к виску, но тут же и одернет самокритично себя: «А, черт! Глаза-то чего выпучил и пузо вперед, подай назад, живот в себя, ягодицы поджать, и глаза жестче, да не так, так только ребятишек пугать, чуть веселее, веселее чуть, и губы чуть разжать, да не надо скалиться, не лошадь в цирке, вот так в самый раз: «Служу Советскому Союзу!». А ну еще разочек: «Служу Советскому Союзу!», и еще раз: «Служу Советскому Союзу!», и еще... Бывало, так в раж войдет, что старшина в стену стучит: «Чего парад развел!» И ведь получаться у Захряпина стало, и глаза смотрят весело, бодро, но не нахально, и губы в меру сжаты, и мужественны, и незлы.

— Есть что-то в тебе генеральское, Захряпин,— первым обратил внимание старшина.— Иной раз так посмотришь, что вскочить охота и «Здравия желаю!» прокричать. Вроде как неловко уже сидеть, пока ты на стол накрываешь.

Шутки шутками, а вскоре на Захряпина обратил внимание и бывший замполит роты старший лейтенант Игнатенко, ныне уже помощник начальника политотдела части по комсомольской работе, чья жена по-прежнему репетировала маленьких лебедей перед портретом Ильича. Отметил плакатную стать Захряпина старший лейтенант Игнатенко в суматошные дни подготовки к приезду командующего округом, когда отвечал за помывку плаца горячей водой. Он и предложил начальнику политотдела поставить ефрейтора Захряпина в день прибытия генерала армии часовым у знамени части. Были еще кандидаты, но стоило встать у знамени Захряпину, и начальник политотдела обрадованно хлопнул Игнатенко по плечу:

— Молодец! Какого орла выискал!

Поспешили доложить командиру части, тот тоже остался доволен, заметив, однако, что одного комсомольского значка на такой широкой груди явно маловато, и Захряпина разом наградили всеми знаками солдатской доблести: и «Отличника Советской Армии» дали, и классного специалиста присвоили, и даже первый спортивный разряд по легкой атлетике присовокупили. Сам начальник политотдела и вручал, правда, не в клубе, не при народе, а у себя в кабинете, один только Игнатенко присутствовал. Вот уже где сполна сказались захряпинские репетиции перед украденным зеркалом в каптерке между стопами нательного белья: так «Служу Советскому Союзу!» рыкнул, что отшатнувшийся в испуге от него комиссар тут же, то ли от души, то ли от пережитого страха, еще раз гордого собой Игнатенко по плечу приложил, да больно:

— Молодец! В кадрах разбираешься!

Прибывший в часть генерал армии тоже внимание на Захряпина обратил:

— Ишь ты, орлы какие!

— Стараемся, товарищ генерал армии! — криком ответствовал командир части.— Растим, товарищ генерал армии!

Командующий свое высокое звание недавно и нежданно для себя получил, когда местные армейские журналисты выискали, что сорок семь лет назад нынешний Генеральный секретарь ЦК КПСС, очень дороживший своей армейской юностью, именно в их округе проходил полуторамесячный курс молодого бойца. Они красочно расписали об этом в обширной статье на весь газетный разворот «Бесценное наследство» под рубрикой «Делать жизнь с кого», и газету эту первый секретарь обкома на Пленуме ЦК КПСС преподнес Генеральному секретарю, прослезил его, из Москвы вернулся с орденом Октябрьской Революции. Округ получил ранг первой категории и орден Ленина, командующий — звание генерала армии. Новое звание генералу нравилось, и полковник вставлял его через каждое слово.

— Коммунист? — спросил генерал армии у застывшего бронзовой скульптурой Захряпина, второй раз в жизни после принятия присяги сжимавшего цевье автомата.

Захряпин было уже воздуха в легкие набрал, чтобы звонко ответствовать:

— Никак нет, товарищ генерал армии!

Чем бы и себя опозорил, и часть оконфузил, так как часовому на посту разговаривать не положено, о чем в спешке вручения знаков солдатской доблести, специального пошива мундира Захряпину сказать не успели, а сам он об «Уставе гарнизонной и караульной служб» имел смутное представление, да начальник политотдела, не желая упустить свой шанс обратиться к командующему по новому званию, опередил монументального ефрейтора:

— Готовим ко вступлению, товарищ генерал армии!

— Вот это правильно, это хорошо, партии такие молодцы нужны.

— Так точно, товарищ генерал армии! — хором пропели полковники.

Через месяц стал Захряпин кандидатом в члены КПСС. Рекомендации ему написали командир части и начальник политотдела. Старший лейтенант Игнатенко на партийном собрании сказал, что в таких, как Захряпин, видит он будущую опору и надежду партии. Как в воду глядел, несмотря на свою молодость.

Держать кавалера всех солдатских отличий, кандидата в члены КПСС при нижнем белье посчитали неудобным, скоком присвоили Захряпину звание старшего сержанта и перевели в политотдел, в инструкторы к Игнатенко. Без особой радости покинул Захряпин свое уютное и теплое местечко, перетащив зеркало, гири и штангу в отведенную ему маленькую комнату при политотделе.

Служба его заканчивалась, только и успел Захряпин на районной комсомольской конференции зачитать обращение армейской молодежи да несколько раз выступить перед молодыми солдатами с лекцией «Служба в рядах Советской Армии есть не только священная обязанность каждого советского человека, но и ответственнейшее комсомольское поручение». И простиралась перед Захряпиным заманчивая перспектива военной политической карьеры, какую описывал ему новоиспеченный капитан Игнатенко. Можно было пойти в военное училище, поступление куда ему гарантировали характеристики-рекомендации, или остаться прапорщиком, чтобы экстерном окончить военное училище, и уже склонялся было Захряпин, не очень любивший учиться, на прапорщицкое поприще, как неначавшаяся военная карьера лопнула в самом прямом и переносном смысле.

Преемник Захряпина на сытном боевом каптенармусском посту, из молодых да ранних, малый пробивной и наглый, оказался трусоват, а может, приснилось ему что на мягком, уютном ложе бывшего каптенармуса Захряпина, только когда в заполночном часу рванула вдруг трехлитровая банка огурцов из бездонных продовольственных и прочих захряпинских запасов и кусок стекла влип в задницу нового хозяина каптерки, тот от боли и внезапного пробуждения свалился с расположенного высоко на полатях лежбища, ушибся, перепугался, выскочил в коридор с истошным воплем: «Караул! Тревога!» И молодой дневальный, возможно что и вздремнувший на часах от избыточного усвоения начальных уставных истин, тут же перевел его заполошный выкрик на уставной язык, подняв подразделение по тревоге. Когда вся казарма, озарившись ярким электрическим светом, сыпанула при полных охапках

военной амуниции на плац, дежурный по связи, отлучившийся в это мгновение с поста буквально на минутку к своей тумбочке за сигаретами, увидев в окно строящуюся роту, решил, что прозевал команду, и врубил по связи сигнал общей тревоги. Затренькали тревожно электрические звонки во всех подразделениях части, помчались вестовые по квартирам командиров, снимавших углы у местных жителей, а те, что жили в офицерских домах, были сорваны с постелей прозвучавшим по радио звуковым кодом популярной песни «Во поле березка стояла».

Через полчаса часть целиком стояла на плацу, еще два часа при полном построении ушло на дознание, кто первым крикнул «Тревога!». Ситуация осложнялась тем, что уже с неделю в части работала окружная инспекционная комиссия, которая заканчивала работу, и непременно должна была согласно плану устроить общую тревогу, отчасти этим еще наэлектризованным ожиданием объяснялась вспыхнувшая порохом команда тревоги.

Через два часа все выяснилось. Место происшествия осмотрели и, к великому изумлению членов комиссии, рядом со злополучной банкой обнаружили запасы таких деликатесов и в таком количестве, каких даже уважаемые старшие офицеры, далекие от проблем снабжения, представить себе не могли.

До утра опечатали каптерку, выставили часового. Утром исследование заштатного армейского помещения с интересом продолжили и на белый свет извлекли уже не только обильные гастрономические деликатесы, но и армейское обмундирование строгого учета, как-то: полушубки овчинные белые и черные, спрессованные в аккуратные брикеты, жестко перетянутые крест-накрест новенькими брючными солдатскими ремешками; сапоги яловые и хромовые; куртки утепленные... И, если все это как-то можно было еще, изловчившись и искрутившись, попытаться объяснить, то как было оправдать тут же имевшиеся в наличии боевые патроны в количестве 1200 штук, короче, целехонькую нераспечатанную цинковую коробку, которую запасливый Захряпин приволок на всякий случай с учений, была возможность утянуть, он и утянул ее у огневиков.

Запахло скандалом. О случившемся немедленно доложили командующему округом, однако новоиспеченный генерал армии решил, что подобные чэпэ не могут украсить округ, имевший честь держать полтора месяца в солдатах будущего генерального секретаря партии, и делу хода не дал. Захряпина с первой же партией уволенных в запас турнули из части. Одно его утешало, что раньше многих сослуживцев оказался дома, где, крепко подпив и чувствуя на себе восхищенные девичьи взгляды, решил, что судьба его мудрее, и чего бы он там в прапорщиках перед всякими майоришками на копытцах ходил, а выпив еще, уже твердо решил, что не он перед кем-то, а непременно перед ним будут всякие майоры тянуться, о чем не преминул нашептать оказавшейся рядышком с ним милой девушке; та не менее искренне восторженно шептала ему, что он и так вишь какой генерал, что стоит ему рот открыть, не смотри, что застолье пьяное, а враз все утихают, его слушают, и вовсе не потому, что он именинник, у Генки вон тоже собирались, а никто никого слушать не хотел. «Ты же,— прижималась она к полному кавалеру солдатских регалий,— как бровью поведешь, как заговоришь, ну ни с каким артистом не сравнить».

Однако директор совхоза оценил в Захряпине иные качества, нежели стать и баритон, а именно — молодость и здоровье, и так как время приближалось жаркое, уборочная, определил его сначала в механические мастерские, где Миша Захряпин с удовольствием ухватился за кувалду и на маменькиных харчах быстро стал входить в каптенармусскую форму, подрастерянную на политической работе. Заскучал он во время уборочной, определенный тем же директором совхоза в помощники комбайнера, когда день смешался с ночью и не то чтобы за гирю взяться или перед зеркалом во фрунт, а умыться и то не каждый день удавалось толком, да все имеет конец, прошла и уборочная, и по ее итогам собралось совхозное собрание, на которое прибыли представители райкома партии, райисполкома, райкома комсомола, и хотя Захряпина никто не просил, он не стерпел, попросил слова, и от имени молодых механизаторов, воинов запаса, заверил районный комитет партии, что слова «комбайн», «жатва», «урожай» звучат для них привычным воинским приказом «По машинам! Вперед!» и что как на ратном поле не краснели за них отцы-командиры, так и на хлебной ниве не будут краснеть за них отцы — секретари райкома. Стоит ли удивляться, что через две недели помощник комбайнера Михаил Захряпин от имени молодых хлеборобов уже на районном партактиве докладывал о вкладе комсомольцев и молодежи района в хлебные закрома Родины, а еще через месяц в районном комитете комсомола, в организационном отделе, появился новый инструктор молодой коммунист Михаил Захряпин, в том же году ставший студентом-заочником местного педагогического института.

Вы никогда не задумывались, читатель, почему у нас среди партийных работников так много людей с педагогическим образованием? Если вы думаете, что тех, кто подбирает партийные кадры, завораживает слово «учитель», производное от трепетного глагола «учить», то вряд ли вы близки к истине. Объяснение куда проще: дело в том, что каждая область у нас имеет свой пединститут, это карманный вуз, где будущие партийные вожди еще в комсомольской юности заблаговременно и умно обзаводятся дипломами, потому что диплом и партийный билет — непременные атрибуты любой комсомольско-партийной карьеры.

Вот так и Захряпин, не утруждая себя докукой сиживания за книгами, ночными бдениями за письменным столом, не обременяя преподавателей пединститута своими посещениями, законно получил диплом. «Подумаешь, Ленин экстерном за два года университет закончил, тоже гений, да если нашу учебу со всеми экзаменами и зачетами вместе с подготовкой к ним сосчитать, мы не то что за два года, в лучшем случае за полгода заканчиваем институт»,— поднимая бокал с постукивающим на дне его голубым ромбиком института, говорил за праздничным столом Захряпин.

На комсомольской ниве бывшему механизатору Михаилу Захряпину трудилось славно, он преуспевал в президиумах и на митингах, был боек и популярен, его уже хорошо знали в области, так что перевод в обком комсомола не заставил себя ждать, и вернулся оттуда Захряпин в район первым секретарем райкома комсомола. К тому времени он уже начал матереть, жирок заметно рассосал его мышцы, но по-прежнему смотрелся Захряпин крепким и ладным парнем, по-прежнему мастерски владел своим лицом, а может статься, что это уже и было его лицо. К тому времени он уже начал пошумливать барином из президиума и с трибуны: «Вы тут дурью не майтесь, как говорено вам, так и делайте», «Хватит умничать — народ вас не поймет»,— а когда перешел заведующим орготделом в райком партии, быстро перенял партийную привычку всем «тыкать». Полюбилось ему и прилипло к небогатому его языку обращение «паря», а к собранию — «робята». Многим в районе это от души нравилось, мол, «из нашенских» человек, смотри, при такой должности как запросто держится, и когда всходил уже отяжелевшей походкой Захряпин на трибуну и говорил: «Ну так что, робята, славно поработали, можно, как говорится, и пошабашить»,— зал неизменно отвечал ему веселым оживлением и костерками разгорающихся аплодисментов.

Все это в Захряпине нравилось приезжавшим в район различным представителям области, а когда случались, хотя и редко, но случались, гости из самой Москвы, им тоже это нравилось. К тому же Михаил Ильич то ли вспомнил солдатскую молодость, когда, будучи каптенармусом, одновременно прислуживал денщиком у старшины роты, умел и стол накрыть, и вовремя подать, и отнести, то ли наскучило ему митинговать да президиумовать, только, потеснив водителей персональных машин в их извечном попутном ремесле организовывать на выезде стол, взялся за это Захряпин лично и, надо заметить, быстро преуспел, слава о его шашлыках скоро дошла до области. Но особенно отличали Михаила Ильича в банном деле. Настоящим чудодеем сделался, и где только какие книжки с описаниями трав, лечебного зелья заполучить можно было, Михаил Ильич выписывал, заказывал, доставал, не стоял за ценой, и травянники в его домашней многотомной библиотеке стали исключением — не хоронились в плотных красных рядах, читались, да не по одному разу, даже в командировки ездили с хозяином, чего прежде не заслуживала ни одна книга. Умел Михаил Ильич дух в баньке завести наособицу от всех бань, густой, травный дух, да не просто летним разнотравьем в стылую зиму у него в баньке пахло, это у всякого мальски самоуважающего банщика за естество почитается, а вот хмельной луговой настой творил Михаил Ильич, что только час-другой в лесном урочище и держится, когда по росе свалят косцы разнотравье, оно чуть к полудню привянет, вздохнешь вольно, голова кругом. Да еще травяной взвар Михаил Ильич приготовит, разведет кипяточком, все сам, никому не доверит, и на каменный булыжник, один к одному, как гусиные яйца подобранный, чуть плеснет, не шлепнет водой о каменку, как другие, а только чуть потрусит с медного ковшичка на длинном древке, и пар мягко, жаркой шубой обволакивает, ни в одном заповедном сосняке так не дышится, а у Михаила Ильича уже и веники в руках наготове, покряхтывает: «Веник в бане всем начальник, банный веник и царя старше». Про веники его много чего сказывали, что они у него с можжевельником и что он смородиновую ветку в веник вплетает с травкой какой-то для особого духа. Можжевельник-то он точно из Карелии заказывал, а про траву молчал, лишь посмеивался, секрета не раскрывал.

Хорошо правила захряпинская банька. Замечали областные начальники, что, побывав в Новомихайловском районе, чувствуют себя молодецки, а потому не считали во вред лишний раз здесь объявиться. Во всем районе пошла мода на баньки, понятно, не без подсказки, а где и подталкиваний Захряпина, и вскоре каждое хозяйство банькой обзавелось. Как говорил Михаил Ильич, где тормознешь, там и парься. Конечно же, и до того народ в районе от вшей не бедствовал, помыться было где, почитай, на задворках каждого огорода по субботам банька курится, но то какая банька, разве что попариться да помыться, а строились такие, чтоб было где еще и посидеть, помлеть, как выражался Захряпин, каминчик затопить, перекусить. Дошло до того, что и первый секретарь обкома партии любил теперь заглянуть в Новомихайловский, завезти сюда несговорчивого московского гостя, и уж действительно такой банный дар проявился у Захряпина, что любой гость после его парки размякал и легче входил в понимание областных нужд.

Ждали, и не без оснований, что предстоит скоро Михаилу Ильичу обживать квартиру в областном центре, по этой причине и нынешнюю свою не ремонтировал, сказав жене: «Новый хозяин сделает, как ему нравится»,— подтвердив тем самым разговоры о возможных изменениях в своей судьбе, о коих ему шепнули дружки-приятели из оргтдела обкома КПСС.

УНИЧТОЖЕННАЯ ЛЕГЕНДА

Собор Костромского кремля, средоточие прошлой славы, напоминал о кратком пятилетии XIII века, когда Кострома была центром великого княжения. Именно тогда, гласило предание, обретена была чудотворная пакровительница города — икона Федоровской Божьей Матери. В память об этом событии алтарь собора, вопреки традиции, обращен на север — к месту явления иконы. Не раз горел собор — икона обреталась среди пепла.

После ужасного пожара 1773 года руины восстанавливались на деньги (12 тысяч рублей), выделенные по именному приказу Екатерины II. Отстроили старый пятиглавый Успенский собор, заново поставили новый — Богоявленский, с величественной многоярусной колокольней. С нее, говорят, видны были купола ярославских церквей.

В куполе нового собора, освященного в 1791 году, помещалась уникальная библиотека, включавшая тысячи книг, среди которых, кроме богословских трудов и рукописных преданий, хранилось множество «исторических, физических, стихотворческих, также всех российских писателей лучшие сочинения и путешествия».

Возвращались из дальних походов костромские ополченцы — их знамена оставались на хранение в соборе, на вечную память о доблести костромичей.

8 июля 1934 года собор был взорван. Одни говорили, чтобы расширить парк культуры и отдыха для трудящихся, другие — для того, чтобы кирпичи пустить на строительство нового текстильного предприятия — первенца пятилеток.

Сегодня только фотографии и чертежи хранят облик собора.

Но создано общество людей, одержимых идеей восстановить соборный ансамбль. Собрать деньги, выучить каменщиков и строителей, построить кирпичный завод...

Феникс возрождался из горстки пепла. Здесь не сохранилось даже этого. Удастся ли?

Фото Владимира Лагранжа

ВЛАДИМИР ГОЛУБЕВ

В ПОЛЬЗУ БЕДНЫХ

Благотворительность — проявление сострадания к ближнему и нравственная обязанность имущего спешить на помощь неимущему.

(Словарь Брокгауза и Ефрона. 1891 год.)

Благотворительность — явление, свойственное лишь классовому обществу. Социальному строю СССР чуждо понятие благотворительности.

(Большая Советская Энциклопедия, 1927 год.)

Приведенные цитаты можно не комментировать — нравственная пропасть в понимании одного и того же явления видна вполне отчетливо. Социалистический строй не смог породить таких подвижников, как Павел Третьяков, а если и заводились миллионеры, то были они под стать небезызвестному Корейко. Честный, но, на беду, хорошо обеспеченный человек любыми способами старался скрыть следы своего благополучия. Мораль не позволяла подниматься *над* уровнем нищего. Но сделать имущими всех не удалось, и общественное *призрение,* которым славилась дореволюционная Россия, сменилось общественным *презрением* к нищим, которые выходили на улицы с протянутой рукой.

«В пользу бедных» — в наши дни за этим выражением закрепился вывернутый наизнанку смысл, так говорят, когда хотят подчеркнуть бесполезность какой-нибудь затеи. По инерции мы даже хотели поправить эти слова, встретившиеся в одном из материалов. Но вовремя спохватились, ведь раньше люди вкладывали в эту фразу совершенно иное значение.

Мария Федоровна, жена Павла I, основательница Ведомства учреждений Императрицы Марии, действовавших до 1917 года.

В Центральном государственном историческом архиве СССР хранится немало документов, так или иначе связанных с благотворительными учреждениями. И все сопроводительные справки к этим документам кончаются одинаковыми словами: «Упразднено Великой Октябрьской социалистической революцией».

Думаю, что работа кипела — было что упразднять. Одно лишь Ведомство учреждения Императрицы Марии к началу нынешнего века насчитывало 683 благотворительных общества и заведения, из коих 645 находились в Европейской части России — приюты, воспитательские дома, богадельни.

Всего же в Российской империи функционировало к 1902 году 11 040 благотворительных учреждений. Действовало 19 108 приходских попечительских советов. Да, много было нуждающихся на Руси, но каждый получал от имущего помощь и поддержку: ни одна униженная и оскорбленная социальная группа не была оставлена без внимания. Многие российские благотворительные общества имели свои отличительные знаки. Поверьте, их оформление, изысканность и оригинальность не уступали военным наградам. Быть принятым в общество считалось за великую честь. Но, конечно, не бравада знаками отличия притягивала обеспеченных людей в ряды благотворителей. Скажем, И. И. Бецкой — сын «последнего боярина» генерал-фельдмаршала Трубецкого и баронессы Вреде. Образование получил в Париже и всю жизнь посвятил воспитательской работе в России. В Петербурге с легкой руки Бецкого закладывается по проекту Стасова Смольный институт для благородных девиц.

При Александре Первом на поприще профессиональной благотворительности блистал принц П. Г. Ольденбургский: 42 года жизни отдал он служению обездоленным людям. В Петербурге основал училище правоведения, первый ночной детский приют. Петр Георгиевич издержал на благотворительность более миллиона рублей. В 1889 году на Литейном проспекте ему поставили памятник с надписью: «Просвященному благотворителю». Нетрудно догадаться, когда памятник был снесен...

Но большей частью в России благотворительностью занимались все-таки женщины, и в первую очередь — императрицы. Великая реформаторша Екатерина Вторая сделала благотворительность государственной отраслью.

Императрица Мария Федоровна ратовала за женское просвещение и хорошо в этом направлении преуспела.

Принц Ольденбургский — председатель Петербургского Попечительского совета, отдавший на благотворительность более миллиона личных сбережений.

Ступив на престол, Павел очень скоро издает такой указ: *«Как по воле нашей Ея Императорское Величество любезнейшая супруга из человеколюбия срочного ей и желая споспешествовать общему добру приемлет на себя главное начальство над воспитательными домами в обоих престольных городах наших учреждениых со всеми принадлежащими к ним заведениями; то вследствие сего и повелеваем попечителям оных относится в чем надлежит к Ея Величеству!»*

Мария Федоровна назначалась фактически первым министром благотворительных заведений, следом за ней (вскоре это стало традицией) Ведомство стали возглавлять жены императоров, и каждая вносила в дело свою лепту. Скажем, Императрица Елизавета Алексеевна, жена Александра Первого, способствовала созданию двух обществ — Императорского Человеколюбивого и Женского Патриотического. О каждом из них стоит рассказать особо.

«...Растроганным быть наружно и весьма часто обманчивым видом нищеты и убожества не есть еще благодеяние. Надлежит искать несчастных в самих жилищах их — в сей обители плача и страдания. Ласковым обращением, спасительным советом, словом, всеми нравственными и физическими способами стараться облегчить судьбу их: вот в чем состоит истинное благодеяние» — эти слова Александра Первого стали девизом каждого члена Человеколюбивого общества.

На счету его находились богадельни, дома бесплатных и дешевых квартир, ночлежные приюты, народные столовые, швейные мастерские, амбулатории и больницы. Первейшей заботой было «выводить из нищеты тех, кто трудами своими и промышленностью себя пропитать могут».

Министр коммерции граф Румянцев, надворный советник Щербаков, купец Фан-дер-Флит становятся первыми членами этого общества. Для них, людей высокого ранга, благотворительность была потребностью и своеобразной привилегией. Человеколюбивое общество, основанное в 1802 году «для вспомоществования всякого рода бедным», к 1900 году распространяло свою помощь на 160 тысяч неимущих.

Мысль о создании Патриотического общества родилась в петербургском кружке великосветских дам (В. А. Репнина, М. А. Воронцова, Е. А. Уварова, М. В. Кочубей, М. Д. Нессельроде, А. И. Орлова, С. П. Свечина, Е. В. Новосельцева, Е. И. Бахерах, С. Г. Волконская, А. П. Васильчикова, Е. М. Оленина — вот имена учредительниц) после войны 1812 года, когда сгорела Москва и люди, лишенные крова, бедствовали.

Финансовую основу составляли взносы. Первым сделал свой вклад Государь Император — 50 000 рублей. За один только год расход в пользу пострадавших составил 287 201 рубль 15 копеек. Кстати, учет средств российские статистики вели блестяще. Из ведомостей все можно узнать. Скажем, на содержание училища сирот 1812 года уходило ежегодно 15 тысяч рублей. Подобных школ за сто лет было открыто не один десяток.

В объемном «Справочнике о благотворительных учреждениях, действующих в городе С.-Петербурге» (Спб., 1913 год), рассказано о деятельности каждого. Вот, например: «Защита «Женщин». Читаю: *«Деятельность направлена на борьбу с торгом женщинами в целях разврата. Общество входит в Международный Союз национальных комитетов, борющихся с тем же злом, содержит два общежития на 80 женщин, дешевую столовую и библиотеку при отделе попечения о еврейских девушках, а также помогает деньгами и устраивает нуждающихся на места в благотворительные учреждения»*.

Рассматриваю таблицу: членов и сотрудников — 670; призреваемых — 400; годовое поступление денег от учреждений и частных лиц — 6 321 рубль. Конечно, это очень маленькое общество. И все-таки 670 петербуржцев болели за судьбу бывших проституток. И вносили какие-то деньги из года в год на смягчение их участи.

Вот годовая таблица справочника. Каков же приход денег на благотворительность за 1913 год по всем заведениям Петербурга? Ошеломляющая цифра: 7 918 160 рублей. Царскими!

Кто только не отчислял средства на благотворительность! Даже шарманщики сдавали деньги на устройство воспитательных домов, а потом уже получали право ходить с шарманкой по улицам. В пользу бедных шла распродажа забытых вещей. Очень популярны были кружечные сборы. Железные кружки висели на стенах приютов, магазинов, у базаров — люди охотно бросали туда свои пятаки.

В благотворительных целях было монополизировано карточное производство. Единственная фабрика, выпускавшая игральные карты, являлась собственностью Императорского воспитательного дома и была в ведении С.-Петербургского Опекунского совета. Внушительный давала доход. Любопытна записка архангельского мещанина В. Ф. Куплинского главному управляющему учреждений Императрицы Марии от 10 марта 1895 года: *«Ежегодно в России играют в трехстах клубах, за год сумма выигрышей составляет 5 млн. 400 тыс. рублей. Предлагаю обложить клубы налогом — десять процентов в пользу Красного Креста...»*

К 1913 году в России действовало 1200 монастырей и еще более храмов. Не было такого церковного учреждения, которое бы не содержало больницы, богадельни или приюты. Не случайно эти учреждения назывались богоугодными. Любовь к Богу утверждалась через любовь к ближнему, и вторая библейская заповедь («Возлюби ближнего своего, как самого себя») исполнялась как бы сама собой.

Публикация
АЛЕКСАНДРА КРУШЕЛЬНИЦКОГО

...В конце пятидесятых убирали памятники Сталину. Особенно горевать не приходится, так как в большинстве своем они были выполнены трафаретно и повторялись даже в деталях. Но та же судьба постигла несколькими десятилетиями раньше дореволюционные памятники самодержцам и их сановникам, и вот тут уже есть о чем сожалеть: многие из этих скульптур были настоящими произведениями искусства, свидетельствами эпохи.

Даже в самых отдаленных и безлюдных местах можно было встретить творения лучших мастеров Европы и России: в Глухове монумент Румянцева-Задунайского работы И. Ропета, в Гомеле — Понятовского работы Б. Торвальдсена, в Кучук-Кайнарджи — Екатерины II, выполненный И. Мартосом. Но имена многих из них забыты, а скульптуры в годы революции разбивали для потехи толпы, под свист и улюлюкание. В свое время французы выставили счет Гюставу Курбе за разрушенную Парижской коммуной Вандомскую колонну, а нам некому предъявить обвинения за уничтожение культурной памяти.

Сохранились и дошли до наших дней лишь немногие памятники России. Во дворе Русского музея в Киеве одиноко стоит фигура царя-освободителя Александра II из многофигурной композиции на бывшей Царской площади. Во дворе аналогичного музея в Ленинграде находится памятник Александру III работы Паоло Трубецкого. Как хочется хотя бы их вернуть на обозрение для всего «честного народа»!

Одним из лучших памятников в провинции была статуя Екатерины II в Екатеринославе (ныне Днепропетровск). Памятник этот, выполненный в 1788 году по заказу князя Г. Потемкина (императрица на высоком пьедестале), был окружен решеткой в готическом стиле с медальонами. На них изображались шлемы, лиры и стрелы...

С конца XVIII века скульптура принадлежала семье Гончаровых и в качестве приданого Натальи Николаевны досталась А. Пушкину. Александр Сергеевич возлагал большие надежды на «медную бабку»: продав ее, он хотел поправить свое финансовое положение. После трагической дуэли вдова поэта уступила ее Екатеринославу за 25 тысяч рублей.

Во время революции 1917 года монумент был снят, а позже, в период немецкой оккупации, пропал при странных, до сих пор не выясненных обстоятельствах.

Памятники служили подарками. Николай I в благодарность за взятие Варшавы в 1831 году преподнес графу И. Паскевичу-Эриванскому скульптуру польского генерала Юзефа Понятовского работы Торвальдсена. Памятник стоял в Гомеле перед дворцом графа до революции, потом валялся в каретном сарае, а сразу после Великой Отечественной был возвращен Польше и сейчас установлен в центре Варшавы.

Другая история. 15 мая 1910 года на заседании Киевского отдела русского военно-исторического общества при деятельном участии военного командования и профессоров Киевского университета был рассмотрен вопрос об устройстве в городе «Исторического пути». Ведь именно Киев был колыбелью древнерусского государства. Из целой плеяды деятелей успели поставить памятник только княгине Ольге — «первой княгине-христианке». На конкурсе проектов первую премию получил выдающийся украинский скульптор Иван Кавалеридзе. Император Николай II пожаловал на сооружение памятника 10 тысяч рублей, но этого мало, а другими путями средства почти не поступали, так что вместо долговечного бронзового монумента была поставлена модель, изготовленная из цемента, речного песка и мраморной крошки. Слева от фигуры княгини Ольги, центральной части групповой композиции, располагались изображения первых славянских просветителей Кирилла и Мефодия, справа — апостол Андрей.

На открытии памятника 4 сентября 1911 года присутствовали Николай II и болгарский царь Борис. Под праздничную музыку вручались богато украшенные памятные альбомы с фотографиями этапов работы над памятником.

В 1919 году княгиню сбросили с постамента, а спасенную энтузиастами часть скульптуры закопали на том месте, где стоял памятник,— в центре нынешней площади Калинина. Позже разрушили и постамент.

Сейчас Киевская городская организация Добровольного общества любителей книги УССР. Общество охраны памятников истории и культуры и Болгарское генеральное консульство в Киеве стремятся восстановить этот памятник славянской культуры, первый в мире памятник Кириллу и Мефодию.

А ведь эта утрата далеко не единственная! В 1917 году в Киеве сломали памятники Петру Столыпину, Николаю I, Александру II, Александру III, Искре и Кочубею, князю Бобринскому и многим другим. Лишь чрезвычайные военные обстоятельства спасли от той же участи приговоренных князя Владимира и Богдана Хмельницкого.

Памятники стояли в самых разных уголках Российской империи: Петру I — в Петербурге, у Переяславского озера, в Кронштадте, Липецке, Нарве, Риге, в селе Рубеже Олонецкой губернии и в селе Васькове Владимирской губернии. Удивительно, что «дщери Петровой» Елизавете, кроме как в Гомельском саду, нигде памятника не было, и его не осталось даже на снимках.

Многочисленны были скульптурные портреты Екатерины Великой. Среди них — памятник от благодарных немцев в Екатериненштадте Самарской губернии. Скульптор П. Клодт изобразил императрицу восседающей на кресле. Чудесный памятник в виде колонны с фигурой Минервы был поставлен Екатерине II в Кускове под Москвой (его воздвиг граф Шереметев по случаю посещения ею имения в 1775 году).

Памятники Александру I находились в селе Грузино, перед Собором знаменитого аракчеевского поместья (работа С. Гальберга), а также в Варшаве, Гельсингфорсе (шведское название г. Хельсинки), Риге, Ямбурге, Таганроге, в селе Ильинском Звенигородского уезда.

Николаю I стоял удачный памятник в Киеве, позже в Каменец-Подольском; некий Сарабеев поставил памятный столб в честь этого монарха в Болграде.

Памятники другим императорам ставили уже не столь блистательные мастера, но это все равно не оправдывает разрушений.

В. КИРКЕВИЧ
г. Киев

Прочитал письмо А. Бахмутова («Родина» № 4, 1990) о делах кладбищенских, и вспомнились мне слова Валентина Распутина: «Надругательство над одной могилой является по нашим законам преступлением, а надругательство над всем родом человеческим представляется нам как акт благоустройства».

Вандализм у нас принял широкий размах. Уже не отдельные могилы, а целые погосты запахиваются и застраиваются, будто обеднела землями матушка Русь. Обратите внимание — в самом плачевном состоянии у нас не только кладбища: роддом, загс, больница, морг — объекты общего посещения и наивысшего эмоционального напряжения, отправные точки нашей памяти. Найдутся ли в республике места более убогие и запущенные? И попусту здесь взывать к совести и разу-

му, замкнутый круг этот мольбами и увещеваниями не разорвать, слишком бедна почва, на которую они попадают. 70 лет провозглашалось иное, и был перед глазами авторитетный, партийно-государственный пример, как нужно с теми же кладбищами поступать.

...На самом древнем кладбище Самары стоит первенец пятилеток — завод по производству клапанов. Бесполезно искать здесь могилы не только простых смертных, но и известного руководителя исторической Оренбургской экспедиции князя Урусова. Лежать бы светлейшему с родственниками в белокаменной, на Донском, но в Самаре добра не помнят. На старом Всехсвятском кладбище — стадион «Динамо». Где-то здесь под ногами резвых футболистов прах матери Федора Ивановича Шаляпина, останки русского писателя и этнографа Павла Ивановича Якушкина и тысяч других людей. На новом Всехсвятском, под расположившимися здесь корпусами кабельного завода, покоятся няня Ульяновых, адвокат А. Н. Хардин, да и все самарское окружение В. И. Ленина. Чуть дальше, на другом кладбище,— новенький Дом пионеров Железнодорожного района и средняя школа, многие учителя которой помнят, что здесь лежат их предки. И уж совсем не повезло бывшему Иверскому. Раньше оно было самым «престижным» — в центре города, между драмтеатром, Домом техники и жилым домом обкома партии. Здесь на пятачке размером 30×50 метров погребены три национальных героя Болгарии — отец и сыновья Алабины, двоюродная сестра В. И. Ленина Екатерина Лаврова, отец А. Н. Толстого, внуки декабриста Ивана Анненкова, герой Крымской войны генерал Голев. Так вот в центре города, на костях этих людей — сараи, гаражи и... общественные туалеты, выгребными ямами для которых служат склепы...

Нет, не мораль должна включиться в действие, а закон с его принудительной силой. И ведь он у нас не так уж плох, как кажется. Откройте Закон «Об охране и использовании памятников истории и культуры». В статье 5 приведен широкий перечень тех объектов, которые могут быть отнесены к памятникам республиканского или местного значения и официально охраняться государством. Откуда пошла практика лишь отдельные захоронения считать памятниками истории и культуры? Ведь кладбища в целом вписываются в этот перечень, поскольку налицо главный признак — историческая и культурная ценность. Не хотят видеть этого исполкомы. Вынеси такое решение — сам повесишь себе на шею лишнюю обязанность. Лучше же и удобней числить кладбище обычным предприятием коммунального хозяйства и отдать его «под охрану» сердобольных старушек с их непонятной сейчас многим моралью. Власти предержащие, кстати, беззащитность обычных кладбищ хорошо понимают, поэтому и стали появляться тут и там привилегированные некрополи, где места определяются по занимаемым в миру должностям.

А. Бахмутов сетует, что часто некому заступиться за умершего, написать заявление. И здесь законодатель хорошо и давно подумал, но незаконный «обычай» прочно въелся в нашу жизнь. По абсолютному большинству преступлений для решения вопроса о возбуждении уголовного дела заявлений не требуется. Так, в статье 108 УПК РСФСР дан исчерпывающий перечень поводов к возбуждению уголовного дела, среди которых, кроме заявлений граждан, сообщения общественных организаций, учреждений, предприятий, должностных лиц; статьи, заметки и письма, опубликованные в печати; непосредственное обнаружение органом дознания (милицией.— В. К.), следователем, прокурором или судом признаков преступления. Так что умерший справедливо избавлен законом от необходимости писать заявление. Его покой должно охранять государство в лице Советов и правоохранительных органов.

Часто ссылаются на несовершенство механизма привлечения к ответственности за нарушение законодательства. Вздор! Чем отличается порядок расследования дела относительно преступника, взломавшего дверь в чужом доме, от механизма привлечения к ответственности гражданина, разбившего надгробие? Ничем. В последнем случае лишь меньше дерзости, а больше цинизма, что сути дела не меняет. Беда в том, что второго преступника искать хлопотнее, да и процент раскрываемости снизится. У нас давно уже стало привычным, что эффективность решения вопроса о возбуждении уголовного дела и его расследовании определяется силой крика потерпевшего. Мертвые же молчат, поэтому безмолвствует закон. Молчит и совесть у живых.

В. КРУГЛОВ,
учитель истории,
бывший прокурор района,
г. Самара

ДОКУМЕНТ БЕЗ КОММЕНТАРИЕВ

Высочайшим указом от 6 августа 1880 года все чиновники III Отделения и их секретные агенты поступили во вновь образованный Департамент государственной полиции Министерства внутренних дел. К февралю 1917 года его структура выглядела так:

Первое делопроизводство — распорядительное — заведовало общеполицейскими делами и личным составом общеполицейской части;

Второе делопроизводство — законодательное — занималось составлением полицейских инструкций, циркуляров и подготовкой законопроектов, а также ведало организацией полицейских учреждений в России;

Третье делопроизводство — секретное — до 1 января 1898 года осуществляло политический сыск, гласный и негласный надзор, борьбу с политическими партиями и массовым движением, охрану царя, руководство заграничной агентурой, а также наружным и внутренним наблюдением на территории России. После 1 января 1898 года большая часть функций третьего делопроизводства перешла в Особый отдел;

Четвертое делопроизводство (февраль 1883—1902, 1907—1917) — наблюдательное, производило надзор за ходом политических дознаний в губернских жандармских управлениях, после 1907 года — надзор за массовым рабочим и крестьянским движением, легальными организациями;

Пятое делопроизводство (февраль 1883—1917) осуществляло гласный и негласный надзор;

Шестое делопроизводство (1894—1917) наблюдало за изготовлением, хранением и перевозкой взрывчатых веществ, ведало разработкой и реализацией фабрично-заводского законодательства, с 1907 года выдавало справки о политической благонадежности лицам, поступавшим на государственную службу или в земство;

Седьмое делопроизводство (1902—1917) наследовало у четвертого делопроизводства наблюдение за дознаниями по политическим делам, ведало составлением справок о революционной деятельности лиц, привлеченных к следствию по делам о государственных преступлениях, с 1905 года занималось составлением циркуляров о скрывшихся обвиняемых;

Восьмое делопроизводство (1908—1917) заведовало сыскными отделениями — органами уголовного сыска, школой инструкторов и фотографией Департамента полиции;

Девятое делопроизводство (1914—1917) занималось контрразведкой и надзором за военнопленными.

Кроме перечисленных делопроизводств, в Департаменте полиции имелись Инспекторский отдел (1908—1912) и Особый (политический) отдел (1898—1917) — главный штаб политического сыска.

ТОЧКА ЗРЕНИЯ

ВЫБИРАЕМ СУДЬБУ ПО КАРМАНУ

СЕРГЕЙ ВОЛОВЕЦ,
политический обозреватель

Очередное (уверен, не последнее) «ограбление века», проведенное коммунистическим правительством (надеюсь, последним), мы тщательно обсудили уже в те январские дни, когда наши карманы были очищены от 50 и 100-рублевых бумажек. Тогда и позже экономисты объяснили нам причины, толкнувшие Кудеяра-Павлова на это деяние. Но одна из них, кажется, так и осталась не выявленной достаточно ясно.

Отнимая праведные и неправедные капиталы «крупными», партия и сросшиеся с ней государственные структуры убирали с дороги конкурентов в будущей приватизации. Теперь расстановка сил у прилавка с государственной собственностью, предназначенной к торгам, выглядит таким образом. В одной очереди за акциями или сертификатами на праао собственности стоит народ с несколькими сотнями в кошельке у каждого и перспективой получить по 500 рублей в месяц с банковского счета, если к тому времени, когда эти строки будут напечатаны, правительство в очередной раз не передумает и не решит, что с аас хаатит и 50. В другой — министерства и партийные комитеты со своими нисколько не пострадавшими многомиллионными счетами.

Иными слоаами, стратегия приватизации, избранная КПСС и по-прежнему представляющим ее интересы политическим руководством страны, ясна. Вместо того чтобы предоставить каждому рааную (конечно, относительно) долю в национальном богатстве и приблизительно одинакоаые стартовые условия выхода на рынок, мы получим монопольные структуры собственности, тесно связанные с партией и государством, где бышая номенклатура отхватит самый жирный кусок. Вновь отрицая право каждого человека в этой стране на владение **его собственностью**, правительство однозначно отказывается от заявленных намерений построить демократическое правовое государство.

Вопрос о приватизации становится коренным не только для судьбы экономических реформ, но и для будущего демократии. Если государство по-прежнему будет оставаться единственным собственником, долго ей (демократии) не протянуть.

Однако спустя пять лет после начала перестройки и год после антитоталитарных революций на востоке Европы приватизация государственной собственности не началась в широких масштабах. В Польше, где президент Валенса победил на выборах с программой ускорения реформ в экономике, трудно представить, чтобы даже ему удалось быстро продать (или раздать) новым владельцам шахты в Силезии или металлургический комбинат в Новой Гуте. В чем же тогда дело?

Все еще жива иллюзия, особенно в Советском Союзе (вспомним хотя бы, какие разыгрываются драмы, когда говорят о неэффективности колхозов и совхозов), что в условиях рынка вполне может быть работоспособна и государственная собственность. Как на образчик, наиболее близкин к нашему социалистическому опыту, ссылаются обычно на Югославию, хотя именно сейчас становится понятно, что эта страна, казавшаяся пять лет назад раем, в действительности разделила общую судьбу социалистического «содружества»: экономика терпит крах, а расследования политических репрессий только еще начинаются.

Что касается западных стран, то здесь государственная собственность оказывается, как правило, неэффективной. Не случайно праительству Маргарет Тэтчер пришлось передать в частные руки несколько гигантов британской промышленности: предприятия связи, энергетики и др.

Как же осуществляется приватизация? В Польше, скажем, а течение этого года будет продано около 40 предприятий — любому, кто пожелает их купить, в том числе довольно крупные заводы с численностью рабочих до 5 тысяч. Еще 100 предприятий будут переведены в акционерную собственность, причем поначалу государство сохранит за собой около 40 процентов акций.

В Чехословакии на первом этапе частный сектор получит сферу услуг и торговлю. На втором — будут продаваться акции крупных предприятий, таких, например, как автомобильные и машиностроительные заводы «Шкода». Здесь, как и в Польше, государство оставит за собой — по крайней мере на первых порах — около трети акций. И, наконец, акционерной становится практически вся управляемая государством собственность.

Во всех этих странах с большими опасениями говорят о возможной экспансии иностранного капитала, который действительно в состоянии сегодня скупить по дешевке все. Пока западный капитал, наоборот, демонстрирует отсутствие аппетита. Но на всякий случай в Польше принят закон, запрещающий передачу в руки иностранцев более 10 процентов акций того или иного предприятия.

Гораздо серьезней опасения, что из политических соображений власти пойдут навстречу требованиям трудовых коллективов, оказывая им предпочтение при продаже предприятий, предоставляя скидки и т. п. В этом не было бы ничего плохого, если бы не убыточный характер многих производств, если бы не изношенное оборудование, не отсталая технология. У выкупивших такое предприятие рабочих не найдется достаточных средств, а возможно, и заинтересованности, и они, чтобы сохранить привычный образ жизни, пойдут по пути повышения цен.

Со временем подобная ситуация может стать характерной для СССР. Например, во время забастовок а Кузбассе шахтеры гоаорили о своем желании стать собственниками. Но если это желание реализуется, то при устаревшей технологии и неоправданно аысокой численности горняков исход непременно будет один: резко поднимутся цены на уголь. А при нормализации финансов в Восточной Европе (тем более если рубль станет конвертируемым) вполне вероятно, что покупать уголь в Польше или в Южной Африке будет для нас с вами гораздо выгоднее.

Так или иначе приватизация у нас и в странах Восточной Европы всерьез начинается с 1991 года. Процесс пошел, и ничто не сможет его остановить. Но в зависимости от избрания демократического или партократического пути в конце его разные страны обнаружат себя в сильно различающихся один от другого мирах.

Сто сорок бесед с Молотовым

(Из дневника Ф. Чуева)

Фото Евгения Халдея

С Вячеславом Михайловичем Молотовым я встречался регулярно последние 17 лет его жизни — с 1969 по 1986 год. 140 подробнейше записанных бесед, каждая в среднем по четыре-пять часов. Как бы ни относились люди к Молотову, мнение его авторитетно, жизнь его не оторвать от истории государства. Он работал с Лениным, был членом Военно-революционного комитета по подготовке Октябрьского вооруженного восстания в Петрограде, заместителем Председателя Государственного Комитета Обороны в Великую Отечественную войну, занимал высокие посты в партии и правительстве, вел нашу внешнюю политику, встречался едва ли не со всеми крупными деятелями XX века.

Суждения его субъективны, во многом идут вразрез с тем, что сейчас публикуется и утверждается как истина, но за 17 лет постоянного общения я имел возможность в какой-то мере изучить этого человека, с юности отдавшего себя служению идее.

Молотов рассказывал, и не надиктовывал. Многие суждения «вытащить» из него было весьма непросто, особеннно в первый период нашего знакомства. Некоторые эпизоды Молотов с первого раза не раскрывал, и приходилось возвращаться к ним через 5, 10, 15 лет...

Я не знал, сколько будет этих встреч. Когда они стали частыми, я ловил себя на мысли, что, может, в последний раз вижу его. Ведь еще в 1969-м, когда я впервые был у Молотова дома, ему уже шел 80-й год. Среднего роста, крепко сбитый, с небольшим упрямым лбом, острыми карими глазами — яркими, не тускнеющими с годами. Жесткие, седые усы — в его эпоху все Политбюро было усатым.

Обычно я приезжал на дачу в Жуковку, он встречал меня в прихожей — тепло, по-домашнему:

— Там кто, товарищ Феликс приехал?

Садились за стол, обедали, гуляли по лесу. («Я был Предсовнаркома, и то меня подслушивали, пойдем погуляем...»). В первые наши встречи он мало рассказывал, отвечал на вопросы сдержанно — примерно так, как потом при малознакомых гостях. Дальше — больше.

Что сразу бросалось в глаза — скромен, точен и бережлив. Следил, чтоб зря ничего не пропадало, чтоб свет, например, попусту не горел в других комнатах. Вещи носил подолгу — в этой шапке, в том же пальто он еще на правительственных снимках. Дома — плотная коричневая рубаха навыпуск, на праздник — серый костюм, темный галстук.

У людей разные понятия добра и зла, и я не задумываюсь над тем, как будет выглядеть Молотов в моем дневнике. Один и тот же факт или событие нашей истории у кого-то вызывает негодование, а другого приведет в восторг. Моя цель — правдиво и достоверно показать то, что я услышал и записал.

«Странные вы люди, русские! — сказал мне знакомый немец.— Обливаете грязью Сталина, который победил самого Гитлера, и поднимаете предателей...»

Пишут, что Сталину удалось обмануть народ, запугать, устрашить... Но какова тогда цена народу, который так легко можно обмануть и запугать.

Важно и то, что и Сталин, и Молотов — те немногие из высшего руководства, кто и при жизни Ленина не состоял ни в каких антиленинских группировках. Не все ясно, когда изучаешь тот период. Многое трудно понять, тем более оправдать или простить. Будем разбираться.

На государственной даче в Жуковке Молотов прожил свои последние двадцать лет.

— Я человек XIX века,— говорил он.— С каким суеверием люди вступали в новый век, боялись всего!

Он дожил до «летающих тарелок» и нового курса партии на перестройку и ускорение. Перевел 100 рублей в Фонд помощи жертвам Чернобыльской АЭС имени В. И. Ленина — смотрю на почтовую квитанцию от 18 июня 1986 года.

Уезжаю в Москву — он стоит в проеме двери, держась за косяк. Грустный-грустный, провожающий взгляд...

«Будут, конечно, на нашем пути срывы, неудачи,— говорил он,— но империализм все-таки трещит по швам!»

От редакции. Мы представляем только небольшую часть молотовского дневника. Полностью рукопись будет опубликована издательским центром «ТЕРРА».

I. РЯДОМ С ЛЕНИНЫМ

«На X съезде партии (весна 1921 года) я был избран членом Центрального Комитета партии, а затем на Пленуме ЦК — кандидатом в члены Политбюро ЦК. Тогда Политбюро ЦК состояло из пяти человек: Ленин, Сталин, Троцкий, Каменев, Зиновьев и трех кандидатов в члены Политбюро: Молотов, Калинин, Бухарин. Как первый кандидат в члены Политбюро я нередко получал тогда решающий голос в Политбюро, когда кто-либо из его членов не мог присутствовать на заседании Политбюро (по болезни, находясь в отпуске и тому подобное). Ленин подчеркнул сложность политического положения в стране. При этом сослался на то, что для улучшения дел в политической области требуется проведение коренных реформ в финансовых делах страны, но при малейшей неподготовленности или торопливости можно было «вызвать взрыв недовольства особенно крестьян, грозящий свалить еще не окрепший советский строй…».

В беседах Молотов не раз касался работы с Лениным. Обращает на себя внимание фраза «как первый кандидат в члены Политбюро…». По словам Молотова, эту роль определил ему Ленин — иметь голос предпочтительнее перед Калининым и Бухариным.

— В марте 1921 года меня ввели первым кандидатом в Политбюро, чтобы я мог заменять первого заболевшего члена Политбюро, Калинин — второго, а Бухарин — третьего. А членов Политбюро было пять. Так что практически Бухарину никогда никого замещать не приходилось. Это Ленин так решил,— рассказывает Молотов.

— Пока есть империализм, пока существуют классы, на подрыв нашего общества денег не пожалеют. Да и не все люди неподкупны. Когда до революции был разоблачен провокатор Малиновский, депутат Государственной Думы, большевик, член ЦК РСДРП, лучший оратор у большевиков, Ленин не поверил. Живой такой человек, оборотистый, умел держаться, когда нужно — и с гонором, когда надо — молчаливый. Рабочий-металлист, депутат от Москвы. Я его хорошо помню, не раз встречался с ним. Внешне немножко на Тито похож. Красивый, довольно симпатичный, особенно если ему посочувствуешь. А как узнаешь, что это сволочь,— так неприятный тип. Меньшевики сообщили нам, что он провокатор. Мы не поверили, решили: позорят большевика. Ленин потом говорил:

— Даже если он провокатор, он для нас больше делал, чем для полиции, потому что он вынужден выполнять в конце концов то, что ему писали. Он не только в Думе выступал, его и в рабочие организации посылали. Попробуй там не так выступи — рабочие сразу пошлют куда подальше! А он выполнял все поручения большевиков и в то же время был агентом царской охранки, проваливал организации, выдавал большевиков полиции. После революции Малиновского расстреляли, в 1918-м, по-моему.

На XI съезде появился так называемый «список десятки» — фамилии предполагаемых членов ЦК, сторонников Ленина. И против фамилии Сталина рукой Ленина было написано: «Генеральный секретарь». Ленин организовал фракционное собрание «десятки». Где-то возле Свердловского зала Кремля комнату нашел, уговорились: фракционное собрание, троцкистов — нельзя, «рабочую оппозицию» — нельзя, «демократический централизм» тоже не приглашать, только одни крепкие сторонники «десятки», то есть ленинцы. Собрал, по-моему, человек двадцать — от наиболее крупных организаций, перед голосованием. Сталин даже упрекнул Ленина, дескать, у нас секретное или полусекретное совещание во время съезда, как-то фракционно получается, а Ленин говорит: «Товарищ Сталин, вы-то старый, опытный фракционер! Не сомневайтесь, нам сейчас нельзя иначе. И хочу, чтобы все были хорошо подготовлены к голосованию, надо предупредить товарищей, чтобы твердо голосовали за этот список без поправок! «Список десяти» надо провести целиком. Есть большая опасность, что станут голосовать по лицам, добавлять: вот этот хороший литератор, его надо, этот хороший оратор — и разжижат список, опять у нас не будет большинства. А как тогда руководить?»

А ведь на X съезде Ленин запретил фракции.

И голосовали с этим примечанием в скобках. Сталин стал Генеральным. Ленину это больших трудов стоило. Но он, конечно, этот вопрос достаточно глубоко продумал и дал понять, на кого равняться. Ленин, видимо, посчитал, что я недостаточный политик, но в секретарях и в Политбюро меня оставил, а Сталина сделал Генеральным. Он, конечно, готовился, чувствуя болезнь свою. Видел ли он в Сталине своего преемника? Думаю, что и это могло учитываться. А для чего нужен был Генеральный секретарь? Никогда не было. Но постепенно авторитет Сталина поднялся и вырос в гораздо большее, чем предполагал Ленин или чем даже считал желательным. Но предвидеть все, конечно, было невозможно, а в условиях острой борьбы вокруг Сталина все более сколачивалась активная группа — Дзержинский, Куйбышев, Фрунзе и другие, очень разные люди.

— Кто был более суровым — Ленин или Сталин?

— Конечно, Ленин. Строгий был. В некоторых вещах строже Сталина. Почитайте его записки Дзержинскому. Он нередко прибегал к самым крайним мерам, когда это было необходимо. Тамбовское восстание приказал подавить, сжигать все. Я как раз был на обсуждении. Он никакую оппозицию терпеть не стал бы, если б была такая возможность. Помню, как он упрекал Сталина в мягкотелости и либерализме. «Какая у нас диктатура? У нас же кисельная власть, а не диктатура!»

— А где написано о том, что он упрекал Сталина?

— Это было в узком кругу, в нашей среде.

Вот телеграмма Ленина на свою родину — в Симбирск в 1919 году — губпродкомиссару: «Голодающие рабочие Петрограда и Москвы жалуются на вашу нераспорядительность… Требую максимальной энергии с вашей стороны, неформального отношения к делу и всесторонней помощи голодающим рабочим. За неуспешность вынужден буду арестовать весь состав ваших учреждений и предать суду… Вы должны немедленно погрузить и вывезти два поезда по 30 вагонов. Телеграфируйте исполнение… Если подтвердится, что вы после четырех часов не прислали хлеба, заставляли крестьян ждать до утра, то вы будете расстреляны. Предсовнаркома Ленин».

Это «Ленинский сборник». У меня они почти все есть.

Я вспоминаю еще один пример, как Ленин получил письмо из Ростовской области от бедняка крестьянина: плохие порядки, на нас, бедняков, не обращают никакого внимания, никакой помощи, а, наоборот, притесняют. Ленин сделал что-то. Предложил собрать группу «свердловцев» — был такой университет для взрослых, не подготовленных для министерской работы, но которые хотели повысить свои знания — Малашкин там учился,— те, у которых не было средней школы,— поручил этой группе поехать на место и, если подтвердится, на месте расстрелять виновных и поправить дело.

Куда конкретнее — на месте стрелять, и все! Такие вещи были. Это не по закону. А вот приходилось. Это диктатура, сверхдиктатура.

(29.02.1980, 09.01.1982, 05.02.1982, 14.1.1983, 16.02.1985)

Говорят, что Ленин не имел отношения к расстрелу царской семьи в 1918 году, что на это решилась местная власть при наступлении Колчака… А тут даже думать не надо. Это настолько ясно, что иначе и быть не может. Не будьте наивным.

Мы гуляем по дачному поселку, Молотов вдруг остановился, ткнул палку в асфальт и посмотрел на меня.

— Думаю, что без Ленина никто на себя не взял бы такое решение. Когда дело касалось революции, Советской власти, коммунизма, Ленин был непримирим. Да и если бы мы выносили по каждому вопросу демократические решения, это бы нанесло ущерб государству и партии, потому что вопрос тогда бы затянулся надолго и ничего хорошего из такого формального демократизма не вышло бы. Острые вопросы Ленин нередко решал сам, своей властью.

(23.11.1971, 03.02.1972).

— А Ленина называли «Владимир Ильич»?

— Нет. Товарищ Ленин,— поправился Молотов,— Владимир Ильич — очень редко называли. Это только его близкие друзья по молодым годам, такие, как Кржижановский, называли его Владимир Ильич, а так все — Ленин, Ленин… Может быть, Цюрупа называл его Владимир Ильич.

Да. Это было принято: товарищ Ленин, товарищ Сталин. Имя-отчество не принято было в партийных кругах. Владимир Ильич, Иосиф Виссарионович — это им не соответствовало. Теперешним настроениям обращения соответствуют, а тогдашним правилам не соответствовали.

Сталин в практических делах был не то чтобы сильный, но был более упорным — это ему немного мешало. Да, мешало. По национальному вопросу он был большой специалист, а вот при создании Союза Советских Социалистических Республик он держался старой ленинской линии, чересчур упорно шел по ней, а Ленин шагнул дальше. Сказал: давайте еще союзные республики создадим.

— При этом ЦК партии РСФСР забыли создать?

— Не то чтобы забыли, а ему не оказалось места. Это бы умаляло роль партии, потому что теперешняя форма, когда русские не имеют своего ЦК, дает возможность русские дела решать через главный аппарат, а это очень большая сила…

(16.02.1985).

Тогда были Секретариат ЦК и Оргбюро. На Оргбюро — организационные всякие вопросы решали. У каждого республиканского комитета есть бюро. Только оно называлось не Политбюро и не Оргбюро, лишь украинцы, по-моему, имели Политбюро. Было Бюро по России при Хрущеве и до Хрущева одно время было, Жданов был, по-моему, председателем. Из этого ничего не получилось, потому что Россия настолько большая часть государства, и если она принимает решение, то уж тогда наверняка будет это принято.

— Во всех республиках есть Академии наук, народные писатели, а в РСФСР — нет.

— Да потому что, слава Богу, и так достаточно влияние России. Если главный аппарат умно и умело ведет дело, при этом условии. А без этого вообще и партия развалится. У Сталина все мускулы были натянуты.

(05.07.1980).

II. «Я ОПРАВДЫВАЮ РЕПРЕССИИ…»

— Конечно, очень печально и жалко таких людей, но я считаю, что тот террор, который был проведен в конце 30-х годов, он был необходим. Конечно, было бы, может, меньше жертв, если бы действовать более осторожно, но Сталин перестраховал дело — не жалеть никогда, но обеспечить надежное положение во время войны и после войны, длительный период — это, по-моему, было. Я не отрицаю, что я поддерживаю эту линию. Не мог я разобраться в каждом отдельном человеке. Но такие люди, как Бухарин, Рыков, Зиновьев, Каменев, они были между собой связаны. Трудно было провести точную границу, где можно остановиться.

— Говорят, все сфабриковано.

— Ну, это невозможно. Состряпать невозможно. Пятаков начинял Троцкого…

— Их били — не всякий человек выдержит, одного побьют, он все что угодно на себя напишет.

— Сталин, по-моему, вел очень правильную линию: пускай лишняя голова слетит, но не будет колебаний во время войны и после войны. Хотя были и ошибки. Но вот Рокоссовского и Мерецкова освободили.

— А сколько таких погибло?

— Таких немного. Я считаю, что эта полоса террора была необходима, без ошибок ее провести было невозможно. Продолжать споры во время войны… Если бы мы проявили мягкотелость…

Власов — это мелочь по сравнению с тем, что могло быть. Много было людей, шатающихся в политическом отношении.

— Могли бы перейти на сторону Гитлера?

— Не могли бы, я думаю, но колебания были бы очень опасные.

/29.04.1982/.

1937 год был необходим. Если учесть, что мы после революции рубили направо-налево, одержали победу, но остатки врагов разных направлений существовали, и перед лицом грозящей опасности фашистской агрессии они могли объединиться. Мы обязаны 37-му году тем, что у нас во время войны не было пятой колонны. Ведь даже среди большевиков были и есть такие, которые хороши и преданны, когда все хорошо, когда стране и партии не грозит опасность. Но, если начнется что-нибудь, они дрогнут, переметнутся. Я не считаю, что реабилитация многих военных, репрессированных в 37-м, была правильной. Документы скрыты пока, со временем ясность будет внесена. Вряд ли люди были шпионами, но с разведками связаны были, а самое главное, что в решающий момент на них надежды не было.

…Все это Молотов сказал в ответ на бытующее суждение о том, что если бы не погибли Тухаческий и Якир, у нас не было бы такого страшного начала войны.

— Это модная фальсификация,— сказал он.

/18.12.1970/.

— Все члены Политбюро, и я в том числе, за ошибки несут ответственность.

Но есть тенденция, что большинство осужденных невинно пострадало. В основном пострадали виновные, которых нужно было в разной степени репрессировать.

/06.12.1969, 29.07.1971/.

Но одно дело — политика, другое — проводить ее в жизнь. Если отказаться от жестких мер, это может привести к опасности раскола.

Сыграл свою роль наш партийный карьеризм —каждый держится за свое место. И потом, у нас если уж проводится какая-то кампания, то проводится упорно, до конца. И возможности тут очень большие, когда все в таких масштабах…

/27.04.1973/.

Марксистскую мысль надо все время подкреплять. Личность будет или не будет — неизвестно, дай Бог, чтобы не одна личность была, а много хороших!

Кое-кто из-за этих ошибок пытался бросить тень на весь наш строй. Неправильно, не так-де строили социализм! А кто лучше построил? Мы впервые строили…

/15.08.1972/.

III. ЧТО ТАКОЕ СОЦИАЛИЗМ

— На XXI съезде, который не упоминается нигде, Хрущевым было сказано, что у нас социализм победил полностью и окончательно. Но если полностью и окон-

чательно, чего ж строить больше? Под этим предлогом они говорят: теперь мы строим коммунизм. А для чего это? Чтобы за красивой вывеской не делать революционных выводов о том, что недоделано. Задача-то уничтожения классов — трудная, революционная. А «мы строим коммунизм» — лишь повод обойти этот вопрос, попытка уйти от революционного. Коммунизм, а там, дескать, самотеком как-то классы уничтожатся. А это есть типичная позиция правых.

Найдем объяснение ненужной жестокости, надо быть гуманистами, надо соблюдать законы — вот их мораль. Но эта мораль не революционная, она не двигает вперед, она замазывает трудности, обходит вопросы, а есть повод: мы строим коммунизм. Ленин говорил, что надо уничтожить классы. «Так это,— говорят,— при коммунизме. Конечно, мы все постепенно уничтожим, пусть пока идет самотеком». Без трудностей. Это быстрее — мирным сосуществованием... Хрущев на этом выиграл или завоевал себе большинство в идеологии. А вы возьмите Ленина: у нас не какая-нибудь идеология за боженьку или против боженьки, за одну религию или за другую, наша идеология такая: свергай капитализм социалистической революцией! Вот наша идеология. Не трогать буржуазного строя, воспитывать людей — Толстой проповедовал, да потому что он был помещик, не мог понять, что без изменения строя человека не изменишь.

Если мы мораль направим на то, чтобы воспитывать в человеке добрые качества, а строй оставим, какой есть,— со взятками, с хищениями, если мы это оставим, то вся эта мораль останется гнилой. А если мы поставим задачи революционные, ломающие строй, доделывающие, тогда нужно приспособить мораль к победе, к борьбе за победу. Это другая мораль. Это все хотят обойти. Поэтому все разговоры о морали, о гуманизме, они насквозь фальшивы. Если нет корня — за что бороться, если нет цели — за что боремся, куда идем? За мирное сосуществование. Тогда одна мораль.

У нас нет еще социализма. У нас взятки, у нас хищения, у нас всякие безобразия...

(07.12.1976.)

Вот теперь, я в том числе, и все министры и прочие пользуются столовой. Заплатил 60 рублей в месяц и получил все продукты. Выработал 100 дней трудовых — получай. Маркс и говорит: каждый будет получать за проработанное свое количество дней. Работал, вырабатывал башмаки, 100 пар, проработал 100 дней над этими башмаками, ты берешь пару лишь башмаков, а остальные 99 ты получишь другими продуктами и выбирай, что тебе нужно.

Изобилия продуктов сразу еще не будет. Еще будут, может быть, по нормам выдавать. А потом, при социализме, Ленин говорил: никто из должностных лиц не будет получать выше среднего рабочего. Никто из должностных лиц, включая и секретаря Генерального, и Председателя Совнаркома, Совета Министров,— никто из должностных лиц не должен получать выше среднего рабочего. Это осуществляла Парижская коммуна. Но разве у нас это есть?

А мы приукрашиваем недоделанное. А главное в том, что нельзя преодолеть бюрократизм, пока один получает 100, а другой — 1000 в месяц...

Что такое социализм? Сказано так: социализм есть уничтожение классов. Уничтожить классы можно только при диктатуре пролетариата. Для этого нужна диктатура пролетариата. Без этого классы уничтожить нельзя.

А у нас — уничтожение эксплуататорских классов. Вот этого крестьянина берегут, колхозника. А его беречь нельзя, если хочешь счастья этому крестьянину. Его надо освободить от этих колхозов. И сделать его тружеником социалистической деревни. Вот эти сторонники крестьянского, демократии, они-то как раз реакционеры, они крестьянина этого в том виде, в каком он есть, хотят заморозить. Отупели в своем мелкобуржуазном мещанстве.

/29.07.1971, 12.12.1972, 30.06.1976./

Колхозы — это переходная форма, переходная. И никакого социализма при двух формах собственности. Нет законченного социализма. А мы говорим, что у нас развитое социалистическое общество, себя этим успокаиваем и тормозимся. Нам надо это ликвидировать и развернуть все силы народа. Это все накаляется, оно найдет свои пути. Но наши руководители сейчас не понимают, а те, которые подсовывают им бумажки, просто мелкобуржуазные идеологи, которые не могут ничего сделать. Уже построены основы, повернуть назад не могут, и вот: «Это развитой социализм! Переходим к коммунизму!» — и прочее. Ничего мы не переходим. Вот Брежнев один из таких руководителей, которые не понимают этого, не потому, что не хотят, а они живут мещанской идеологией. Мелкобуржуазной. Этого добра у нас еще очень много, и это не может не тормозить. Но самое интересное то, что вы не найдете серьезных людей, которые над этим задумываются. Кто-нибудь слыхал, дескать, что надо бы что-нибудь сдвинуть к тому, как построен социализм у Маркса, Энгельса, Ленина,— вы не найдете такого человека.

— А как сдвинуть, с чего начать, с колхозов или с чего?

— Фактически с колхозов.

— Ликвидировать колхозы, ввести государственную собственность?

— Да, да. Чтобы это сделать, надо провести громадную подготовительную работу, а мы еще не делаем, потому что будто бы все построили, и этим задерживаем подготовительную работу к ликвидации и колхозов, и денег. И я должен сказать, что, кроме Сталина, никто не решился, да и не понимал просто — я прочитал и обсуждал со Сталиным это дело. И у Сталина вначале нерешительно сказано, а в последнем письме очень определенно — двадцать лет назад он сказал, что колхозы уже начинают тормозить. Теперь колхоз может на свои средства рассчитывать, а если государство вложит в это дело? Колоссально увеличатся темпы.

...Вот надо нам понять, что такое социализм, надо понять это дело.

— Никто об этом сейчас вообще даже не говорит.

— Да что значит — никто? Говорят. Слишком много. Философы говорят и экономисты. Есть у нас две книги об основах научного коммунизма. Под редакцией директора Института марксизма-ленинизма академика Федосеева. Почитайте, что он там наплел на Маркса, Энгельса и Ленина.

— Запутался?

— Да. Совершенно... Заморочили голову: мир, мир, мир! Никсон тебе его не поднесет.— Да это будет такая жестокая борьба, без этого мы еще не обойдемся. А вот вы наивничаете: мир, мир! Лучше бы рука отломилась, чем писать эту ерунду! Мир, мир! Его надо завоевывать!

/09.11.1973./

IV. «ПРЕЕМНИК» ЧЕРНЕНКО

...66-я годовщина Октября. С сыном Иваном поехал в Жуковку. Теплый день, плюс девять, нарядный Кутузовский проспект. У Молотова уже собралось несколько гостей и родственников. Как всегда, человек семнадцать, и, как обычно, в час дня мы сели за праздничный стол, Вячеслав Михайлович встал с рюмкой «Теты», поздравил с праздником и пожелал, чтоб каждый подумал, какое хорошее дело сделать к следующей, 67-й годовщине.

Много было тостов... «Не мы должны догонять Америку, а она нас в главном, в идеологии!»

Молотов произнес и последний тост, неожиданный для меня:

— За нашу партию, ее Центральный Комитет, за товарища Андропова, его здоровье, в котором он, видимо, нуждается!

Таких персональных тостов за наших руководителей раньше я от Молотова никогда не слышал...

— Я считаю, что за последние пару лет большим достижением для нас, коммунистов, стало появление двух человек,— сказал Молотов.— Во-первых, Андропов. Это для меня неожиданность, потому что я в кадрах, в частности в большевистских кадрах, разбирался неплохо. Громыко — мой выдвиженец, оказался на месте. Андропов — это первая неожиданность, но приятная неожиданность. Оказывается, в политике он твердый человек, с кругозором. Надежный человек. По-видимому, он здорово вырос за годы работы. Оказался вполне надежным. И у меня был на месте.

И второй человек — Ярузельский. Я, например, не слыхал такую фамилию до появления его в качестве Первого секретаря... Большевиков среди поляков было мало. Но были. Был Дзержинский. Этот человек высокого стиля.

Ярузельский нас выручил, по-моему... Раньше для меня такой же приятной неожиданностью был Фидель Кастро.

(7.11.1983).

А Черненко вообще какой-то навязанный народу человек... До сих пор не можем назначить президента. Вперед мало заглядываем, поэтому неожиданно получается. Не такое трудное дело, а вот не можем,— говорит Молотов.

— Американцы уже прямо заявляют, что надолго советского строя не хватит. Что остался один фасад от здания, а внутри все прогнило,— говорю я.

— Вопросы возникают. Я думаю, эта мечта контрреволюционеров не будет осуществлена. Наиболее крепким государством остается наше государство. И весь социалистический лагерь. А у буржуазного строя как раз неустойчивое положение... Кто сейчас на идеологии стоит?

— Нет идеологии. Раньше хоть Суслов был, сейчас даже Суслова нет.

— Слава Богу, что нет. Мало понимал.

(29.03.1984).

Утром, около 8 часов, мне позвонила Сарра Михайловна:

— У нас большая радость: Вячеслав Михайлович восстановлен в партии!

Я поехал в Жуковку. Молотов в белой рубашке сидел на диване и смотрел телевизор. Я поздравил его и попросил подробно рассказать.

— Вчера меня принимал этот... как его...— Молотов задумался и вспомнил:— Черненко. Дал мне прочесть постановление, там одна строчка: восстановить Молотова в правах члена Коммунистической партии Советского Союза...

— Это было в Кремле?

— Нет, в ЦК. На Старой площади. Все очень просто. Довольно ясно. Но у меня возникают вопросы. Обо мне пишут в последнем издании «Истории КПСС», благодаря, так сказать, активности Пономарева, «примиренцем» записали. Если я «примиренец», назовите кого-нибудь, который менее «примиренец»?

— Вы обратили внимание, вас уже нигде не упоминают в «антипартийной группе».

— Давно уже. Хрущев свою злость, так сказать, направил. Предлагал дружить.

— Вчера вас вызывали?

— Вчера. Вечером.

— Значит, после Политбюро. Вчера, в четверг, у них было заседание.

— В четверг обыкновенно Политбюро, как и при Ленине,— говорит Молотов.— Такой большой зал, где Политбюро заседает... Он меня принял в своем кабинете,— уточняет Молотов.— Сидел за столом. Когда я вошел, он вышел из-за стола навстречу, поздоровался за руку, и мы сели за длинным столом напротив друг друга. Он что-то сказал, но я плохо слышу, а он, бедолага, неважно говорит. И тогда он показал постановление. Я ему говорю: «Я же с 1906 года...» А он говорит: «Вот в постановлении так и записано».

— Чтоб стаж сохранить?

— Да, да.

— У вас теперь самый большой стаж в стране — 80 лет в партии!

— Да уж...

Я спросил, восстановили ли в партии Кагановича и Маленкова.

— Они бы позвонили... Каганович был у меня в прошлую среду, говорит: «Я твой самый близкий друг!» А Маленков давно не объявлялся.

Когда Молотова вызывали при Брежневе после XXIV съезда по поводу заявления о восстановлении, сидела комиссия, 23 человека, дали ему почитать заключение, где были приведены такие факты и цифры о расстрелянных и репрессированных, о которых Молотов сказал, что и не слыхал. А сейчас принимал Черненко — и ни слова об этом.

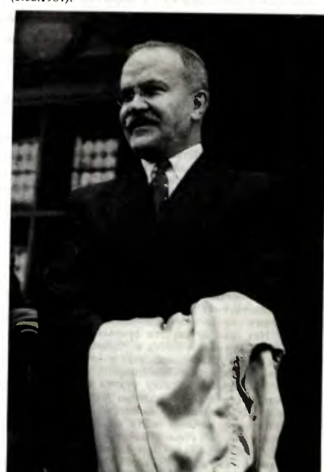
— Все-таки Черненко молодец,— говорю я.

— Вот еще один поклонник Черненко,— улыбается Молотов.— А то, что мы перед войной провели эти репрессии, я считаю, мы правильно сделали.

Молотов стоит на своем. И добился своего, не каясь, не написав никакой самоуничижающей статьи, о чем ему не раз говорили прежде.

...Я записываю номер партийного билета Молотова — нового. № 21057968. Стаж с 1906 года.

(1.08.1984).

СЕРГЕЙ КУЛЕШОВ,
доктор исторических наук

Этих воспоминаний мы ждали очень давно. Периодически прокатывался слух об их опубликовании, но они не появлялись. При внешней мозаичности публикуемые рассуждения В. Молотова глубоко продуманы. Известно, что он долгое время работал в Ленинской библиотеке. Вот как вспоминает об этом советский историк, профессор А. Зевелев. В 10 часов утра распахивается дверь читального зала для академиков и докторов наук, и входит маленький, сухой старик в пенсне. Он педантично штудировал всю историческую и политическую периодику, особенно журналы 20-х годов, делал закладки. Большой интерес его вызывали воспоминания о Ленине, причем он сравнивал их с более ранними изданиями, ища купюры. Однажды Зевелев увидел, как Молотов просматривает ответы на вопросы анкеты старым большевикам, заданные Истпартом в 1927 году, в десятилетний юбилей революции. Поинтересовался, зачем... Молотов отодвинулся, отгородился и стал работать еще конспиративней. В 12 часов приходила его жена — делала выписки из отмеченных мест.

Так что перед нами — плод долгих и методичных размышлений. Невольно приходит на ум строчка из Николая Гумилева: «Старый доктор сгорблен в красной тоге, он законов ищет в беззаконьи». Да, именно этим и занимался «красный академик». И результат закономерен — обвинение выносит сама защита.

В архивах запечатлелся следующий, сам по себе малопримечательный факт: в 1920 году, когда в распределителях проходило «отоваривание» партийной номенклатуры, Молотов получил шляпу и галстук. Именно эти предметы олицетворяли в то время чиновничью бюрократию. Но ограничиться представлениями о чиновнике-бюрократе было бы явно неправомерно. В таком случае личность Молотова свелась бы до уровня действительного столоначальника от КПСС — К. Черненко, восстановившего старого «бойца» в партии. Нет, Вячеслав Михайлович — величина неизмеримо более крупная, деятельная, убежденная, активно участвующая в становлении Системы. И возвращение его в 1984 году в ряды Коммунистической партии — акт справедливый, ибо он — один из достойных героев этой политической организации. Публикуемые воспоминания свидетельствуют о том весьма убедительно.

Случаен ли политический взлет Молотова в 1921 году? Нет, как не случаен прорыв вскоре в высшие эшелоны партийной власти и Кагановича. Их появление на руководящих должностях вполне соответствовало развитию властных отношений в «рабоче-крестьянском» государстве. Ленину нужны были не столько теоретики (это он мог успешно делать и делал сам), сколько исполнители-организаторы, верные и дисциплинированные, готовые пойти на все ради провозглашенной социалистической доктрины. Именно такими стали Свердлов, Сталин и в какой-то мере Молотов. Наглядную демонстрацию своей благонадежности Молотов обнаружил уже в первой серьезной схватке партии за фактически единоличную политическую власть. Речь шла об «однородном социалистическом правительстве», когда социалистическим и демократическим партиям было отказано в законном праве на политическое руководство страной. Большие колебания по этому вопросу были и во ВЦИК, и в ЦК большевистской партии, но на уступки Ленин и его ближайшее окружение не пошли. Именно по предложению Молотова на заседании Петроградского Комитета РСДРП(б) была принята резолюция, отвергающая какие-либо уступки «соглашателям».

Власть перешла в руки одной политической партии. Таким образом, народные массы, боровшиеся за Советскую власть, получили, по выражению видного большевистского деятеля С. Лозовского, власть «чисто большевистскую, объявившую войну революционной демократии».

Если внимательно перечитать такие крупные ленинские работы, как «Очередные задачи Советской власти», «Детская болезнь «левизны» в коммунизме», и ряд других, то ясно видно, что лейтмотивом через них проходит идея закреплення руководящей роли партии в общественной жизни страны. Отбросив «на свалку истории» политический плюрализм в государственной области, Ленин последовательно повел атаку на инакомыслие в собственных рядах.

В 1919 году ЦК РКП(б) рассылает всем губернским и уездным комитетам инструкцию, в которой исключение из партии рассматривается не только как тягчайшая мера наказания для коммунистов, но и как гражданская и политическая смерть для исключенного, ибо каждая партийная организация должна была при-

нять меры к тому, чтобы исключенный из партии не мог не только занять ответственный пост, но и получить простую работу в советском учреждении.

В самой партии начинается все более громкий разговор о «верхах» и «низах», о необходимости борьбы с бюрократизмом, демократизации внутрипартийной жизни. Словом, новая ситуация нуждалась в творческом осмыслении.

И Ленин, как пишет Молотов, «строгий был..., в некоторых вещах строже Сталина..., упрекал Сталина в мягкотелости и либерализме», принимает решения, в чем-то даже ожесточающие казарменный устав правящей структуры.

На X съезде РКП(б) оппозицией был поднят целый пласт вопросов, связанных с реальным состоянием демократии в партии. С трибуны съезда раздавался протест против явного усиления чисто административных тенденций в деятельности Оргбюро ЦК РКП(б), критиковались такие инструменты этой политики, как назначенчество и перемещение «нужных» руководящих кадров. Коллонтай прямо заявила о том, что за инакомыслие ЦК отсылает коммунистов «в отдаленные края». Шляпников и другие коммунисты говорили об оторванности аппарата от партийных масс. Оппозиция была ошельмована. (К сожалению, и сегодня такое отношение к политической оппозиции сохранилось — ее поиски нередко оцениваются как «подбрасывание» горючего материала в практику перестройки, и только.)

Ленин и его сторонники категорически не желали идти на уступки. Особенно явственно это проявилось при обсуждении резолюции «О единстве партии». Ленин предложил «поставить пулеметы» в отношении инакомыслящих в партии. По его инициативе был принят секретный, седьмой пункт резолюции, в котором речь шла о праве исключения из партии за принадлежность к фракциям. Несколько позже с позиций этого пункта был «открыт» сначала пулеметный, а затем пушечный огонь по оппозиционерам.

А на каком-то этапе партия превратилась в своего рода инквизиторский застенок, где с еретиками расправлялись решительно и беспощадно. Так, уже в 1950 году в Москве была создана «особая тюрьма» — КПК при ЦК ВКП(б), которую организовал Маленков (о нем Молотов упоминает лишь как об ограниченном чиновнике-«телефонщике», а не о палаче с партийным билетом в кармане). Следственные дела в ней вели работники аппарата ЦК ВКП(б), и «партийный контроль» осуществлялся методом пыток, истязаний, нередко заканчивался физическим уничтожением обвиняемых.

Особо показателен вопрос о фракциях. В борьбе с царизмом Ленин вел активную фракционную борьбу, и, если было необходимо, даже решительно шел на раскол РСДРП.

После октябрьского переворота он, не раздумывая, прибегал к фракционной деятельности, и понятия «партийная дисциплина», «руководящие указания» становились для него фикцией.

В экстремальной ситуации Брестского мира Леннн оставлял за собой право бороться с большинством ЦК, несмотря на формальные положения Устава партии. И в других случаях он не раз навязывал партии свою точку зрения.

Факт, который приводит Молотов, по существу, ставит точку над «и». По его свидельству, уже на XI съезде появился «список 10-ти» — фамилии предполагаемых членов ЦК — ленинских сторонников. Ленин лично организовал фракционное собрание десятки, нашел для этого специальную комнату и провел соответствующий ннструктаж, где объяснял, почему оппозиционеров-троцкистов, «рабочую оппозицию», децистов нельзя выбирать в высший партийный орган. «А ведь Ленин на X съезде запретил фракции»,— с долей недоумения замечает Молотов.

Приведенный случай похож на правду, ибо многое в деятельности руководства большевистской партии с момента ее основания зиждилось на стандарте двойной морали. Для масс — одно, а для посвященных — иное. И попробуй пойти против.

Для понимания проблемы фракционной деятельности внутри правящей партии необходимо обратиться к письму Ленина к Молотову от 26 марта 1922 года. Сегодня в очень многих работах, посвященных анализу истоков сталинизма, делается акцент на высказанные в нем мысли, что «в настоящее время пролетарская политика нашей партии определяется не ее составом, а громадным, безраздельным авторитетом того тончайшего слоя, который можно назвать старой партийной гвардией. Достаточно небольшой внутренней борьбы в этом слое, и авторитет его будет если не подорван, то во всяком случае ослаблен настолько, что решение будет уже зависеть не от него». Интерпретируется это ленинское высказывание в плане его заботы об укреплении единства партии. Но здесь может быть и иная трактовка.

Что же это за партия трудящихся, авторитет которой зависит от поведения десятка лидеров? Ведь настоящая партия сильна связью с массами. Здесь же — и явное признание отсутствия этой связи, и опасение, что не группа людей будет руководить всей партией, а, наоборот, партия может вмешаться в собственные дела. И что же за «единство» без «внутренней борьбы»? Ведь это и есть тот монолит единомыслия, который мы инкриминируем почему-то только сталинскому видению партии.

Ясно, что и в данном случае мы имеем номенклатурный вариант фракционности, так сказать, по вертикали. Наверное, не случайно еще в дискуссии 1921 года в первичных партийных организациях раздавались голоса, рассматривающие ЦК РКП(б) как фракцию.

А эта — номенклатурная — фракция процветала вовсю. Вспомним, как члены сталинской «тройки» утверждали повестку дня заседаний Политбюро, договаривались о том, как тот или иной вопрос должен быть решен на предстоящем заседании. «Семерка», в которую входили члены Политбюро за исключением Троцкого, не случайно имела псевдоним «руководящий коллектив» и действовала как исполнительный орган фракции Пленума. В тридцатые годы Сталин принимал решения единолично в узком кругу уже неравных ему «советников», включавшем Молотова, Ворошилова, Кагановича. В последние годы жизни «отца народов» туда входили Хрущев, Маленков, Берия, Булганин. Образовывался как бы тройной круг: большой по числу лиц Президиум ЦК КПСС, своего рода внезаконное, не предусмотренное Уставом Бюро Президиума и, наконец, «пятерка» во главе со Сталиным. Все это очень напоминало принципат в Древнем Риме, когда, начиная со времен Октавиана Августа, формально продолжает существовать республиканское устройство, но на деле его якобы правящие институты принимают номинальный характер. И выборы в них, и их деятельность регулируются первым лицом в государстве — принцепсом.

Подобный механизм власти вел к тому, что максимально сужался круг лиц, которые в случае смерти или удаления первого лица от власти могли занять его место. После смерти Сталина таковых было трое — Маленков, Берия, Хрущев. Брежнев был, пожалуй, фигурой, наиболее адекватной тоталитарной системе: олигархический орган, именуемый Политбюро ЦК КПСС, мог при нем спокойно осуществлять «коллективное руководство» партией и страной, хотя и тогда имелось нечто типа «интимного кабинета» Александра I — малочисленная группа пользующихся особым

доверием лиц, принимавшая, скажем, решение о вводе советских войск в Афганистан.

Но вернемся назад... Почему же в 1921 году Молотов очутился в кресле секретаря ЦК? Ответ прост — он и ему подобные были нужны Системе и ее творцам. И Молотов становится необходим и Ленину, и Сталину.

И здесь логика анализа неминуемо подводит к проблеме, стоящей сегодня, пожалуй, в эпицентре дискуссий о складывании советской тоталитарной системы. Это вопрос о Ленине и Сталине.

Молотов, убежденный в правоте большевистского дела, уверен, что Ленин сделал Сталина своей опорой в ЦК, действовал с ним «плечо к плечу, считал его самым надежным, на кого можно положиться». Человек, прекрасно знавший кухню отношений в высших эшелонах партийной элиты, приводит факты, свидетельствующие о том, что Сталин стал Генеральным секретарем по личному указанию Ленина. И, как истово уверяет нас Молотов, в партии и стране не было после Ленина более последовательного, талантливого и, конечно, великого деятеля, кроме Сталина. Не будем спешить ни в опровержении, ни в усмешке.

В июле 1918 года командование Красной Армии при осаде мятежного Ярославля выдвинуло ультиматум, в случае невыполнения условий которого грозило подвергнуть город химической атаке и превратить в руины. В 1920 году химическими снарядами была обстреляна Бухара, а затем брошена на разграбление красноармейцам. В 1921 году химические газы были готовы применить против восставших крестьян Тамбовщины.

Интересы мировой революции и ее полпредов являлись приоритетными перед интересами собственного народа. Так, в начале 1922 года для сведения всех членов Политбюро, в том числе и Ленина, поступает ужасающая информация из Самарской губернии: едят трупы, детей не носят на кладбище, оставляя для питания, похороненных вырывают из могил и употребляют в пищу. И что же: именно в это же время при активном участии Молотова на Секретариате и Оргбюро утверждается смета ЦК РКП на золотую валюту (взятую, кстати, из золотого запаса Наркомфина), по которой сотни тысяч золотых рублей, на которые можно было бы закупить хлеб для голодающих, отдаются на нужды Коминтерна, а также на содержание заграничных домов отдыха для партийной номенклатуры, валютных пособий для нее и членов семей на лечение за границей.

В том же 1922 году, когда по России прокатывался смерч голода, специальная медицинская комиссия обследует состояние здоровья «ответственных товарищей». Результаты неутешительные — почти все больные: у Сокольникова — неврастения, Курского — невралгия, Зиновьева — припадки на нервной почве... Здоровы Сталин, Крыленко, Буденный (небольшое повреждение плеча — рубил, наверное, кого-то), Молотов (всего лишь нервность), у Фрунзе — зарубцевавшаяся язва (прав, оказывается, Борис Пильняк в своей «Повести непогашенной луны»). Но важны не столько диагнозы, сколько предложения о лечении — Висбаден, Карлсбад, Киссенген, Тироль... Что это — целебный пир во время чумы? О какой нравственности партийных лидеров можно говорить?

Парадокс сегодняшней ситуации состоит и в том, что современные фактические защитники (под видом «взвешенного» подхода) тоталитарной Системы пытаются оправдать то, что даже ее создатели стремились скрыть, понимая в глубине души, что это разительно расходится с провозглашенными лозунгами.

А взять печально известное «Шуйское письмо» Ленина Молотову от 19 марта 1922 года.

Дело здесь не только в расправе со священнослужителями, а в иезуитской, лицемерной процедуре: «строго секретно», в том числе и от членов партии, методом военных хитростей устроить на XI съезде «секретное совещение всех или почти всех делегатов по этому вопросу совместно с главными работниками ГПУ, НКЮ и Ревтрибунала», а саму кампанию завершить массовыми расстрелами.

В. Молотов полностью оправдывает сталинскую депортацию народов, говоря, что они были предателями. Да, действительно, было в их среде и немало сотрудничавших с гитлеровцами. А среди украинцев, русских разве не было таковых? (Чего стоит армия Власова!) Но не надо спешить, объявляя их всех предателями. Там были разные люди, с разными мотивами. В том числе и те, которых предала на истребление ее величество Система. Произошла общенациональная трагедия.

Свои «нравственные» оценки политических событий В. Молотов демонстрирует и при обращении к событиям послевоенного периода. Так, в отношении Берии главная суть молотовского обвинения состоит не в том, что тот убийца, садист и насильник. Нет, Берия плох как «правый», «идейно чуждый человек», что проявилось в стремлении убедить политическое руководство страны не проводить форсированного строительства социализма в ГДР. К слову сказать, несмотря на всю «мерзостность» личности Берии, к всесторонней оценке его деятельности историкам еще предстоит обратиться. Ведь именно он после смерти Сталина явился инициатором целого ряда реформистских проектов, направленных на либерализацию режима, и ряд этих наработок был потом использован и Маленковым, и Хрущевым.

До самого последнего времени у нас была искажена история так называемой «антипартийной группы», в деятельности которой В. Молотов принял самое активное участие. Знакомясь с его воспоминаниями, еще раз убеждаешься — группа действительно была, но не «антипартийная», а антихрущевская. В претензиях ее участников были и здравые соображения, и спорные, и неверные вещи.

Молотов и его сподвижники были повержены все тем же седьмым пунктом резолюции «О единстве партии», который они в свое время столь активно проводили в жизнь. Сработал «эффект бумеранга». И еще. У Молотова не хватило даже элементарной порядочности оценить, что после разгрома группы ее члены по большевистской традиции не оказались в тюремных камерах. А ведь на проходивших партийных активах такие рекомендации давались...

Теперь общество переходит на качественно новый уровень познания своей недавней истории, в чем мемуары Молотова, как ни странно, нам существенно помогут.

Рубрику ведет
кандидат исторических наук
ВЛАДИМИР НИКИТИН

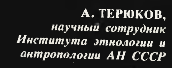
КОМИ-ИЖЕМЦЫ

Эти фотографии поступили в Музей антропологии и этнографии имени Петра Великого еще в 1915 году от Петра Платоновича Матафтина из Печорского уезда Архангельской губернии. Матафтин объехал весь Российский Север. Будучи чиновником по крестьянским делам, ему приходилось разрешать немало споров, то и дело возникавших в этом громадном многонациональном крае.

В начале XX века либералы, поддерживаемые известным исследователем Русского Севера А. В. Журавским, хлопотали за учреждение в Архангельской губернии земства и требовали от правительства проведения активной переселенческой политики на Севере. Губернское же руководство, в том числе и Матафтин, выступало за более умеренную колонизацию, полагая, что освоение печорского края должно идти в первую очередь за счет местного населения. Неудивительно, что Матафтин был одним из главных объектов критики местной либеральной прессы. Однако, как показала история, пророчество Журавского не сбылось — сельскохозяйственное освоение печорских земель так и не получило гигантского развития. В то же время этот край стал одним из крупнейших районов добычи нефти, газа, каменного угля.

С фотографий на нас смотрят коми-ижемцы, печорские жители. В XVI веке их предки начали осваивать бассейн реки Ижмы, притока Печоры. Со второй половины XIX века ижемцы появляются на ярмарках Петербурга. Они пригоняют в столицу целые оленьи караваны, груженные товаром, и катают людей на оленях по Неве. Именно эти энергичные люди и изображены на фотографиях Матафтина.

А. ТЕРЮКОВ,
научный сотрудник Института этнологии и антропологии АН СССР

Сдано в набор 18.02.91. Подписано к печати 26.03.91. Формат 84×60. Бумага офсетная. Печать офсетная. Усл. печ. л. 11,16. Усл. кр.-отт. 31,62. Уч.-изд. л. 16,85. Тираж 152 760 экз. Заказ N 330. Цена 1 руб. 50 коп.

Адрес редакции: 109316, Москва, Волгоградский проспект, 26. Тел. 270-52-54

Ордена Ленина и ордена Октябрьской Революции типография им. В. И. Ленина издательства ЦК КПСС «Правда». 125865, ГСП, Москва, А-137, ул. «Правды», 24.